

ISSN 2219-6838

**ЭЛЕКТРОННОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ
К «РОССИЙСКОМУ
ЮРИДИЧЕСКОМУ ЖУРНАЛУ»**

**НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ,
ИНФОРМАЦИОННОЕ И ПРАКТИЧЕСКОЕ
ИНТЕРАКТИВНОЕ ИЗДАНИЕ**

Основано в 2010 году

1/2018

electronic.ruzh.org

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор – к. ю. н., доц. **И. В. Федоров**

д. ю. н., доц. **О. И. Андреева**; д. ю. н., проф. **А. С. Барабаш**; к. ю. н., доц. **Ю. С. Безбородов** (зам. гл. редактора); д. ю. н., проф. **О. В. Болтинова**; д. ю. н., проф. **Л. Ю. Василевская**; д. ю. н., проф. **Д. В. Винницкий**; к. ю. н., доц. **О. Г. Геймур**; д. ю. н., проф. **С. Ю. Головина**; д. ю. н., проф. **Л. Я. Драпкин**; д. ю. н., проф. **Е. Р. Ергашев**; к. ю. н., доц. **Д. В. Жернаков**; д. ю. н., проф. **С. К. Загайнова**; д. ю. н., проф. **Т. В. Заметина**; д. ю. н., проф. **И. А. Игнатьева**; д. ю. н., проф. **С. В. Кодан**; д. ю. н., проф. **И. Я. Козаченко**; д. ю. н., проф. **Н. В. Козлова**; к. ю. н. **Я. Койстинен** (Финляндия); д. ю. н., проф. **А. Н. Кокотов**; д. ю. н., проф. **В. В. Комарова**; к. ю. н., проф. **Т. В. Кондрашова**; д. ю. н., проф. **П. И. Кононов**; д. ю. н., проф. **Е. В. Кудрявцева**; д. ю. н., проф. **П. У. Кузнецов**; к. ю. н., доц. **А. В. Лисаченко**; к. ю. н., доц. **Т. Е. Логинова**; д. ф. н., проф. **И. П. Малинова**; д. ю. н., проф. **С. Ю. Марочкин**; д. и. н., проф. **В. П. Мотревич**; д. ю. н., проф. **В. В. Никишин**; д. ю. н., проф. **Д. В. Осинцев**; проф. **П. Поликастро** (Польша); д. ю. н., доц. **С. Б. Поляков**; д. ю. н., проф. **В. Ф. Попондопуло**; к. ю. н., доц. **О. Н. Родионова**; к. ю. н., проф. **Р. К. Русинов**; д. ю. н., проф. **П. И. Савицкий**; д. ю. н., проф. **Г. В. Сахнова**; д. ю. н., проф. **Е. В. Смахтин**; д. ю. н., проф. **А. И. Стахов**; д. ю. н., доц. **В. Л. Толстых**; д. ю. н., проф. **А. Трунк** (ФРГ); д. ю. н., проф. **М. Ю. Федорова**; к. ю. н., проф. **С. Д. Хазанов**; проф. **Хуан Даосю** (КНР); д. ю. н., проф. **В. М. Шафиров**; проф. **П. Шокис** (Бельгия)

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief – **I. V. Fedorov** (candidate of law, assoc. prof.)

O. I. Andreeva (doctor of law, assoc. prof.); **A. S. Barabash** (doctor of law, prof.); **Yu. S. Bezborodov** (candidate of law, assoc. prof.); **O. V. Boltinova** (doctor of law, prof.); **L. Ya. Drapkin** (doctor of law, prof.); **E. R. Ergashev** (doctor of law, prof.); **M. Yu. Fedorova** (doctor of law, prof.); **O. G. Geymur** (candidate of law, assoc. prof.); **S. Yu. Golovina** (doctor of law, prof.); **Huang Daoxiu** (prof.) (China); **I. A. Ignatieva** (doctor of law, prof.); **S. D. Khazanov** (candidate of law, assoc. prof.); **S. V. Kodan** (doctor of law, prof.); **Ja. Koistinen** (candidate of law) (Finland); **I. Ya. Kozachenko** (doctor of law, prof.); **N. V. Kozlova** (doctor of law, prof.); **A. N. Kokotov** (doctor of law, prof.); **T. V. Kondrashova** (candidate of law, prof.); **P. I. Kononov** (doctor of law, prof.); **V. V. Komarova** (doctor of law, prof.); **E. V. Kudryavtseva** (doctor of law, prof.); **P. U. Kuznetsov** (doctor of law, prof.); **A. V. Lisachenko** (candidate of law, assoc. prof.); **T. E. Loginova** (candidate of law, assoc. prof.); **I. P. Malinova** (doctor of philosophy, prof.); **S. Yu. Marochkin** (doctor of law, prof.); **V. P. Motrevitch** (doctor of history, prof.); **V. V. Nikishin** (doctor of law, prof.); **D. V. Osintsev** (doctor of law, prof.); **P. PolICASTRO** (prof.) (Poland); **S. B. Polyakov** (doctor of law, assoc. prof.); **V. F. Popondopulo** (doctor of law, prof.); **O. N. Rodionova** (candidate of law, assoc. prof.); **R. K. Rusinov** (candidate of law, prof.); **P. I. Savitskiy** (doctor of law, prof.); **T. V. Sakhnova** (doctor of law, prof.); **P. Schoukens** (prof.) (Belgium); **V. M. Shafirov** (doctor of law, prof.); **E. V. Smakhtin** (doctor of law, prof.); **A. I. Stakhov** (doctor of law, assoc. prof.); **V. L. Tolstykh** (doctor of law, assoc. prof.); **A. Trunk** (doctor of law, prof.) (Germany); **L. Yu. Vasilevskaya** (doctor of law, prof.); **D. V. Vinnitskiy** (doctor of law, prof.); **S. K. Zagaynova** (doctor of law, prof.); **T. V. Zаметина** (doctor of law, prof.); **D. V. Zhernakov** (candidate of law, assoc. prof.)

Редакционная коллегия определяет текущую редакционную политику журнала, рассматривает и утверждает содержание очередных номеров, контролирует деятельность журнала

Адрес редакции: 620137, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 23, оф. 207

Корреспонденцию, материалы и статьи направляйте по адресу:

620137, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21, УрГЮУ,

редакция «Российского юридического журнала».

Тел./факс (343) 375-54-20. electronic.ruzh.org.

E-mail: ruzh@usla.ru.

Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС 77-41478 от 28 июля 2010 г.

Точки зрения авторов статей, иных материалов не обязательно совпадают с точкой зрения редакции. Перепечатка статей и иных материалов, опубликованных в «Электронном приложении к „Российскому юридическому журналу“», допускается только с разрешения редакции

© Уральский государственный юридический университет, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

- Архипов С. И. (Екатеринбург)* Представления о правовом прогрессе
И. Канта и Г. В. Ф. Гегеля 7

ГОСУДАРСТВОВЕДЕНИЕ И ПОЛИТОЛОГИЯ

- Колоткина О. А., Шалободов Д. В., Ягофарова И. Д. (Екатеринбург)* Баланс публичных
и частных интересов при обеспечении национальной безопасности России..... 19

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

- Тесленко А. М. (Екатеринбург)* Передача лиц, страдающих
психическими расстройствами, для проведения принудительного лечения
как форма международной правовой помощи 26
- Кудинов А. С. (Москва)* Обследование (следственная процедура) в системе
мирного разрешения международных споров..... 31

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

- Гребенюк В. В. (Елец)* Отзыв депутата Государственной Думы как элемент
системы народного представительства: проблемы и перспективы
конституционно-правового регулирования в России..... 45

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

- Шабалин Л. И. (Екатеринбург)* Можно ли относить к мошенническим
действия по завладению имуществом с применением гипноза? 58

ВОПРОСЫ СЛЕДСТВЕННОЙ И ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- Карепанов Г. Н. (Екатеринбург)* Приемы предъявления и проверки обоснованности
обвинения в совершении мошенничества в сфере кредитования..... 70

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

- Семякин М. Н. (Екатеринбург)* Частноправовая мысль в философии О. Шпенглера 76
- Жабреев М. В. (Екатеринбург)* Способы приобретения социальными образованиями
гражданско-правового статуса..... 83
- Степкин С. П. (Москва)* Правовой статус разъяснений высших судов
по частноправовым спорам 97

ТРУДОВОЕ И СОЦИАЛЬНОЕ ПРАВО

- Елфимова Е. В. (Екатеринбург), Софронова А. Ю. (Курган)* Аттестация сотрудников
органов внутренних дел: вопросы совершенствования законодательства 103

ЭКСПЕРТИЗА

- Козубенко Ю. Б. (Екатеринбург)* Досудебное соглашение о сотрудничестве
или договор на оговор?..... 109

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

- Мотревич В. П. (Екатеринбург)* Учреждения для иностранных военнопленных
и интернированных в Башкирской АССР в 1944–1949 гг.
(численность, дислокация, смертность контингента) 114

СТУДЕНЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

- Почепнев К. Е. (Екатеринбург)* Антитеррористические операции и международное гуманитарное право..... 123
- Тиунова А. И. (Екатеринбург)* Бить или не бить – вот в чем вопрос 127
- Тупицын А. А. (Екатеринбург)* О применении норм международного гуманитарного права к террористическим актам и антитеррористическим операциям.....131

МУЗЕЙ ИСТОРИИ СЮИ – УрГЮА – УрГЮУ

Навстречу 100-летию юбилею вуза

- Калинина А. В., Гордик С. А., Еловигов Н. А., Катаргин М. В. (Екатеринбург)* Феномен юбилея в познании истории юридического вуза: исследовательские возможности и перспективы..... 134

CONTENTS

THEORY OF LAW AND STATE

Arkhipov S. I. (Yekaterinburg) I. Kant's and G. W. F. Hegel's views on legal progress..... 7

PUBLIC ISSUES AND POLITICAL SCIENCE

Kolotkina O. A., Shalobodov D. V., Yagofarova I. D. (Yekaterinburg) A balance of public and private interests in ensuring national security of Russia..... 19

INTERNATIONAL LAW

Teslenko A. M. (Yekaterinburg) The transfer of persons affected by mental disorders for involuntary treatment as a form of international legal assistance..... 26

Kudinov A. S. (Moscow) Enquiry (fact-finding procedure) in the system of peaceful settlement of disputes 31

KONSTITUTIONAL LAW AND PROCEDURE

Grebenyuk V. V. (Yelets) The recall of a deputy of the State Duma as a necessary element of the people's representation: problems and prospects of constitutional and legal regulation in Russia..... 45

CRIMINAL LAW AND PROCEDURE

Shabalin L. I. (Yekaterinburg) Could the criminal acquisition of property by using hypnosis be qualified as fraud? 58

QUESTIONS OF INVESTIGATION AND OPERATIVE-RESEARCH ACTIVITY

Karepanov G. N. (Yekaterinburg) The techniques of accusing for the commission of credit fraud and of testing the validity of such accusation 70

CIVIL LAW AND PROCEDURE

Semyakin M. N. (Yekaterinburg) Private legal thought in philosophy of O. Spengler 76

Zhabreev M. V. (Yekaterinburg) The methods of acquirement of civil status by social formations..... 83

Stepkin S. P. (Moscow) The legal status of higher judicial bodies' clarifications on private legal disputes 97

LABOUR AND SOCIAL LAW

Elfimova E. V. (Yekaterinburg), Sofronova A. Yu. (Kurgan) Certification of the internal affairs staff: issues of legislation improvement..... 103

EXPERTISE

Kozubenko Yu. V. (Yekaterinburg) A pre-trial cooperation agreement or a slander contract? 109

PAGES OF HISTORY

Motrevich V. P. (Yekaterinburg) Institutions for foreign prisoners of war and internees in the Bashkir ASSR in 1944–1949 (number, dislocation, death rate of the contingent) 114

STUDENTS' BULLETIN

Pochepnev K. E. (Yekaterinburg) Anti-terrorist operations and international humanitarian law..... 123

Tiunova A. I. (Yekaterinburg) To fight or not to fight – that is the question 127

Tupitsin A. A. (Yekaterinburg) On the application of international humanitarian law to terrorist acts and anti-terroristic operations..... 131

MUSEUM OF HISTORY OF SLI – USLA – USLU

Towards the 100th anniversary of the University

Kalinina A. V., Gordik S. A., Elovikov N. A., Katargin M. V. (Yekaterinburg) The phenomenon of
jubilee in the study of history of a higher educational law institution:
research opportunities and prospects134

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ПРАВОВОМ ПРОГРЕССЕ И. КАНТА И Г. В. Ф. ГЕГЕЛЯ

Архипов Сергей Иванович

Доктор юридических наук, профессор кафедры теории государства и права
Уральского государственного юридического университета,
приглашенный профессор Университета «Париж X – Нантер» (Екатеринбург), e-mail: arhip10@mail.ru

Анализируются критерии правового прогресса, основные этапы социально-правового развития, выделяемые И. Кантом и Г. В. Ф. Гегелем. Рассматриваются их идеи об источниках развития общества, человеческих задатках, способствующих и препятствующих правовому прогрессу, о совершенном правовом устройстве общества. Автор указывает на достоинства и выступает с критикой отдельных положений данных концепций.

Ключевые слова: правовой прогресс, источники развития общества, критерий правового прогресса, правовой идеал, правовая свобода, совершенное правовое устройство общества

I. KANT'S AND G. W. F. HEGEL'S VIEWS ON LEGAL PROGRESS

Arkhipov Sergey

Ural State Law University, University Paris X – Nanterre (Yekaterinburg), e-mail: arhip10@mail.ru

The author analyzes the criteria for legal progress, the main stages of socio-legal development highlighted by I. Kant and G. W. F. Hegel. He reviews their ideas about the sources of development of society, human inclinations contributing to or impeding legal progress as well as a perfect legal order of society. The author points out strengths and weaknesses of both philosophical concepts.

Key words: legal progress, sources of development of society, criterion for legal progress, legal ideal, legal freedom, perfect legal order of society

В теории правового прогресса можно выделить две наиболее значительные фигуры, двух крупнейших мыслителей, чьи идеи на протяжении длительного времени оказывают существенное влияние на общественное сознание, позволяют заглянуть в будущее человечества, понять, как должен быть устроен социальный мир. Речь идет об Иммануиле Канте и Георге Вильгельме Фридрихе Гегеле. Закономерности социально-правового развития, критерии правового прогресса, внутренние и внешние силы, приводящие в движение человеческие массы, конечная цель правового развития, факторы, способствующие и препятствующие общественному прогрессу, – эти и другие проблемы нашли отражение в трудах великих немецких мыслителей. Двести лет назад они определили общие контуры правового государства как социально-правового идеала, к которому необходимо стремиться человечеству, сформулировали идею достижения всеобщего мира между государствами и народами, которая остается чрезвычайно актуальной для мирового сообщества.

Концепция социально-правового прогресса И. Канта. Иммануил Кант, анализируя закономерности исторического развития, логику всеобщей истории, пришел к выводу о том, что люди, сами того не осознавая, стремятся к достижению неведомой им цели природы, осуществлению ее «тайного плана». В каждом человеке изначально заложены определенные качества, способствующие его постоянному целесообразному совершенствованию. Однако эти задатки в силу скоротечности человеческой жизни не могут

в полной мере развиться в отдельном индивидуе, но способны реализоваться в эволюции человечества как рода. В этом смысле существование человеческого рода – история поступательного, закономерного развития заложенных в нем природой первичных свойств, задатков¹.

Природа, согласно Канту, подталкивает человека к тому, чтобы он сам добивался лучшей жизни, заслужил своего счастья, стремился к внутреннему совершенству, а также к созданию лучшего социального устройства. В качестве источника социального развития он указывал на общественные антагонизмы, недоброжелательную общительность людей, приводящую к раздорам, разъединению: «Человек хочет согласия, но природа лучше знает, что для его рода хорошо; и она хочет раздора»². Соперничество, вражда приводят в действие социальную систему, заставляют людей развиваться, преодолевая свойственную им от природы лень, инертность. Главная цель, во имя достижения которой природа наделила человека необходимыми для него качествами, – всеобщее гражданско-правовое состояние, такое справедливое и разумное устройство общества, в котором свобода получает наиболее полное осуществление.

По мнению Канта, одна из наиболее сложных задач, которую должен решить человеческий род на пути к предустановленной природой цели, – научиться не злоупотреблять своей свободой, не нарушать интересы других лиц, уважать их достоинство, права. В своих инстинктах, нерациональных поступках человек уподобляется животному, которое нуждается в господине, ограничивающем его произвол, принуждающем его подчиняться общепринятым нормам. Но где найти такого господина, разумного, справедливого и лишенного свойственных человеку животных инстинктов? Поскольку в мире, где живет человек, нет существ, обладающих такими качествами, то он должен искать себе господина среди представителей человеческого рода. Назначенный властвовать над другими людьми господин сам нуждается в поводе, в собственном господине (поскольку властитель, будучи человеком, не может быть абсолютно беспристрастным, объективным и разумным). Для Канта это самая трудноразрешимая из всех проблем, стоящих перед человечеством, которое стремится создать приемлемое для себя общественное мироустройство.

Согласно концепции Канта история человечества начинается с естественного состояния – «эпохи покоя и мира»³, где еще нет права, законов, государства, суда. В этот период люди живут и развиваются, как природные существа. Затем происходит переход в эпоху «труда и раздора»⁴; это и есть начало социальной истории: неравенства, конфликтов и свободы. Появляются социальные институты, элементы государственного устройства, культура, искусство. Нарастающее общественное неравенство является источником, с одной стороны, социального зла, несправедливости, безнравственных поступков, с другой – всего позитивного, полезного, доброго. Конечная веха социальной истории – достижение такого состояния, в котором будут реализованы задатки человеческого рода.

Государство, по мнению Канта, должно строиться по принципу правового объединения граждан, соответствовать чистым принципам права. По форме оно должно быть республикой, основывающейся на идеях свободы индивидов, их равенства и подчинения общему закону (единому законодательству). Государству необходимы три власти: законодательная (верховная), исполнительная и судебная. Законодательная власть может принадлежать лишь самому народу: «Только всеобщим образом объединенная воля народа

¹ Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // Кант И. Соч.: в 8 т. М., 1994. Т. 8. С. 12–14.

² Там же. С. 17.

³ Кант И. Предполагаемое начало человеческой истории // Кант И. Соч. Т. 8. С. 82.

⁴ Там же.

может быть законодательствующей»¹. Исполнительная власть может принадлежать правительству (моральному лицу) или правителю (физическому лицу). Правительство или правитель назначает должностных лиц, осуществляющих управление государством, принимает в соответствии с законом предписания, постановления. Исполнительная власть не может осуществлять правосудие и законотворческую деятельность. Судебная власть должна присуждать каждому свое в соответствии с законом, ее опосредованно осуществляет сам народ (через суд присяжных). Все три власти должны быть скоординированы, дополнять друг друга, при этом каждая из них не может выполнять функции других.

В глобальном плане человечеству необходимо стремиться к искоренению причин, оснований возникновения новых войн. Идея «вечного мира» красной нитью проходит через многие произведения И. Канта, состояние мира не рассматривается им в качестве естественного состояния людей и народов, его необходимо достичь. И. Кант полагал, что преодолеть войну можно путем создания общепланетарного государства народов, но этого не желают суверенные государства. Поэтому «чтобы не все было потеряно», он соглашается на «негативный суррогат союза, устраняющего войны»², – федерацию свободных государств. Цель данного объединения (федерации государств) – не достижение мирового могущества, власти, а устранение навсегда всех войн.

Развивая свои представления о вечном мире, И. Кант предлагал идею всемирного гражданства, согласно которой люди должны быть гражданами «общечеловеческого государства»³. По сути, это проект трансформации международного права, созданного для государств, в общечеловеческое право (*cosmopolitan law*), предназначенного для граждан мира (предполагающий переход от международного к космополитическому порядку, в котором каждое государство является подчиненной стороной)⁴. И. Кант осознавал препятствия на пути достижения заявленной им цели, но был уверен в том, что это не пустая идея, а постепенно решаемая задача. Для него установление всеобщего мира – не просто часть, а конечная цель его учения о праве.

Движение по пути культурного прогресса, по мнению немецкого философа, иногда может прерываться, но никогда не прекратится, не пойдет вспять. При этом развитие моральных качеств людей может отставать от прогресса их индивидуальных способностей, дарований, навыков, умений, что несет опасность для всего человеческого рода, его нравственности. Однако «нравственные задатки человечества, которые всегда плетутся позади... когда-нибудь все же (при наличии мудрого правителя мира) перегонят ее [культуру одаренности, умения и вкуса], тем более что она в своем поспешном беге то и дело сама создает себе препятствия и часто спотыкается»⁵.

Приближению к заветной цели исторического развития человеческого рода должно способствовать просвещение людей, с которым И. Кант связывал преодоление религиозных и иных заблуждений, укоренившихся предрассудков. Оно способно оказать влияние не только на индивидуальное сознание, помыслы и поступки отдельных людей, но и на всю систему государственного управления, сложившиеся принципы принятия и осуществления государственных решений. Целенаправленное организованное просвещение народа – фундамент для поступательного развития общества. Важным пунктом этого

¹ Кант И. Метафизика нравов // Кант И. Соч. Т. 6. С. 345.

² Кант И. К вечному миру. Философский проект // Кант И. Соч. Т. 7. С. 22–23. По Канту, идея международного права предполагает раздельное существование государств, их суверенитет, независимость друг от друга (Там же. С. 34), следовательно, она несовместима с идеей общепланетарного государства народов.

³ Там же. С. 13, 26.

⁴ Хабермас Ю. Дискуссия о прошлом и будущем международного права. Переход от национальной к постнациональной структуре // Вестн. рос. философ. общества. 2003. № 3. С. 16.

⁵ Кант И. Конец всего сущего // Кант И. Соч. Т. 8. С. 210

процесса он видел осмысление истории не как эмпирической науки, описывающей множество случайных фактов, событий, а как концепции закономерного приближения людей к предначертанной природой цели – всемирному гражданско-правовому состоянию¹. По сути, речь идет о разработке философско-исторической теории социально-правового прогресса человечества, которая должна объяснять не только прошлое, но и будущее, быть «нитью Ариадны», указывающей людям путь общественного развития, достижения совершенного социального устройства, тем самым содействовать осуществлению «тайного плана природы».

Право И. Кант рассматривал как совокупность условий, при которых произвол одного лица совместим с произволом другого с точки зрения всеобщего закона свободы². В своем понимании права он исходил из естественно-правовых оснований, из идеи свободы, однако при этом не отвергал необходимость принуждения в праве. Право каждого лица должно быть гарантировано, защищено, оно связано с правомочием принуждать (закон взаимного принуждения, согласующегося со свободой каждого). И. Кант утверждал: «Наш долг состоит в том, чтобы глубоко уважать право других и как святыню ценить его. Во всем мире нет ничего более святого, чем право других людей»³. Право для немецкого философа – высшая ценность в мире свободы и разумного социального порядка. Его позиция была принципиально отлична от позиций авторов этических воззрений, согласно которым право – это минимум нравственности. Право, если понимать его как непозитивное, естественное, воплощает в себе социальный идеал (следовательно, замысел природы), к которому нужно стремиться; оно есть священный правитель, «все моралисты и учителя должны настолько, насколько это возможно, представлять действия из доброты, как действия по долгу, и сводить их к праву»⁴.

Достоинства и недостатки кантовской концепции социально-правового прогресса. Оценивая в целом представления И. Канта о правовом прогрессе, можно отметить особую притягательную силу того идеала, к которому, по мысли автора концепции, должно стремиться человечество – достижение всемирно-гражданского состояния. После двух мировых и множества локальных войн в XX столетии осознание необходимости построения системы всеобщего мира стало еще более актуальным, чем двести лет назад. Каждый новый виток международной политической напряженности, кровавый военный конфликт, акт агрессии одного государства по отношению к другому подталкивает народы к пониманию неизбежности следования тому пути развития, который был предложен И. Кантом. Человечество за прошедшее время не открыло для себя другой, более актуальной цели социально-правового прогресса.

Не утратили актуальности идеи немецкого философа о внутреннем устройстве, организации правового сообщества, названного его последователями правовым государством. Однако если сама идея правового государства в целом получила признание и конституционное закрепление в ряде стран, то конкретные элементы, которые оно должно в себя включать, а также принципы его организации и функционирования до сих пор являются дискуссионными. Главная проблема, как представляется, заключается в отсутствии детализации общего замысла будущего социально-правового устройства. Философская идея И. Канта не получила необходимой теоретико-правовой концептуализации, детальной юридической проработки, она так и осталась «философским облаком», не воплотилась в принятый проект социально-правовых преобразований.

¹ Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане. С. 26–28.

² Кант И. Соч.: 6 т. М., 1965. Т. 4. Ч. 2. С. 139.

³ Кант И. Из «Лекций по этике» (1780–1782гг.) // Этическая мысль: науч.- публицист. чтения. М., 1988. С. 306.

⁴ Там же. С. 308.

Также в предложенной немецким мыслителем модели государства политическая идея власти не вполне стыкуется с правовой идеей (принципом) совмещения произвола одного с произволом другого с точки зрения закона свободы. Это два разных коммуникативных принципа, за каждым из которых стоит своя система социального взаимодействия. Государство, создаваемое для того, чтобы властвовать над гражданами, по своей природе отлично от организации, союза, призванного служить ее (его) участникам, совмещать их интересы и способствовать их осуществлению. Механическое соединение в одном организационном устройстве двух разнородных коммуникативных систем представляется трудноразрешимой задачей. Может быть, именно по этой причине проект правового государства (по кантовской терминологии – «гражданско-правового состояния») так и не получил практической реализации.

Кроме того, если следовать Канту, то в человеке заключены не только позитивные задатки, способствующие социально-правовому прогрессу, но и негативные качества, животные начала. Но откуда тогда уверенность в том, что именно положительные качества индивида смогут воплотиться в социальной жизни, что животные стремления, антисоциальные порывы не возобладают? В этом смысле показателен XX в., который продемонстрировал миру обратное движение человечества – к безнравственному, аморальному, антиправовому поведению, к созданию тоталитарной государственности. Очевидный прогресс в технической и технологической сфере и регресс в моральном, правовом отношении. «Просвещенная» трудами И. Канта и Г. В. Ф. Гегеля германская нация почему-то не вдохновилась их правовыми идеалами, а предпочла идею мирового господства, порабощения и уничтожения других народов. Один из наиболее прогрессивных в техническом и технологическом отношении народов вместо использования своих научных достижений во имя высоких социально-правовых целей пошел по пути создания концентрационных лагерей, газовых камер, ядерных бомб, первых ракетных систем. Сам И. Кант, осознавая уязвимость своего вывода о неизбежности достижения человечеством указанного им идеала, был вынужден признать: «Благодаря Провидению будет достигнута цель человеческого рода»¹. Философ неспроста взывал к Провидению: вероятно, у него были сомнения в собственной правоте, в возможности осуществления его глобального социально-правового проекта, поэтому свои рациональные доводы он вынужден был усиливать, укреплять аргументом веры.

Гегелевские представления о правовом прогрессе. Согласно Г. В. Ф. Гегелю идея права – это свобода, его исходным началом выступает воля, «которая свободна; так что свобода составляет ее субстанцию и определение и система права есть царство осуществленной свободы»². Свобода есть главное определение воли, она образует ее «материю», субстанцию. Гегель, формулируя свое отношение к кантовским рассуждениям о праве, отметил, что произвол есть не воля в ее истине, а воля в качестве противоречия; обыкновенный человек полагает, что он свободен, если ему дозволено действовать по своему произволу, между тем именно в произволе заключена причина его несвободы. Влечения, по его мнению, должны быть разумной системой волеопределения; такое их понимание, развитое из понятия, и есть содержание науки о праве³.

Представляется, что это замечание Гегеля верно лишь отчасти. Право как рациональная система, как мир духа, порожденный им самим, действительно предполагает осознанную волю, освобожденную от случайностей и возвышенную до всеобщности. Однако очищенная от всего чувственного, рафинированная воля – это, на наш взгляд, конеч-

¹ Кант И. О поговорке «Может быть, это и верно в теории, но не годится для практики» // Кант И. Соч. Т. 8. С. 203.

² Гегель Г. В. Ф. Философия права. М., 1990. С. 67.

³ Там же. С. 80–83.

ная цель, к которой должна стремиться правовая система, желаемый результат правовой коммуникации. Система правового взаимодействия должна быть такова, чтобы, имея «на входе» случайные, произвольные влечения участников взаимодействия, «на выходе» в результате диалога заинтересованных лиц обеспечить их разумное волеопределение. Правовая коммуникация – это движение от произвола к рациональной, осознавшей себя, самоопределившейся и совмещенной с произволом других лиц юридически оформленной воле. В этом смысле можно признать и правоту И. Канта, который оперировал понятием произвола в определении права, поскольку нет смысла совмещать разумную волю, которая уже является совмещенной, поскольку разумна.

Право для Гегеля представляет собой «нечто святое вообще уже потому, что оно есть наличное бытие абсолютного понятия, самосознательной свободы»¹. Прогресс права – это прогресс свободы, восходящая лестница, где каждой ступени развития идеи свободы соответствует свое, особое право. Противопоставление морали, нравственности праву имеет смысл лишь применительно к абстрактному, формальному праву; мораль, нравственность, государственный интерес как ступени развития свободы есть особые формы права. Таким образом, по Гегелю, следует различать *форму абстрактного права* (опосредующую единичную волю субъекта, взятую в ее непосредственности), *форму морального права* (закрывающую в себе волю, «определившуюся в качестве субъективной единичности в противопоставлении всеобщему») и *форму нравственного права* (в которой объединяются самостоятельность индивидуальности со всеобщей субстанциональностью)².

На ступени абстрактного права (первая ступень развития идеи свободной воли) лицо, по мысли Гегеля, проявляет себя с внешней стороны – как признаваемый правопорядком правоспособный субъект, владеющий вещами (собственник), участник договорных отношений, правонарушитель, наносящий ущерб кому-либо своими действиями. На ступени морального права лицо представлено с внутренней стороны – как субъективная воля, обращенная сама к себе. На данной ступени имеют значение преследуемые субъектом цели, намерения, умысел, а также вина воли, совесть как самосознание субъекта. Нравственное право (как высшая ступень) представляет собой единство субъективного и объективного, в нем правовое и моральное соединяются, идея свободы получает социальное воплощение в семье, гражданском обществе или государственном устройстве.

Идея возвышения воли, возникшей из естественного состояния необузданности, до всеобщности, разумной свободы получила дальнейшее развитие в гегелевской философии истории. Гегель истолковывал всемирную историю как последовательное развитие мирового духа, в себе и для себя разума и полагал, что она шествует с Востока на Запад: Азия – ее начало, рассвет, Европа – ее закат, конечный пункт³. История, по мнению Гегеля, начинается с формирования государственности, с возникновения самосознания, способности к законотворчеству. До государства не было истории, оно появилось в восточном мире, а вместе с ним – и социальная история. Для восточного мира характерны непосредственное, монолитное сознание, непоколебимая вера, повиновение поданных. Глава государства – патриарх, тот, вокруг кого вращается государство, кому принадлежит всё, он объединяет в себе светскую власть и духовную, является верховным жрецом или богом, он высший руководитель, законодатель, судья.

Греческому миру (второй период всемирной истории) присущи наличие индивидуальной свободы, формирование нравственного начала, развитие культуры, стремление к справедливости, привычки к соблюдению законов. У индивида как субъекта права появляется возможность свободного выбора, возникают новые формы принятия государст-

¹ Гегель Г. В. Ф. Философия права. С. 90.

² Там же. С. 90–95.

³ Гегель Г. В. Ф. Философия истории // Гегель Г. В. Ф. Соч.: в 14 т. М.; Л., 1935. Т. VIII. С. 98.

венных решений, образуется демократический строй. Однако вместе со свободными индивидами существует сословие несвободных – рабов. Если Восток – это отрочество, то Греция – юношеский период истории человечества¹.

Римский мир (третий период всемирной истории) представляет собой, согласно Гегелю, царство абстрактной всеобщности. В нем индивидуальность приносится в жертву общей цели, которая воплощается в римском государстве, основанном не на нравственной связи свободных людей, а на субординации, систематическом насилии, военной власти. Индивидуум низводится до частного лица (субъекта частного права), его общий интерес обособляется, приобретает характер абстрактной всеобщности. Противостояние двух начал (частного самосознания и абстрактной всеобщности) в конечном счете приводит к внутреннему разложению и гибели Рима².

Четвертый период всемирной истории («старческий») Гегель связывал с германскими (северными) народами. Это период полной зрелости духа, когда разум воплощается в действительность. Государство отделяется от церкви, более не принадлежит ей, формирует себя исходя из собственных (мирских) принципов. Германский мир есть царство свободной воли, которая есть принцип, основа всякого права, а также общественного сознания. Государственный строй предполагает свободу собственности и свободу личности, разумное государственное управление (под которым Гегель понимал деятельность, направленную на реализацию законов, выполнение их требований); править в государстве, по его мнению, должны знающие, лучшие. Германское государство – это высшая ступень самосознания духа, полное осуществление идеи свободы³.

В рамках общей картины социально-правового прогресса Гегель рассматривал закономерности развития отдельных правовых институтов: собственности, договора, брака, наказания, правосудия и др. Институт собственности регулирует внешнюю сферу свободы лица, посредством собственности «снимается голая субъективность личности»⁴. Развитие отношений собственности происходит по общим социальным законам, собственность стремится к свободе, в идеале она должна быть полной, свободной собственностью. По мнению философа, если свобода лица начала утверждаться в качестве всеобщего принципа более полутора тысяч лет назад благодаря христианству, то развитие собственности запаздывает, лишь относительно недавно принцип свободы собственности в некоторых странах получил юридическое признание. В этом он видел заслугу юристов: «Определение собственности является громадным прогрессом, который часто не ценят так, как следовало бы ценить»⁵; по его мнению, памятники следует поставить тем, кто освободил собственность⁶. Отношения собственности должны распространяться не только на телесные, физические объекты, но и на знания, умения, таланты, другие духовные способности человека, которому предоставлена возможность придавать им внешнее существование, отчуждать их. Правовое овнешнение ведет к тому, что свойства лица, его внутренняя собственность становятся собственностью в правовом смысле.

Институт обязательств также основан на идее свободной воли, которая посредством договора получает наличное бытие. В договоре, согласно концепции Гегеля, интерес разума состоит в том, чтобы субъективная воля достигла общности с другой волей (волей иных участников соглашения). Договорные отношения есть развитие, продолжение отношений собственности, договор предполагает, что вступающие в него лица признают

¹ Гегель Г. В. Ф. *Философия истории*. С. 100–101.

² Гегель Г. В. Ф. *Философия права*. С. 376.

³ Гегель Г. В. Ф. *Философия истории*. С. 103, 104, 328–422.

⁴ Гегель Г. В. Ф. *Философия права*. С. 101.

⁵ Там же. С. 403.

⁶ Там же. С. 402.

друг друга собственниками¹ (в этом смысле «стены», возведенные современной юридической доктриной между вещным и обязательственным правом, во многом искусственны). Исходя из гегелевского тезиса можно утверждать, что каждый новый вид обязательств – это очередной виток развития отношений собственности, социальной свободы собственника как распорядителя вещи. Появление каждого нового договора расширяет круг коммуникативно-правовых возможностей владельца вещи (как потенциального продавца, лизингодателя, учредителя доверительного управления и т. д.).

Поскольку стороны договора сохраняют свою особую волю, то договор не выходит за пределы произвола и тем самым остается во власти неправа, в нем отсутствует сторона в себе сущего всеобщего². Если развивать данное положение Гегеля, то договорные отношения, которые сегодня рассматриваются как отношения между частными лицами, каждое из которых стремится осуществить свой произвол, в будущем должны преодолеть границы неправа, возвыситься до правовой всеобщности. По сути, в правовом государстве не может быть частных лиц (следовательно, частного права), участники договорных отношений – это субъекты всеобщей правовой корпорации (государства), творцы правового всеобщего.

Институт брака, по мнению Гегеля, нельзя рассматривать в контексте договора³, как разновидность договорных отношений, что принципиально расходится с позицией Канта. Брак Гегель определял как «правовую нравственную любовь»⁴, исключая из нее все преходящее, зависящее от настроения супругов и просто субъективное. Поскольку брак в своей основе является нравственным отношением, то его нельзя отождествлять с сожительством, удовлетворением естественных потребностей людей, а также со страстью; цель брака столь высока, что все остальные цели меркнут перед ней, подчинены ей. Исходя из нравственной природы брака, его следует признавать нерасторжимым, но поскольку он имеет чувственное основание, которое неустойчиво, то должен предполагать возможность расторжения. Детей, по убеждению Гегеля, нельзя рассматривать как принадлежности (вещи) родителей; рабское положение детей в Римском государстве он оценивал как антиправовой институт, как оскорбление нравственности. Таким образом, развитие института брака философ видел, с одной стороны, в неразрывной связи с укреплением его нравственных основ, с другой – в последовательном осуществлении принципа правовой свободы, женской и детской эмансипации, устранении правового бесправия, неравенства членов семьи.

Правовой институт наказания, как утверждал Гегель, предполагает совершение преступления как подлинного, преднамеренного неправа, когда «не уважается ни право в себе, ни право, каким оно мне кажется, в котором, следовательно, нарушены обе стороны, объективная и субъективная»⁵. Наказание не может применяться за мысли, убеждения лица, поскольку это область морального, где насилие не имеет смысла. Наказание преступника Гегель рассматривал как поражение его воли, как снятие преступления, восстановление права. Институт наказания должен не противостоять идее правовой свободы, а корениться в ней. Наказание должно быть справедливым и выражать наличное бытие свободной воли самого преступника как разумного существа, осознающего свой поступок, совершенное им деяние. Нужно, чтобы наказание соответствовало характеру нарушения в качественном и количественном отношениях (было равным ему в ценностном плане). Возмездие за преступление не должно быть неправовым, необходимо

¹ Гегель Г. В. Ф. *Философия права*. С. 128.

² Там же. С. 137, 140–141.

³ Там же. С. 129.

⁴ Там же. С. 210.

⁵ Там же. С. 141.

соблюсти меру при определении наказания; при этом философ допускал возможность смертной казни.

Исследуя институт судопроизводства (суда), Гегель пришел к выводу о том, что с точки зрения понятия предмета не имеют значения отдельные исторические формы осуществления правосудия: патриархальные, насильственные и т. д. Суд должен осуществлять познание и претворять в жизнь право (закон) применительно к каждому конкретному случаю, при этом не навязывая свой особый интерес¹. Гегель трактовал правосудие как право и как обязанность государственной власти: правители должны признавать над собой власть суда, быть подсудными. Он предлагал вменить сторонам в обязанность обращаться до передачи дела в официальный суд сначала к третейскому, мировому суду, пытаться достичь взаимного согласия в споре. Поскольку решение суда может затрагивать интересы не только непосредственных участников, то судопроизводство должно иметь публичный характер (за исключением совещания членов суда). Фактические обстоятельства по делу надлежит устанавливать не только судье – каждый образованный человек способен судить о них; при этом важно обрести не истину в полном смысле, а собственную уверенность, которая представляет собой субъективное убеждение, основанное на совести. Поэтому определение виновности и невиновности должно быть делом суда присяжных. Таким образом, суд как правовой институт в своем развитии должен двигаться в сторону достижения объективности, беспристрастности процесса, применения всеобщего правового закона к конкретному (особому) случаю.

Достоинства и недостатки гегелевской концепции правового прогресса. Гегелевские представления о правовом прогрессе – это глобальная по масштабу и детальная по степени проработанности картина развития духа в его систематической и исторической формах. Для юристов принципиально важно, что Гегель трактовал *социально-исторический прогресс как прогресс правовой*², следовательно, по его мнению, вне права и без права поступательное развитие общества, социальных институтов невозможно, без права нет социальной истории. Также весьма ценным представляется соединение в его концепции анализа основных вех, этапов всемирной истории человечества с исследованием генезиса отдельных, наиболее важных социально-правовых институтов: собственности, договора, брака, наказания, судопроизводства и др.

Что касается недостатков концепции Гегеля, то он, как и Кант, рассматривал социальное развитие как однонаправленное, последовательное, восходящее движение людских масс, для него история – «золотая» лестница, по которой человечество неизбежно придет в свое счастливое будущее – в царство свободы. В этой телеологической модели разум соседствует с верой, а свобода воли, предполагающая возможность осуществления людьми социального выбора, включая определение будущего общественного устройства, превращается в собственную противоположность, в своего рода «диктатуру истории», когда человеческие поступки не зависят от тех, кто их совершает, предустановлены свыше, череда исторических событий задана заранее, при этом подчинена неведомой человеку высшей цели. В данной модели не учитывается одно важное обстоятельство – желание человечества идти по пути правового прогресса. Правовой путь тернист, ведь договариваться, согласовывать свои интересы с интересами контрагентов всегда сложнее, чем навязывать им свою волю более сильного участника. Поэтому отдельные индивиды и целые народы, если у них есть такая возможность, предпочитают идти не по пути правового прогресса, а по проторенной дороге, когда проблемы решаются примитивным, но эффективным способом грубого применения силы к своему оппоненту.

¹ Гегель Г. В. Ф. Философия права. С. 257.

² Нерсесянц В. С. Философия права Гегеля. М., 1998. С. 325.

Путь правового прогресса и путь организованного политического властвования – это два противоположных пути социального развития. У каждого своя социальная «цель», своя возможная всемирная человеческая история. Человек, будучи разумным существом, понимает целесообразность выбора правового пути, а как животное предпочитает путь насильственно-властного решения жизненных проблем. В реальной, т. е. нерафинированной, человеческой истории можно наблюдать постоянную «борьбу» двух тенденций социального развития, в которой нет однонаправленности, четко выраженной последовательности восхождения к правовой цели, а есть противостояние двух начал и всегда существует выбор между ними. В этой нефilterованной истории государства и народы, когда видят перед собой заветную перспективу мирового господства, почему-то предпочитают идти в данном направлении, забывая о предназначенной им свыше социально-правовой цели.

Также оспоримой представляется гегелевская идея о разделении права на абстрактное, моральное и нравственное, каждое из которых выступает в качестве ступеней свободы, развития духа. Абстрактное и моральное право в его конструкции противостоят друг другу скорее как внешнее и внутреннее, чем как разные ступени на пути правового прогресса. Субъективная воля проявляет себя вовне, объективируется в договорных отношениях, собственности, проступках, преступлениях и в этом аспекте является предметной для права. Что касается состояния самоопределения субъективной воли как некой единичности в противопоставлении всеобщему, то оно как внутреннее состояние духа не относится к предмету права и не может составлять отдельную правовую ступень, веху на пути правового прогресса.

Также вызывает возражения идея выделения нравственного права как наивысшей ступени социально-правового развития, представляющего собой единство субъективного и объективного, правового и морального. Дело в том, что семья и гражданское общество – это не субъекты права, не правоспособные лица, аккумулирующие «правовой дух». На ранних ступенях общественного развития семья действительно была субъектом права, собственником имущества, участником правовых отношений (Древний Рим), однако после своего расщепления на отдельные правовые «атомы» (муж, жена, дети) она перестала быть правовым лицом, утратила свою правоспособность. Гражданское же общество как таковое никогда не представляло собой правовой целостности, оно состоит из множества самостоятельных субъектов права, поэтому считать его чем-то синтетическим в правовом смысле некорректно. Государство может выступать правовым субъектом, носителем «правового духа», но его нельзя, как предлагал Гегель, противопоставлять собственности как чему-то низшему, непосредственному, «примитивному». Если рассматривать государство как источник нравственности, то «нравственному» государству должна корреспондировать нравственная собственность, одно без другого невозможно. В этом смысле гегелевское противопоставление абстрактного и нравственного права, собственности и государства как их составляющих лишено смысла.

Наконец, сомнение вызывает взгляд на всемирную историю как на берущую свое начало с Востока и заканчивающуюся на Западе. Если, согласно Гегелю, его философия «есть последовательность, которая не висит в воздухе, не непосредственно начинающаяся, но образующая круг»¹, то описываемая им всемирная история должна совершить свой круговорот. История, начавшаяся с Востока, должна вернуться к своим истокам. Наметившийся в последние десятилетия подъем стран Востока свидетельствует о том, что «угасающему» Западу есть кому передать эстафету социального прогресса, что челове-

¹ Гегель Г. В. Ф. Философия права. С. 61

ческая история, по всей видимости, еще не достигла последнего пункта. Конец истории, как справедливо отмечает А. П. Семитко, означает «прекращение всяческого развития, это полный разрыв с диалектикой – душой гегелевской методологии»¹.

На наш взгляд, представления Гегеля о конце всемирной истории – это, скорее, дань его национально-политическим предпочтениям, проявление его личной симпатии к особому «германскому духу», чем нейтральный, «методологически чистый» проект; он искусственно обрывает ход социальной эволюции, произвольно загоняя «поезд истории» в «германский тупик». Гегель рассматривал историю преимущественно в парадигме Д. Вико, в которой главными действующими лицами, субъектами прогресса являются отдельные народы, нации. Но кроме народов и наций существуют и другие субъекты-творцы истории: индивиды, корпорации, государственные объединения, мировое сообщество в целом. То, что недостижимо для отдельных наций и народов, возможно, будет посильным для всего человечества, и за витком национальной истории последует новый период истории человечества, достигшего, говоря кантовским языком, «всемирного гражданского состояния». Собственно, тот период социальной истории, который брал во внимание Гегель (от Китая и Египта до германского мира), – это еще не правовая история в строгом смысле, поскольку правовая свобода, ее субъекты, правовой тип коммуникации тогда только формировались, в недрах политического строя лишь начинали созреть ростки социума, базирующегося на иных, правовых принципах. То, что германский философ называл «концом истории», быть может, есть лишь переходный этап от политической модели устройства общества, основанной на идее господства и подчинения, к правовой, исходящей из идеи разумного совмещения воли свободных и равных социальных субъектов, т. е. это только начало правовой истории человечества.

Список литературы

- Гегель Г. В. Ф. *Философия истории* // Гегель Г. В. Ф. Соч.: в 14 т. М.; Л., 1935. Т. VIII.
- Гегель Г. В. Ф. *Философия права*. М., 1990.
- Кант И. *Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане* // Кант И. Соч.: в 8 т. М., 1994. Т. 8.
- Кант И. Из «Лекций по этике» (1780–1782 гг.) // *Этическая мысль: науч.-публицист. чтения*. М., 1988. С. 306.
- Кант И. К вечному миру. *Философский проект* // Кант И. Соч.: в 8 т. М., 1994. Т. 7.
- Кант И. *Конец всего сущего* // Кант И. Соч.: в 8 т. М., 1994. Т. 8.
- Кант И. *Метафизика нравов* // Кант И. Соч.: в 8 т. М., 1994. Т. 6.
- Кант И. О поговорке «Может быть, это и верно в теории, но не годится для практики» // Кант И. Соч.: в 8 т. М., 1994. Т. 8.
- Кант И. Соч.: в 6 т. М., 1965. Т. 4. Ч. 2.
- Нерсисянц В.С. *Философия права Гегеля*. М., 1998.
- Семитко А. П. *Развитие правовой культуры как правовой прогресс*. Екатеринбург, 1996.
- Хабермас Ю. Дискуссия о прошлом и будущем международного права. Переход от национальной к постнациональной структуре // *Вестн. рос. философ. общества*. 2003. № 3.

References

- Gegel' G. V. F. *Filosofiya istorii* // Gegel' G. V. F. Soch.: v 14 t. M.; L., 1935. T. VIII.
- Gegel' G. V. F. *Filosofiya prava*. M., 1990.
- Kant I. *Ideya vseobshhej istorii vo vsemirno-grazhdanskom plane* // Kant I. Coch.: v 8 t. M., 1994. T. 8.
- Kant I. Iz «Lekcij po ehtike» (1780–1782 gg.) // *Ehticheskaya mysl': nauch.-publicist. chteniya*. M., 1988.
- Kant I. K vechnomu miru. *Filosofskij proekt* // Kant I. Coch.: v 8 t. M., 1994. T. 7.
- Kant I. *Konec vsego sushhego* // Kant I. Coch.: v 8 t. M., 1994. T. 8.
- Kant I. *Metafizika nravov* // Kant I. Coch.: v 8 t. M., 1994. T. 6.

¹ Семитко А. П. *Развитие правовой культуры как правовой прогресс*. Екатеринбург, 1996. С. 55.

Kant I. О поговорке «Mozhet byt', ehto i verno v teorii, no ne goditsya dlya praktiki» // *Kant I. Soch.:* v 8 t. M., 1994. T. 8.

Kant I. Soch.: v 6 t. M., 1965. T. 4. Ch. 2.

Nersesyanc V. S. Filosofiya prava Gegelya. M., 1998.

Semitko A. P. Razvitie pravovoj kul'tury kak pravovoj progress. Ekaterinburg, 1996.

Xabermas Yu. Diskussiya o proshlom i budushhem mezhdunarodnogo prava. Perexod ot nacional'noj k postnacional'noj strukture // *Vestn. ros. filosof. obshhestva.* 2003. № 3.

БАЛАНС ПУБЛИЧНЫХ И ЧАСТНЫХ ИНТЕРЕСОВ ПРИ ОБЕСПЕЧЕНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

Колоткина Оксана Анатольевна

Кандидат юридических наук, доцент кафедры конкурентного права и антимонопольного регулирования Уральского государственного экономического университета (Екатеринбург),
e-mail: oks-kolotkina@yandex.ru

Шалободов Дмитрий Валерьевич

Руководитель Управления Федеральной антимонопольной службы по Свердловской области (Екатеринбург), e-mail: pressto66@fas.gov.ru

Ягофарова Инара Дамировна

Кандидат юридических наук, доцент кафедры конкурентного права и антимонопольного регулирования Уральского государственного экономического университета (Екатеринбург),
e-mail: vaina3@yandex.ru

В статье рассматриваются актуальные вопросы обеспечения баланса публичных и частных интересов в современной правовой политике Российского государства при обеспечении национальной безопасности. Необходимость обеспечения оптимального сочетания государственных и частных интересов предусмотрена многочисленными международными актами в сфере прав человека, а также российским законодательством, прежде всего Конституцией РФ. Авторы отмечают, что сложность возникает при определении как самой сущности такого баланса, так и средств его достижения. Нахождение оптимума государственных и частных интересов в современной государственной политике в сфере обеспечения безопасности – вопрос, недостаточно исследованный в правовой науке и юридической практике. Авторы рассматривают возможности законодательного и судебного определения критериев нахождения баланса публичных и частных интересов.

Ключевые слова: Конституция РФ, публичный и частный интерес, безопасность, национальная безопасность, баланс интересов, правовая политика, ограничение прав и свобод человека, угрозы и риски национальной безопасности, стратегия национальной безопасности, приоритеты обеспечения национальной безопасности

A BALANCE OF PUBLIC AND PRIVATE INTERESTS IN ENSURING NATIONAL SECURITY OF RUSSIA

Kolotkina Oksana

Ural State Economic University (Yekaterinburg), e-mail: oks-kolotkina@yandex.ru

Shalobodov Dmitriy

Office of the Federal Antimonopoly Service for the Sverdlovsk Region (Yekaterinburg),
e-mail: pressto66@fas.gov.ru

Yagofarova Inara

Ural State Economic University (Yekaterinburg), e-mail: vaina3@yandex.ru

This article considers topical issues of balancing public and private interests in the current legal policy of Russia while ensuring its national security. The need to ensure an optimal mix of public and private interests is provided by many international human rights treaties and the Russian

legislation as well, first of all by the RF Constitution. The authors note that it is rather difficult to determine the nature of such balance and the means to achieve it. The issue of searching for the optimum of public and private interests in the modern state policy related to security matters is still under-researched in both legal science and legal practice. The authors try to answer whether it is possible to find legislative and judicial criteria for balancing public and private interests.

Key words: Russian Constitution, public and private interest, security, national security, balance of interests, restriction of the rights and freedoms of the person, threats and risks to national security, national security strategy, priorities of national security

Мощным фактором развития как государства, так и отдельной личности являются потребности и интересы, которые представляют собой притязания субъектов на определенные блага в различных сферах общественной жизни. Уровень и объем притязаний индивида, общества и государства значительно отличаются друг от друга, что зачастую приводит к противоречиям и несогласованности. Задача права состоит в том, чтобы, закрепляя потребности и интересы общества, государства и личности, обеспечить баланс между ними, что приведет к эффективному развитию и координации действий субъектов.

Общепринято разделять право на публичное и частное, что напрямую связано с приоритетными интересами субъектов. Такие интересы, как безопасность, оборона и т. д., настолько важны для государства, что оно как бы присваивает их себе и обеспечивает их возможностью государственного принуждения. Другие интересы, напротив, больше связаны с потребностями частных лиц в имущественных, семейных отношениях и т. д.

Деление права на публичное и частное существует с древнейших времен, однако сейчас, когда все большее распространение получает идея демократизации и превалируют интересы и потребности частного лица, достижение баланса между публичными и частными интересами приобретает особую актуальность. Но в теоретическом плане этот вопрос проработан слабо. Авторы исследуют в первую очередь соотношение публичных и частных интересов в контексте гражданско-правовых отношений, предпринимательской деятельности или административных правоотношений, тем самым углубляясь в отраслевые блоки.

По мнению многих философов, теоретиков права свобода индивида рассматривается как ценностная категория мирового уровня, которая в последнее время все более ограничивается в целях обеспечения безопасности государства, охраны конституционного строя и т. д. В связи с этим уместно упомянуть слова Г. Баума об опасности латентного тотального контроля за деятельностью граждан со стороны государства под прикрытием благих целей обеспечения безопасности¹. Он видит сложность защиты свободы в неотделимости ответственности за свободу от потребностей человека в безопасности, что таит определенный соблазн «несвободы». Конечно, последние мировые события ставят вопросы безопасности на первое место, что дает возможность государственным структурам предметно контролировать частную сферу жизни граждан. Но несмотря на приоритет национальной безопасности, не стоит забывать и о том, что безопасность как благо не может конкурировать со свободой, поскольку свобода является первичным и безусловным благом каждого индивида. Задача государства при обеспечении безопасности заключается не во вмешательстве в частную жизнь человека, а в его ответственности за защиту граждан от массовых и грубых нарушений их прав и свобод. Также Г. Баум предостерегает, что борьба с терроризмом может стать более опасной, чем сам

¹ Баум Г. Спасти права граждан. 2-е изд., доп. М., 2015.

терроризм, поскольку общество перейдет во всех своих сферах на язык войны и привыкнет к этому, а государство начнет заниматься «предупредительными» арестами «опасных лиц»¹.

Поднятая проблема значима сегодня и для России. Болезненность протекающих в нашей стране политических и правовых процессов дает немало обоснованных поводов для переоценки многих социальных ценностей, давно утвердившихся либо утверждающихся в общественном сознании и социальной практике.

Отношение в России к демократическим ценностям весьма своеобразное, что обусловлено историческими причинами и ментальными особенностями ее граждан. Теоретические положения о важности прав человека, к сожалению, не всегда реализуются на практике. В связи с этим уместно отметить противоречие, которое устоялось в России и закреплено конституционно. В ст. 2 Конституции РФ провозглашено, что права и свободы человека являются высшей ценностью, но в то же время в ст. 55 Конституции РФ предусмотрена возможность их ограничения, что выглядит не вполне логично. Конституции большинства государств признают права и свободы человека ценностью, но не высшей, что позволяет им обеспечивать баланс интересов и государства, и общества, и личности. Они отдают себе отчет в возможности и необходимости установления разумных ограничений прав и свобод для оптимального развития всех составляющих государственности.

Анализ современного законодательства и судебной практики свидетельствуют о том, что интересы государства все чаще ставятся гораздо выше интересов личности, что в свою очередь приводит к перекосу при разграничении сфер частного и публичного интереса. Тем самым имеет место дисбаланс индивидуальных и коллективных интересов, что может повлечь и часто влечет негативные последствия. Наиболее заметно это проявляется в сфере обеспечения национальной безопасности, где наблюдается тенденция к установлению верховенства интересов государства над интересами личности. Государство выступает в качестве главного субъекта, гарантирующего безопасность граждан в различных сферах жизнедеятельности, а значит, определяет и приоритеты национальной безопасности.

Как верно отмечает Н. С. Волкова, человечество с древнейших времен ищет оптимальные формы соотношения личности (человека) и государства, сочетания их интересов². Это касается и интересов в сфере обеспечения безопасности. Ведь безопасность имеет ценность не сама по себе, а лишь как условие для осуществления свободы. Свобода всегда сопряжена с определенной степенью небезопасности. В связи с этим перед любым государством и обществом встает сложный выбор между безопасностью и свободой.

Появление новых угроз интересам личности, общества и государства обусловлено развитием общественных отношений. При этом основной задачей государства является проведение грамотной, взвешенной правовой политики, при которой интересы каждого субъекта обеспечения безопасности (личности, общества, государства) не противопоставляются, а выступают в качестве ориентиров для единой стратегии обеспечения национальной безопасности.

Понятие «правовая политика» достаточно новое для российской науки и практики. Авторы предлагают различные его определения и структурные характеристики³. Обоб-

¹ Баум Г. Указ. соч. С. 31.

² Волкова Н. С. Общественная безопасность и законодательство о правах человека // Журн. рос. права. 2005. № 2. С. 95.

³ Правовая политика России: теория и практика / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. М., 2006; Пузи-ков Р. В. Формы реализации правовой политики // Вестн. Тамбов. ун-та. Сер.: Гуманитар. науки. 2014. № 1. С. 163–171.

щая существующие подходы, можно сказать, что правовая политика представляет собой государственную политику в сфере права, направленную на усовершенствование правовой системы путем решения наиболее значимых проблем, а также определяющую долгосрочную стратегию правового развития страны. Государство устанавливает приоритетные направления правовой политики, связанные с охраной наиболее важных для общества ценностей; именно на них должно ориентироваться государство в сфере правового регулирования¹.

Одним из приоритетных направлений правовой политики Российского государства является обеспечение прав и свобод человека, а также создание соответствующих условий, гарантий и механизмов для реализации этих прав и свобод. Но среди приоритетов правовой политики, закрепленных в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683), названы также оборона страны; государственная и общественная безопасность; повышение качества жизни российских граждан; экономический рост; наука, технологии и образование; здравоохранение; культура; экология живых систем и рациональное природопользование; стратегическая стабильность и равноправное стратегическое партнерство (п. 31). В данном документе на первый план выходит оборона страны, которая является составной частью государственной безопасности, что вполне объясняется современной международной ситуацией, реальными угрозами суверенитету Российской Федерации. Если объединить эти два направления правовой политики России, то можно сказать, что приоритетной задачей государственной политики в сфере обеспечения безопасности является создание безопасных условий для удовлетворения основных интересов личности, но с учетом прежде всего интересов государственной безопасности, что снова поднимает проблему баланса интересов.

Рассмотрим отличия содержания понятий «безопасность государства» и «национальная безопасность». Безопасность государства – понятие комплексное. В самом общем виде под ней понимается состояние защищенности государственного строя, государственных органов, территориальной целостности государства, а также его суверенитета от внутренних и внешних угроз. Безопасность государства достигается путем проведения целенаправленной государственной политики в области обеспечения безопасности, реализацией системы мер экономического, политического, организационного и иного характера. Безопасность государства является составной частью более широкого понятия «национальная безопасность», которое означает безопасность многонационального народа государства как носителя суверенитета и единственного источника власти.

В упомянутой Стратегии национальной безопасности Российской Федерации национальная безопасность трактуется как состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, которое позволяет обеспечить конституционные права, свободы, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальную целостность и устойчивое развитие Российской Федерации, ее оборону и безопасность. Таким образом, объект национальной безопасности более широк, чем объект безопасности государства, в качестве него выступают отдельные граждане, общество в целом, государство и его институты.

Нормативное закрепление понятия «национальная безопасность» позволило разрешить доктринальный спор о его содержании, определить основные приоритеты в сфере обеспечения национальной безопасности. Тем самым национальная безопасность стала универсальной системой обеспечения взаимообусловленных интересов личности, общества и государства.

¹ Левченко Е. А. Правовая политика государства и ее приоритеты в сфере правоохранительной деятельности органов внутренних дел (теоретико-правовой аспект): дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2004. С. 97–98.

Вернемся к вопросу об установлении баланса интересов при обеспечении национальной безопасности. Учитывая современные реалии, целесообразно говорить о признании приоритета не прав и свобод человека как высшей ценности, а оптимума индивидуальных и коллективных интересов и соответственно о необходимости оптимизировать в индивидуальном и коллективном политико-правовом сознании ценности всех основных представителей социума. Другими словами, следует обеспечить оптимальное сочетание государственных, общественных и личных интересов, в том числе в сфере обеспечения национальной безопасности. Сложность данной задачи вызвана отсутствием в российском законодательстве и судебной практике четких правил определения баланса публичного и частного интереса.

Надо заметить, что на законодательном уровне созданы все предпосылки для соблюдения баланса публичных и частных интересов в сфере обеспечения безопасности, что нашло отражение в базовых нормативных актах, регулирующих вопросы обеспечения безопасности: Федеральном законе от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ (ред. от 5 октября 2015 г.) «О безопасности», Федеральном законе от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ (ред. от 3 июля 2016 г.) «О стратегическом планировании в Российской Федерации», Указе Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» и др. Но закрепленные в них в виде базовых принципов критерии (соблюдение прав и свобод человека, законность и т. д.) носят размытый характер и допускают возможность расширительного толкования.

Что же касается судебной практики, то хотелось бы отметить роль решений Конституционного Суда РФ в установлении некоторых критериев определения баланса частных и публичных интересов. Конституционный Суд РФ, вынося свои решения, опирается на нормы и принципы, заложенные в Конституции РФ. Одним из таких принципов стал принцип соразмерности. Конституционный Суд РФ отчасти раскрыл его содержание, пояснив, что государственные и общественные интересы, указанные в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, могут быть использованы для того, чтобы оправдать правовые ограничения прав и свобод человека. Но эти ограничения должны соответствовать требованиям справедливости, быть адекватными, соразмерными и направленными на защиту конституционно значимых целей, включая права и интересы других лиц¹. Но возникает вполне разумный вопрос: о соразмерности чему идет речь? Соразмерность правам другого индивида – это одно, соразмерность интересам и безопасности государства – другое. В связи с этим любое решение Конституционного Суда РФ может быть рассмотрено как содержащее судебное усмотрение, зависящее от поставленной цели. В этом плане абсолютно верно утверждение В. В. Лапаевой о том, что сравнивать можно лишь однородные явления².

Также в своих решениях Конституционный Суд РФ ссылается на принцип целесообразности. Если конституционные нормы дают возможность установить ограничения прав и свобод человека и гражданина, то только во имя необходимых и оправданных конституционно установленных целей³. Но снова подчеркнем, что указанные в Консти-

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 30 октября 2003 г. № 15-П по делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы и жалобами граждан С. А. Бунтмана, К. А. Катаняна и К. С. Рожкова.

² Лапаева В. В. Критерии ограничения прав граждан Российской Федерации на политическое объединение (в свете европейских стандартов правовой демократии): докл. на междунар. конф. «Политические партии в демократическом обществе: правовые основы организации и деятельности» (Санкт-Петербург, 27–28 сентября 2012 г.) // URL: http://www.rcoit.ru/actual/detail/16267/#_ftN2.

³ Постановления Конституционного Суда РФ от 14 ноября 2005 г. № 10-П по делу о проверке конституционности положений пункта 5 статьи 48 и статьи 58 Федерального закона «Об основных гарантиях из-

туции РФ цели настолько размыты, что любое желаемое ограничение можно подвести под них.

Конституционный Суд РФ сформулировал также «оценочный принцип», суть которого состоит в том, что «ограничения должны учитывать необходимый баланс интересов человека, общества и государства»¹. Зачастую Суд в своих решениях указывает, что законодатель при установлении ограничений должен достичь баланса между государственными и частными интересами, соблюдая при этом принципы соразмерности, справедливости и равенства. Вместе с тем ограничения не должны посягать на саму сущность и ценностное содержание конкретного права².

Таким образом, Конституционный Суд РФ пытается установить тот необходимый баланс публичных и частных интересов, который позволит избежать противоречий между ними. Из этого следует, что на основе нормативного закрепления и путем правоприменительной практики происходит поиск того оптимума, который обеспечит разумный баланс государственных и частных интересов. В самом общем виде применение принципа оптимума базируется на принятии субъектами целесообразного решения об использовании своих прав и свобод, а также решения государства о реализации своих полномочий по введению конкретных ограничений прав и свобод субъектов. Нужно помнить, что безопасность государства выступает средством, а безопасность общества – целью определения и защиты жизненно важных интересов граждан.

Обозначенная проблема требует совместных усилий теории и практики по выработке правовых позиций, на основе которых путем разрешения коллизий между нормами частноправового и публично-правового характера будет обеспечен баланс интересов. Этот баланс является необходимым условием эффективного правового регулирования и справедливого судебного разбирательства, в том числе в сфере обеспечения национальной безопасности.

Список литературы

Баум Г. Спасти права граждан. 2-е изд., доп. М., 2015.

Волкова Н. С. Общественная безопасность и законодательство о правах человека // Журн. рос. права. 2005. № 2.

Лапаева В. В. Критерии ограничения прав граждан Российской Федерации на политическое объединение (в свете европейских стандартов правовой демократии): докл. на междунар. конф. «Полити-

бирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», пункта 7 статьи 63 и статьи 66 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» в связи с жалобой Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации; от 22 декабря 2015 г. № 34-П по делу о проверке конституционности пункта 5 статьи 33 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и части 8 статьи 32 Избирательного кодекса города Москвы в связи с жалобой гражданина К. С. Янкаускаса.

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 14 июля 1998 г. № 86-О по делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» по жалобе гражданки И. Г. Черновой.

² Постановления Конституционного Суда РФ от 21 марта 2014 г. № 7-П по делу о проверке конституционности положения пункта 7 части 3 статьи 82 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобами граждан А. М. Асельдерова, К. Г. Рабаданова, Г. К. Сулейманова и Е. В. Тарышкина; от 27 мая 2003 г. № 9-П по делу о проверке конституционности положения статьи 199 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан П. Н. Белецкого, Г. А. Никовой, Р. В. Рукавишникова, В. Л. Соколовского и Н. И. Таланова; от 27 мая 2008 г. № 8-П по делу о проверке конституционности положения части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М. А. Асламазян; от 30 июня 2011 г. № 14-П по делу о проверке конституционности абзаца второго статьи 1 Федерального закона «О садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединениях граждан» в связи с жалобой гражданина А. В. Воробьева и др.

ческие партии в демократическом обществе: правовые основы организации и деятельности» (Санкт-Петербург, 27–28 сентября 2012 г.) // URL: http://www.rcoit.ru/actual/detail/16267/#_ftN2.

Левченкова Е. А. Правовая политика государства и ее приоритеты в сфере правоохранительной деятельности органов внутренних дел (теоретико-правовой аспект): дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2004.

Правовая политика России: теория и практика / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. М., 2006.

Пузиков Р. В. Формы реализации правовой политики // Вестн. Тамбов. ун-та. Сер.: Гуманитар. науки. 2014. № 1.

References

Baum G. Spasti prava grazhdan. 2-e izd., dop. M., 2015.

Lapaeva V. V. Kriterii ogranicheniya prav grazhdan Rossijskoj Federacii na politicheskoe ob"edinenie (v svete evropejskix standartov pravovoj demokratii): dokl. na mezhdunar. konf. «Politicheskie partii v demokraticeskom obshhestve: pravovye osnovy organizacii i deyatel'nosti» (Sankt-Peterburg, 27–28 sentyabrya 2012 g.) // URL: http://www.rcoit.ru/actual/detail/16267/#_ftN2.

Levchenkova E. A. Pravovaya politika gosudarstva i ee prioritety v sfere pravooxranitel'noj deyatel'nosti organov vnutrennix del (teoretiko-pravovoj aspekt): dis. ... kand. yurid. nauk. SPb., 2004.

Pravovaya politika Rossii: teoriya i praktika / pod red. N. I. Matuzova, A. V. Mal'ko. M., 2006.

Puzikov R. V. Formy realizacii pravovoj politiki // Vestn. Tambov. un-ta. Ser.: Gumanitar. nauki. 2014. № 1.

Volkova N. S. Obshhestvennaya bezopasnost' i zakonodatel'stvo o pravax cheloveka // Zhurn. ros. prava. 2005. № 2.

**ПЕРЕДАЧА ЛИЦ,
СТРАДАЮЩИХ ПСИХИЧЕСКИМИ РАССТРОЙСТВАМИ,
ДЛЯ ПРОВЕДЕНИЯ ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ЛЕЧЕНИЯ
КАК ФОРМА МЕЖДУНАРОДНОЙ ПРАВОВОЙ ПОМОЩИ**

Тесленко Анатолий Михайлович

Кандидат юридических наук, доцент кафедры международного и европейского права
Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург), e-mail: anatoly.5656@mail.ru

В статье анализируются вопросы, связанные с передачей лиц, страдающих психическими расстройствами, для проведения принудительного лечения, в частности о том, к какой сфере правового сотрудничества необходимо относить такую передачу лиц: к сфере уголовного процесса или к сфере здравоохранения.

Ключевые слова: передача лиц, страдающих психическими расстройствами, принудительное лечение, уголовное судопроизводство, правовая помощь, здравоохранение

**THE TRANSFER OF PERSONS AFFECTED BY MENTAL DISORDERS
FOR INVOLUNTARY TREATMENT
AS A FORM OF INTERNATIONAL LEGAL ASSISTANCE**

Teslenko Anatoly

Ural State Law University (Yekaterinburg), e-mail: anatoly.5656@mail.ru

The article investigates some matters of concern related to the transfer of persons affected by mental disorders for involuntary treatment, in particular it tries to find out what sphere of legal cooperation such transfer of persons falls within: criminal proceedings or healthcare.

Key words: transfer of persons affected by mental disorders, involuntary treatment, criminal proceedings, legal assistance, healthcare

В научных работах не раз отмечалась необходимость расширения международно-правового сотрудничества государств во многих сферах. Л. А. Лазутин указывает, что «расширение правового сотрудничества государств, углубление связей России с мировым сообществом потребовало более эффективного взаимодействия компонентов правовой помощи»¹. К данному тезису можно добавить, что для расширения правового сотрудничества необходимо не только более эффективное, но и более разнообразное взаимодействие элементов правовой помощи. Н. И. Марышева подчеркивает, что международная правовая помощь является важным элементом процесса правового сотрудничества государств, который может послужить сближению правовых систем и стать серьезным шагом на пути к созданию единого правового пространства². Это важно и для формирования такого пространства в рамках СНГ.

Множество научных исследований по международному праву посвящено вопросам международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства, правовой помощи по уголовным делам, включая вопросы о понятии и соотношении этих катего-

¹ Лазутин Л. А. Правовая помощь по уголовным делам как комплексное формирование в международном уголовном и уголовно-процессуальном праве: автореф. дис. ... д-ра юрид.наук. Казань, 2008. С. 4.

² Марышева Н. И. Международная правовая помощь по гражданским и уголовным делам: дис. ... д-ра наук в форме науч. докл. М., 1996. С. 2.

рий, направлениях и формах сотрудничества и правовой помощи, об их нормативном регулировании (международном и внутригосударственном), а также о других компонентах правовой характеристики. Особое внимание уделяется формам правовой помощи по уголовным делам, важнейшими из которых выступают выдача обвиняемых лиц для осуществления уголовного преследования, передача осужденных лиц для отбывания уголовного наказания и др. Однако длительное время практически отсутствовали отечественные научные публикации, касающиеся такой формы правовой помощи, как передача лиц, страдающих психическими расстройствами, для проведения принудительного лечения по месту их гражданства (для иностранных граждан) или по месту их постоянного проживания (для лиц без гражданства), т. е. тех лиц, которые совершили преступление в состоянии невменяемости и в отношении которых имеется вступившее в законную силу решение суда о применении к ним принудительных мер медицинского характера.

Немногочисленна и международно-правовая база, регламентирующая этот вопрос: в рамках СНГ был заключен только один международный договор – Конвенция о передаче лиц, страдающих психическими расстройствами, для проведения принудительного лечения от 28 марта 1997 г. (далее – Конвенция 1997 г.). Участниками этой Конвенции являются десять государств-членов Содружества. Россия ратифицировала ее в 2002 г. Имеется и несколько двусторонних договоров с участием отдельных государств СНГ (например, Республики Беларусь).

М. А. Фролова говорит о передаче лиц, страдающих психическими расстройствами, для проведения принудительного лечения как о новом и самостоятельном виде (направлении) международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства и относит его к сфере действия уголовного процесса¹. Такая позиция имеет под собой ряд оснований.

Во-первых, передача таких лиц для проведения принудительного лечения действительно проистекает из уголовного процесса, поскольку лицом совершено общественно опасное деяние (хотя и в состоянии невменяемости), по которому проводилось предварительное расследование, а впоследствии было вынесено решение суда о применении к нему мер медицинского характера. В связи с этим М. А. Фролова предлагает внести в УПК РФ новую отдельную главу о передаче таких лиц. Она отмечает, что Министерством юстиции РФ уже был разработан проект федерального закона о дополнении УПК РФ главой 55¹ «Передача лица для исполнения решения суда о применении принудительных мер медицинского характера», в которой планировалось отразить основания для направления запроса о такой передаче, порядок и сроки рассмотрения компетентными органами запросов, основания отказа, порядок обжалования, порядок разрешения судом вопросов, связанных с изменением или прекращением принудительных мер². И действительно, такая новая глава стала бы логическим продолжением трех глав, имеющих в части пятой УПК РФ «Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства».

Во-вторых, согласно ст. 10 Конвенции 1997 г. если после передачи лица для проведения принудительного лечения решение суда в договаривающейся стороне, где оно было вынесено, отменено и предусмотрено новое расследование или судебное разбирательство, копия решения об этом, материалы уголовного дела и другие необходимые документы направляются договаривающейся стороне, принявшей лицо, для решения вопроса о привлечении его к уголовной ответственности по законодательству этой договаривающейся стороны. Данные процессуальные процедуры, безусловно, относятся

¹ Фролова М. А. Правовые и гуманитарные проблемы передачи лиц, страдающих психическими расстройствами, для проведения принудительного лечения в странах СНГ: дис. канд. юрид. наук. М., 2010.

² Там же. С. 51–58.

ся к правовой помощи по уголовным делам, регламентированной гл. 53 УПК РФ. Но необходимо отметить, что такое лицо теряет статус лица, страдающего психическими расстройствами, и приобретает уже уголовно-процессуальный статус обвиняемого или подсудимого.

В-третьих, национальное законодательство некоторых государств СНГ – участников Конвенции 1997 г. отнесло правовое регулирование процесса передачи таких лиц к сфере уголовного процесса.

В-четвертых, компетентным органом по Конвенции в Российской Федерации определена Генеральная прокуратура, которая включена в соответствии со ст. 453 УПК РФ в перечень тех немногочисленных органов государства, через которые и осуществляются сношения между государствами по вопросам оказания правовой помощи по уголовным делам.

Однако думается, что вопрос о сфере правового регулирования передачи лиц, страдающих психическими расстройствами, для проведения принудительного лечения не столь прост, как представляется на первый взгляд. Утверждать однозначно, что такая передача относится к сфере уголовного судопроизводства, не приходится. Так, в гл. 53–55 части пятой УПК РФ речь идет о более узкой сфере – о правовой помощи по уголовным делам, и в тексте используется именно термин «правовая помощь».

Точнее определять правовую помощь как одну из форм сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства, а передачу лиц, страдающих психическими расстройствами, для проведения принудительного лечения – как одну из форм правовой помощи, но не по уголовным делам. Уголовная юрисдикция после вынесения судом решения о проведении принудительного лечения в отношении лиц, страдающих психическими расстройствами, заканчивается. Это следует из положений ст. 13 Закона РФ от 2 июля 1992 г. № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании», которая гласит, что принудительные меры медицинского характера применяются по решению суда по основаниям и в порядке, установленным УК РФ и УПК РФ. А осуществляются эти меры уже в медицинских организациях государственной системы здравоохранения, оказывающих психиатрическую помощь.

Таким образом, уголовно-процессуальный статус страдающих психическими расстройствами лиц, в отношении которых принято решение о проведении принудительного лечения, неоднозначен. Неясно, какие процессуальные нормы должны применять стороны договора при их передаче из одного государства в другое. М. А. Фролова указывает, что передача таких лиц не регламентируется ни Модельным уголовно-процессуальным кодексом для стран СНГ, ни УПК этих государств. Многие государства СНГ руководствовались при передаче таких лиц только нормами Конвенции 1997 г.¹ Участникам Конвенции необходимо было создать внутригосударственный механизм реализации положений данного договора и определить сферу правовой помощи для передачи указанных лиц.

В Российской Федерации данная форма правовой помощи отнесена не к сфере уголовного судопроизводства (предложения Минюста о дополнении УПК РФ гл. 55¹ так и не были приняты), а к сфере оказания психиатрической помощи, т. е. к сфере здравоохранения, как это сделано в некоторых странах СНГ, где компетентными органами по Конвенции определены Министерство здравоохранения совместно с Минюстом и МВД (Молдова, Украина). В России, повторим, в качестве такого органа выступает только Генеральная прокуратура РФ. Полагаем, что компетентным органом по Конвенции логично было бы определить и Минздрав РФ. Подтверждением тому служит Федеральный

¹ Фролова М. А. Указ. соч. С. 5.

закон от 23 июля 2013 г. № 191-ФЗ «О передаче и принятии Российской Федерацией лиц, страдающих психическими расстройствами, в отношении которых имеется решение суда о применении принудительных мер медицинского характера» (далее – Закон 2013 г.). В преамбуле этого Закона сказано, что он определяет порядок передачи Российской Федерацией иностранному государству – участнику Конвенции и порядок принятия Российской Федерацией от иностранного государства – участника Конвенции лица, страдающего психическим расстройством, в отношении которого имеется вступившее в законную силу решение суда о применении принудительных мер медицинского характера.

Таким образом, передачу и принятие лиц указанной категории следует рассматривать как новую, самостоятельную форму международной правовой помощи в сфере здравоохранения, а не в сфере уголовного судопроизводства, а значит, пока такое лицо находится на соответствующем лечении, процесс его передачи и принятия не входит в сферу правовой помощи по уголовным делам. В подтверждение данной позиции можно привести ряд положений как Конвенции 1997 г., так и положений Закона 2013 г.

Несмотря на то что компетентным органом Российской Федерации по Конвенции определена только Генеральная прокуратура РФ, Закон 2013 г. предписывает ей информировать федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере здравоохранения, о необходимости передачи или принятия лица, страдающего психическим расстройством, и его доставления от места проведения принудительного лечения в психиатрическом стационаре на территории Российской Федерации и к месту передачи иностранному государству – участнику Конвенции или от места принятия от иностранного государства – участника Конвенции к месту проведения принудительного лечения в психиатрическом стационаре на территории Российской Федерации (п. 6 ст. 3). Кроме того, ст. 5 Закона предусматривает самостоятельные полномочия федерального органа исполнительной власти в сфере здравоохранения, что еще раз подтверждает целесообразность включения указанного органа наравне с Генеральной прокуратурой РФ в число компетентных органов по Конвенции.

В обоснование того, что передачу лиц, страдающих психическими расстройствами, для проведения принудительного лечения можно определить как одну из форм международной правовой помощи, следует отметить, что в целом структура Конвенции 1997 г. во многом аналогична структуре международных договоров о правовой помощи по уголовным, гражданским, семейным делам, договоров о выдаче обвиняемых лиц и передаче осужденных к лишению свободы для дальнейшего отбывания наказания (особенно много общего с договорами о передаче осужденных лиц). Однако о том, что такой вид передачи не следует относить к сфере уголовного процесса, свидетельствуют отсутствующие в Конвенции 1997 г. и Законе 2013 г. элементы, а также используемая в них терминология:

в Конвенции 1997 г. и в Законе 2013 г. фигурирует термин «обращение», а в международном и национальном уголовно-процессуальном праве – термины «запрос», «просьба», «представление»;

в Конвенции 1997 г. не определено содержание обращения (в Законе 2013 г. этот пробел восполнен, но всего двумя элементами: наименование и адрес компетентного органа и цель обращения, чего явно недостаточно для уголовно-процессуального документа), а в договорах о правовой помощи по уголовным делам содержание запроса, как правило, подробно регламентируется в отдельной статье;

в Конвенции 1997 г. отсутствует такой элемент, как основания отказа в передаче лица (хотя в Законе 2013 г. они перечислены);

в Конвенции 1997 г. и в Законе 2013 г. не предусмотрены положения о языке обращения (указано только на заверенный перевод).

И, наконец, поскольку Закон 2013 г. в целом содержит процессуальные нормы, достаточные для осуществления передачи лиц, страдающих психическими расстройствами, то необходимости регламентировать этот вопрос еще и в УПК РФ нет. Нужно лишь внести в Закон 2013 г. некоторые уточняющие и дополняющие процесс передачи положения.

Список литературы

Лазутин Л. А. Правовая помощь по уголовным делам как комплексное формирование в международном уголовном и уголовно-процессуальном праве: автореф. дис. ... д-ра юрид.наук. Казань, 2008.

Марышева Н. И. Международная правовая помощь по гражданским и уголовным делам: дис. ... д-ра наук в форме науч. докл. М., 1996.

Фролова М. А. Правовые и гуманитарные проблемы передачи лиц, страдающих психическими расстройствами, для проведения принудительного лечения в странах СНГ: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010.

References

Frolova M. A. Pravovye i gumanitarnye problemy peredachi lic, stradayushhix psicheskimi rasstrojstvami dlya provedeniya prinuditel'nogo lecheniya v stranax SNG: dis. kand. ... yurid. nauk. M., 2010.

Lazutin L. A. Pravovaya pomoshh' po ugovnym delam kak kompleksnoe formirovanie v mezhdunarodnom ugovnom i ugovno-processual'nom prave: avtoref. dis. ... d-ra yurid.nauk. Kazan', 2008.

Marysheva N. I. Mezhdunarodnaya pravovaya pomoshh' po grazhdanskim i ugovnym delam: dis. ... d-ra nauk v forme nauch. dokl. M., 1996.

ОБСЛЕДОВАНИЕ (СЛЕДСТВЕННАЯ ПРОЦЕДУРА) В СИСТЕМЕ МИРНОГО РАЗРЕШЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ СПОРОВ*

Кудинов Алексей Сергеевич

Аспирант кафедры международного права Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации (Москва),
e-mail: kudinov-as@mail.ru

В статье освещается история становления, современное состояние и перспективы развития обследования как способа мирного разрешения международных споров. Автор определяет место следственной процедуры в системе средств мирного урегулирования, систематизирует и анализирует двусторонние и многосторонние договоры, регулирующие организацию и деятельность международных следственных комиссий, а также выявляет факторы, которые обуславливают редкое применение процедуры обследования для разрешения споров между государствами.

Ключевые слова: установление фактов, обследование, расследование, следственная процедура, следственные комиссии, разрешение международных споров

ENQUIRY (FACT-FINDING PROCEDURE) IN THE SYSTEM OF PEACEFUL SETTLEMENT OF DISPUTES

Kudinov Aleksey

Moscow State Institute of International Relations (university) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Moscow), e-mail: kudinov-as@mail.ru

The article covers the history, modern state and prospects of enquiry as a means of peaceful settlement of international disputes. The author outlines the place that the fact-finding procedure occupies in the system of peaceful settlement of disputes, systematizes and analyzes bilateral and multilateral treaties governing the organization and activity of international fact-finding commissions, and also reveals the factors that cause the rare practical application of enquiry for the settlement of disputes between states.

Key words: fact-finding, enquiry, investigation, inquiry, fact-finding missions, settlement of international disputes

Понятие обследования (следственной процедуры)

В решении по делу Мавроматиса от 30 августа 1924 г. Постоянная палата международного правосудия определила международный спор как «разногласие по вопросу права или факта, конфликт юридических позиций или интересов двух лиц»¹. Данное определение показывает, что содержание международных споров не ограничивается разностью *правовых* мнений сторон, охватывает также возможность различной трактовки *фактических* обстоятельств их взаимоотношений. Это влияет на систему мирного урегулирования: на устранение фактологических противоречий могут быть направлены любые способы разрешения споров, как согласительные (переговоры, посредничество, следственная и согласительная процедура), так и судебные. Для некоторых из них выяснение фактов

* Статья подготовлена в рамках гранта МГИМО МИД России на выполнение научных работ молодыми исследователями под руководством докторов наук.

¹ Толстых В. Л. Курс международного права: учеб. М., 2010. С. 439.

обязательно (следственная, согласительная и судебная процедуры), для других факультативно, хотя и выступает в качестве условия успешности исхода спора: стороны должны единообразно понимать факты, чтобы иметь возможность «принимать совместные решения и договоренности»¹.

С теоретической точки зрения установления требуют факты прошлого, настоящего или предположительные факты будущего. В первом случае следует говорить об обследовании (расследовании или следственной процедуре)², во втором – об инспекции (мониторинге), в третьем – об экспертизе (исследовании). В практической плоскости сам термин «установление фактов» обычно применяют только к обследованию. К примеру, следственные комиссии, которые создаются в системе ООН, в большинстве случаев называются «миссиями по установлению фактов» (*fact-finding missions*).

Прежде чем перейти к рассмотрению следственной процедуры, необходимо вкратце осветить роль мониторинга и экспертизы в урегулировании международных споров.

Мониторинг представляет собой непрерывный процесс фиксации событий настоящего времени. Чаще всего положения о нем вводятся в договоры с тем, чтобы обеспечить их выполнение. К примеру, в ст. 14 Протокола по охране окружающей среды к Договору об Антарктике (Мадрид, 4 октября 1991 г.) указано, что для содействия охране окружающей среды Антарктики и зависящих от нее и связанных с ней экосистем и обеспечения соблюдения данного Протокола консультативные стороны Договора об Антарктике организуют, индивидуально или коллективно, инспекции наблюдателями. Тем не менее процедура мониторинга может быть использована и для разрешения спора, например в случае, когда государства расходятся во мнении относительно того, ведет ли одно из них деятельность, способную причинить ущерб другому. Как отмечает Е. В. Коннова, «инспекции на местах в международном экологическом праве обладают межинституциональной природой», что выражается в возможности использовать их в качестве средств предупреждения экологического ущерба, контроля за соблюдением международных обязательств, а также для разрешения международных экологических споров³. Проведение инспекций способствует транспарентности международных отношений и может с успехом применяться государствами для разрешения противоречий.

Под экспертизой следует понимать научное прогнозирование событий. Исследование в системе разрешения споров закреплено в актах международного экологического права и призвано разрешать экологические споры между государствами. Так, Добавление IV Конвенции об оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте (Эспо, 25 февраля 1991 г.) предусматривает процедуру установления фактов, которая в аутентичном русском переводе называется «процедурой запроса». Ключевой вопрос, который разрешается «комиссией по запросу», заключается в том, может ли планируемая деятельность оказывать значительное вредное трансграничное воздействие⁴. Статья 15 Проектов статей по праву трансграничных водоносных горизонтов предусматривает, что если государства не достигают согласия относительно возможных последствий планируемой деятельности, которая может затронуть трансграничный водоносный горизонт или систему водоносных горизонтов, они *inter alia* «могут использовать независимый

¹ Гафаровский Д. О. Международное право как инструмент предотвращения беженства // Вопр. соврем. юриспруденции. 2014. № 35. С. 96.

² Здесь и далее термины «обследование» и «расследование» будут использоваться как равнозначные.

³ Коннова Е. В. О роли консультаций и обследования в разрешении международных экологических споров и предотвращении экологического ущерба // Евраз. юрид. журн. 2015. № 4. С. 259–263.

⁴ Процедура, в частности, была применена в споре между Румынией и Украиной. Подробнее см.: Солнцев А. М. Согласительные процедуры урегулирования международных экологических споров // Вопр. экономики и права. 2015. № 11. С. 49.

орган по установлению фактов для проведения беспристрастной оценки последствий планируемых мер»¹.

Другим примером применения процедуры исследования служит решение Международного трибунала по морскому праву о расширении Сингапуром прибрежной полосы в проливе Джохор и вокруг него 2003 г. («Малайзия против Сингапура»). Суд предписал сторонам создать группу независимых экспертов, которая в течение года провела бы исследование последствий деятельности Сингапура и предложила необходимые (*appropriate*) меры по устранению ее негативных последствий. По итогам работы комиссия представила доклад, согласно которому расширение Сингапуром прибрежной полосы не окажет значительного влияния на окружающую среду Малайзии, а умеренные последствия могут быть минимизированы (*mitigated*). Стороны приняли рекомендации экспертов и на их основе урегулировали спор путем переговоров².

Обследование – это, повторим, международно-правовая процедура установления фактов, имевших место в прошлом. В литературе обследование (следственная процедура) определяется как «такое международно-правовое средство мирного урегулирования, которое состоит в расследовании международным органом, создаваемым сторонами совместно с представителями третьих государств, конкретных обстоятельств и фактических данных, лежащих в основе межгосударственного разногласия, и представлении соответствующих докладов спорящим государствам»³. Данное определение можно считать исчерпывающим и точным с тем добавлением, что в создании и работе следственных комиссий участие принимают не только государства, но иногда и международные организации⁴. Они могут оказывать помощь при формировании состава комиссий, не будучи их учредителями, или выступать в качестве самостоятельных субъектов их создания.

В первом случае участие международных организаций позволяет устранить процедурные трудности. Примером служит закрепленная в Конвенции о праве несудоходных видов использования международных водотоков (Нью-Йорк, 21 мая 1997 г.) возможность участия Генерального секретаря Организации Объединенных Наций в формировании комиссии по установлению фактов. Он привлекается, если: 1) одна из сторон не назначает члена комиссии; 2) члены комиссии, назначенные сторонами, не могут прийти к согласию в отношении кандидатуры ее председателя.

В случае, когда международные организации сами выступают инициаторами расследования, перед комиссией ставится задача не разрешить спор, а информировать международную организацию о фактических обстоятельствах событий, которые представляют для нее интерес. Наиболее характерны в этом отношении миссии по установлению фактов, создаваемые по инициативе органов ООН. Они обеспечивают получение Организацией «подробной информации о фактических обстоятельствах любого спора или ситуации...», от чего в конечном счете «зависит способность ООН поддерживать междуна-

¹ Доклад Комиссии международного права ООН. Шестидесятая сессия (5 мая – 6 июня и 7 июля – 8 августа 2008 года). URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/transboundary_aquifers.pdf.

² Подробнее см.: Koh T. International Law and the Peaceful Resolution of Disputes: Asian Perspectives, Contributions, and Challenges // Asian Journal of International Law. 2010. № 1. P. 57–60. URL: http://lkyspp.nus.edu.sg/wp-content/uploads/2013/04/pa_tk_International-Law-and-the-Peaceful-resolution-of-disputes_260111.pdf; Боклан Д. С. Практика Международного трибунала по морскому праву по делам, вытекающим из международных экологических и международных экономических отношений // Междунар. правосудие. 2014. № 4. С. 80–86.

³ Пушмин Э. А. Мирное разрешение международных споров (международно-правовые вопросы). М., 1974. С. 76.

⁴ Международное право / отв. ред. В. И. Кузнецов, Б. Р. Тузмухамедов. 3-е изд., перераб. М., 2010. С. 318 (автор главы – С. А. Егоров).

родный мир и безопасность»¹. Выводы миссий по установлению фактов международные организации могут использовать в том числе в целях снижения напряженности между сторонами и выбора подходящей процедуры дальнейшего разрешения спора².

Международной следственной комиссией является только та следственная группа, которая охватывается понятием «международный орган». Она не включена в систему управления какого-либо государства и в международных отношениях выступает от своего имени. В ряде случаев осуществляется внутригосударственное расследование с международным участием. К примеру, расследование авиационных происшествий проводится, как правило, в соответствии со ст. 26 Конвенции о международной гражданской авиации (Чикаго, 7 декабря 1944 г.) органами государства, где произошло происшествие³. Конвенция устанавливает, что в случае происшествия с воздушным судном одного договаривающегося государства, имевшего место на территории другого договаривающегося государства и повлекшего смерть или серьезные телесные повреждения либо свидетельствующего о серьезном техническом дефекте воздушного судна или аэронавигационных средств, государство, на территории которого произошло происшествие, назначает расследование обстоятельств происшествия в соответствии с процедурой, которая может быть рекомендована Международной организацией гражданской авиации, насколько это допускает его законодательство. Государству, в котором зарегистрировано воздушное судно, предоставляется возможность назначить наблюдателей для присутствия при расследовании, а государство, проводящее расследование, направляет этому государству отчет и заключение о расследовании (ст. 26). Данные положения детализируются в приложении XIII «Расследование авиационных происшествий и инцидентов» к Чикагской конвенции и в Руководстве ИКАО по расследованию авиационных происшествий и инцидентов (Дос. 9756).

Важным аспектом, определяющим место обследования в системе средств мирного разрешения международных споров, является его соотношение с согласительной процедурой (примирением). Как писал Э. А. Пушмин, «исторически согласительная процедура возникла как дальнейший этап в развитии практики международных следственных комиссий. Вскоре после принятия Гаагских конвенций практика урегулирования межгосударственных разногласий пошла по пути расширения компетенции следственных комиссий за счет наделения их правами не только по расследованию факта, но и условий урегулирования спора»⁴. Автор зафиксировал фактическое превращение следственных комиссий в согласительные⁵. Современное представление о согласительной процедуре таково, что она «с организационной точки зрения походит на расследование, с функциональной – на посредничество»⁶. Установление фактов выступает основой согласительной процедуры, но не исчерпывает ее. Главная цель согласительных комиссий – достижение между сторонами соглашения, базирующегося на собранных фактических данных и предложенных комиссией вариантах урегулирования. Задача же следственных

¹ Декларация об установлении фактов Организацией Объединенных Наций в области поддержания международного мира и безопасности (принята резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1991 г. № 46/59). Подробнее см.: Кудинов А. С. Совершенствование установления фактов в системе ООН // Евраз. юрид. журн. 2016. № 8. С. 64–69.

² Неишатаева Т. Н. Международные организации и право. Новые тенденции в международно-правовом регулировании. 2-е изд. М., 1999. С. 121.

³ Сапрыкин Ф. И. Международно-правовые проблемы использования воздушного пространства государств-участников СНГ // Москов. журн. междунар. права. 1993. № 4. С. 17.

⁴ Пушмин Э. А. Согласительная процедура – средство разрешения международных споров. Калининград, 1973. С. 34.

⁵ Пушмин Э. А. Мирное разрешение международных споров (международно-правовые вопросы). С. 81.

⁶ Толстых В. Л. Курс международного права. С. 453.

комиссий ограничивается достоверным и объективным установлением фактов, лежащих в основе разногласий сторон.

Современное международно-правовое регулирование обследования складывается из положений Гаагских конвенций о мирном разрешении международных столкновений 1899 и 1907 гг., ряда двусторонних и отраслевых многосторонних договоров.

Гаагские конвенции о мирном разрешении международных столкновений 1899 и 1907 гг.

На международном уровне следственная процедура привлекла к себе внимание в XIX в. В 1899 г. она впервые получила международно-правовое закрепление в Гаагской конвенции о мирном разрешении международных столкновений. В ней были даны «общие установочные положения, определившие особенности и принципы данного способа разрешения споров»¹. Более детально процедура была урегулирована в одноименной Конвенции 1907 г.

В том, что институт международных следственных комиссий начал свое становление именно тогда, велика заслуга российских государственных деятелей. Первая конференция мира в Гааге 1899 г., на которой был поднят вопрос о международных расследованиях как способе разрешения споров, была созвана по инициативе России. Сама идея о включении в международные договоры положений об организации следственных комиссий для устранения разночтений государств в оценке фактов принадлежит выдающемуся российскому юристу-международнику Ф. Ф. Мартенсу².

Ф. Ф. Мартенс помог разработать программу предложений для рассмотрения в рамках первой Гаагской конференции мира и Инструкцию для русской делегации³. В Инструкцию вошли положения о создании конфликтующими сторонами следственных комиссий «из числа лучших в их стране представителей дипломатии, войска и науки»⁴. Идеи Ф. Ф. Мартенса были положительно оценены делегатами и получили закрепление в Гаагской конвенции о мирном разрешении международных столкновений 1899 г. Принято считать, что благодаря ему мир узнал о следственных комиссиях – новом средстве решения международных разногласий⁵. Таким образом, идейным истоком норм о международных следственных комиссиях стала российская правовая мысль.

Важно учитывать, что рассмотрение предложений о международных следственных комиссиях на Конференции актуализировал произошедший годом раньше инцидент с необъяснимым разрушением линкора Мэн (США), который стал катализатором испано-американской войны⁶. В феврале 1898 г. военный корабль флота США, стоявший на якоре в Гаванском порту, был разрушен взрывом, который повлек гибель 259 моряков. Отношения между Испанией и США уже были напряженными, и последние незамедлительно обвинили Испанию во взрыве. Она учредила комиссию по расследованию, которая установила, что взрыв был спровоцирован с самого корабля. В то же время расследование, проведенное американской стороной, показало, что корабль подорвался на mine. Противоречивые результаты расследований лишь обострили ситуацию⁷.

¹ Орлова И. А. Разрешение споров в международном публичном и частном праве (сравнительно-правовой анализ): дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2007. С. 80.

² Международное право: учеб. / Г. С. Стародубцев и др.; отв. ред. Г. С. Стародубцев. М., 2015. С. 104.

³ Пустогаров В. В. Ф. Ф. Мартенс: юрист, дипломат, публицист // Сов. журн. междунар. права. 1991. № 3–4. С. 88.

⁴ Там же.

⁵ Ляхов Е. Г., Ляхов Д. Е. Переговоры как процессуальное средство разрешения международных споров и противодействия терроризму // Публичное и частное право. 2012. № IV. С. 246–247.

⁶ Merrills J. The means of dispute settlement // International Law / ed. by M. Evans. 3rd ed. Oxford, 2010. P. 539.

⁷ Hillier T. Sourcebook on public international law. L., 1998. P. 541.

Понимая значимость процедуры международного расследования для урегулирования подобных ситуаций, делегаты Гаагской конференции мира с подачи Ф. Ф. Мартенса утвердили положения специального раздела «О международных следственных комиссиях» Конвенции о мирном разрешении международных столкновений (ст. 9–14). «В международных спорах, не затрагивающих ни чести, ни существенных интересов и проистекающих из разногласия в оценке фактических обстоятельств дела», полезно учреждать международную следственную комиссию, чья задача состоит в выяснении вопросов факта через беспристрастное и добросовестное их расследование (ст. 9). Чтобы учредить следственную комиссию, стороны заключают соглашение, в котором должны быть определены подлежащие расследованию факты, порядок производства и объем полномочий членов комиссии. Следствие является состязательным (ст. 10). Государства обязаны сотрудничать с комиссией (ст. 12). По итогам расследования составляется доклад, который должен касаться лишь фактов и не имеет характера третейского решения. Стороны свободны в том, чтобы не принимать результаты расследования (ст. 14).

Первое применение на практике приведенные положения получили в 1904 г., когда было организовано расследование «Гулльского инцидента», произошедшего в районе Доггеровой отмели в Северном море. Тогда русский флот, полагая, что находится под атакой, обстрелял и повредил ряд британских рыболовных судов. Комиссия по расследованию, назначенная правительствами двух стран, установила, что имела место ошибка, и после выплаты российской стороной компенсации инцидент был исчерпан. Примечательно, что расследование не сводилось к оценке только фактов, поскольку Комиссия должна была сделать выводы о степени вины и ответственности сторон¹.

Расследование данного инцидента приводится в научной литературе в качестве показательного примера действенности процедуры. Между тем, как отмечает Дж. Меррилс, «оно выявило ряд недостатков в положениях Гаагской Конвенции, которым явно не хватало деталей»². В результате институт международных следственных комиссий получил развитие в Конвенции 1907 г. (ст. 9–36), были детализированы организационные и процедурные правила. Укажем наиболее принципиальные добавления.

Соглашение сторон об организации следственной комиссии может содержать указания на место пребывания комиссии, ее право перемещаться, язык, используемый комиссией, и языки, допустимые для использования участниками расследования, срок, в который каждая сторона должна представить свое изложение фактов, и иные условия (ст. 10). Возможно проведение расследования на месте при согласии государства, на территории которого оно организуется (ст. 20). Расследования на месте предполагают приглашение представителей сторон (ст. 21). Комиссия может просить стороны предоставить объяснения и иные сведения (ст. 22). В сотрудничестве с комиссией может быть отказано, если средства исполнения ее требований способны нарушить «верховенство и безопасность» государства (ст. 24). Соблюдается конфиденциальность заседаний комиссии, протоколов и документов следствия, если комиссия не решит иначе с согласия сторон (ст. 32). Итоговый доклад, тем не менее, зачитывается в открытом заседании (ст. 34). Он должен касаться лишь фактов и не имеет характера третейского решения. Стороны свободны в том, чтобы не принимать результаты расследования (ст. 35). Расходы комиссии делятся поровну между сторонами (ст. 36).

Положения Конвенции 1907 г. о следственных комиссиях были применены в 1912 г. к инциденту с судном «Тавиньяно», который имел место в период итало-турецкой войны 1911–1912 гг. Хотя Франция была нейтральной страной, итальянское правительство считало, что французские суда участвовали в поставках турецкой контрабанды. Эта

¹ Malanczuk P. Akehurst's modern introduction to international law. 7th rev. ed. L., 1997. P. 277.

² Merrills J. The means of dispute settlement. P. 539.

убежденность обусловила к тому моменту обращение двух стран к арбитражу. Когда французское почтовое судно «Тавиньяно» было взято под арест, а два тунисских судна – обстреляны (по мнению Италии – в открытом море, по мнению Франции – в территориальных водах Туниса), государства решили организовать следственную комиссию. Эксперты не только допросили свидетелей и проанализировали документы, но и провели расследование на месте. Комиссия установила, что суда в действительности были обстреляны. Несмотря на то что существенный вопрос о районе, в котором имел место инцидент, остался нерешенным, работа комиссии привела к урегулированию спора. Италия выплатила Франции сумму в счет сатисфакции¹.

Похожая ситуация произошла в 1917 г., во время Первой мировой войны, когда немецкая подводная лодка после преследования затопила норвежское судно «Тигр» у северного побережья Испании. В обоснование приводился тот же довод, что и в предыдущем случае: судно нейтрального государства занималось контрабандой. Ключевой вопрос состоял в определении района, в котором имел место инцидент. Испания полагала, что это случилось в ее территориальных водах, Германия настаивала на том, что инцидент произошел в открытом море. Комиссия подтвердила первую точку зрения. Данное расследование интересно тем, что стороны впервые в истории согласились признать его результаты в качестве обязательных².

Еще одним случаем, для расследования которого в соответствии с Конвенцией 1907 г. была организована международная следственная комиссия, стало затопление немецкой подводной лодкой голландского парохода «Тубанция» в 1916 г.³ После этого международные следственные комиссии не создавались несколько десятилетий. Первым за долгое время (и последним к настоящему моменту) стало расследование ареста судна «Красный крестоносец» в 1961–1962 гг.

В 1961 г. датское рыбоохранное судно обнаружило британское судно «Красный крестоносец», которое предположительно незаконно занималось рыбным промыслом недалеко от Фарерских островов. При попытке уйти от погони оно было обстреляно и получило повреждения. После того как в дело вмешался британский фрегат, все три судна взяли курс на Абердин. Следственная комиссия, организованная сторонами, указала на отсутствие доказательств того, что британское судно занималось рыбным промыслом в запрещенном районе, хотя оно находилось в его пределах с расчехленными снастями. Оно было задержано, но затем капитан предпринял попытку увести судно и попал под обстрел. Открыв огонь, датский капитан превысил допустимые пределы применения силы. По мнению комиссии, поведение британских морских офицеров было безупречным, они сделали все возможное, чтобы предотвратить дальнейшую перестрелку между датским судном и «Красным крестоносцем». Выводы комиссии ускорили разрешение спора, который был завершен взаимным отказом сторон от притязаний.

Дело представляет собой смешение международного расследования и арбитража. В состав комиссии входили преимущественно юристы. Процесс был разделен на устную и письменную стадии. Допросы свидетелей проводили не сами члены комиссии, а представители сторон. Решение комиссии было опубликовано с согласия сторон. Часть рассуждений комиссии имеет характер правовых, что подтверждает вывод о превышении пределов применения силы при обстреле «Красного крестоносца»⁴. Тем не менее, как отмечает Дж. Меррилс, это расследование нельзя назвать арбитражным разбирательством. Во-первых, комиссия была «вынуждена» обратиться к вопросам права. Во-вторых,

¹ Merrills J. International dispute settlement. 4th ed. Cambridge, 2005. P. 49–50.

² Ibid. P. 50.

³ Ibid. P. 51–52; Moore J. N. Law and the Indo-China war. Princeton, 1972. P. 238.

⁴ Merrills J. International dispute settlement. P. 55.

по итогам работы комиссия составила отчет, а не решение о присуждении («a report rather than an award»)¹.

В 1997 г. Постоянной палатой третейского суда были приняты Факультативные правила для следственных комиссий по установлению фактов (*Permanent Court of Arbitration Optional Rules for Fact-finding Commissions of Inquiry*). Разработанные в развитие Гаагских конвенций, они устанавливают более детальную и гибкую процедуру, которую можно считать самостоятельной.

Двусторонние договоры, предусматривающие обследование в качестве способа разрешения споров

Помимо Гаагских конвенций в начале прошлого века заключались двусторонние договоры, которые наряду с арбитражем предусматривали обращение сторон к процедуре расследования в случае возникновения между ними споров. Особую активность в закреплении следственной процедуры на двустороннем уровне проявляли США, в честь государственных деятелей которых были названы соответствующие соглашения. В частности, в 1911 г. такие договоры были заключены с Францией и Великобританией и впоследствии неофициально именовались «договорами Тафта» (*Taft Treaties*) или «договорами Нокса» (*Knox Treaties*). В них содержалась отсылка к Конвенции 1907 г., но был расширен круг споров, которые могли быть разрешены путем расследования; комиссии уполномочивались давать рекомендации².

В 1913–1915 гг. практика заключения договоров, предусматривавших обращение к следственной процедуре, была продолжена. Эти договоры впоследствии стали неофициально называться «договорами Брайана» (*Bryan Treaties*). Они также не ограничивали предметную область возможных расследований, но уже не предусматривали право комиссий давать рекомендации. В соответствии с этими договорами в состав комиссий должны были входить пять членов от спорящих сторон и нейтральных государств³. Схожие по содержанию соглашения были заключены в 1919 г. Великобританией с Бразилией и Чили, а в 1923 г. 16 американских государств подписали Договор о предотвращении конфликтов между американскими государствами, или «Договор Гондра» (*Gondra Treaty*), названный так в честь парагвайского государственного деятеля и заложивший основу принципов сотрудничества в рамках Организации американских государств.

Несмотря на многочисленность обозначенных договоров, их положения, как отмечал Э. А. Пушмин, оказались «не более как простой декларацией»⁴. Расследования в соответствии с ними не проводились, за исключением инцидента, связанного с убийством О. Летельера и Р. Моффит в 1976 г.⁵

О. Летельер, бывший министр иностранных дел Чили, был убит в Вашингтоне чилийскими агентами при помощи взрывного устройства. При этом была убита Р. Моффит и ранен ее муж. Родственники обратились в американский суд с требованием к правительству Чили. Требование было удовлетворено, однако дальнейшее исполнение судебного решения оказалось затруднительным. В 1988 г. США обратились к Чили с соответствующим требованием. Чили согласилось выплатить компенсацию *ex gratia*, но встал вопрос о размере выплаты. Для его определения была образована следственная комиссия, которая выполнила свою задачу. В результате Чили выплатило компенсацию, и спор был разрешен⁶.

¹ Merrils J. International dispute settlement. P. 56.

² Ibid. P. 52.

³ Пушмин Э. А. Согласительная процедура – средство разрешения международных споров. С. 26.

⁴ Пушмин Э. А. Мирное разрешение международных споров (международно-правовые вопросы). С. 81.

⁵ Merrils J. International dispute settlement. P. 53.

⁶ Ibid. P. 56–59.

Расследование по делу об убийстве О. Летельера и Р. Моффит часто называют «замаскированным арбитражем»¹. Главный вопрос, поставленный перед комиссией, состоял в определении размера компенсации. При формулировании выводов комиссия ссылалась на применимые принципы международного права; в ее состав входили специалисты в области международного права; государства согласились признать ее выводы обязательными.

Отраслевые многосторонние договоры, предусматривающие обследование в качестве способа разрешения споров

Следственная процедура разрешения споров закреплена в ряде действующих многосторонних договоров.

Согласно ст. 33 Конвенции о праве несудоходных видов использования международных водотоков 1997 г. если спор не урегулирован посредством переговоров, добрых услуг, посредничества, примирения, судебных процедур, то по просьбе любой из сторон спор становится предметом беспристрастного установления фактов. Для этого создается комиссия по установлению фактов, в состав которой входят по одному члену от каждой из сторон, а также председатель, не являющийся гражданином любой из сторон и избираемый назначенными членами. В случае задержки назначения членов в формировании комиссии участвует Генеральный секретарь ООН.

Комиссия определяет свою процедуру. Стороны обязаны сотрудничать с комиссией, разрешать ей доступ на их территорию и осуществление инспекции любых объектов, установок, оборудования, сооружений или естественных образований, имеющих отношение к цели ее расследования. По итогам расследования комиссия составляет доклад и представляет его сторонам с изложением своих выводов, их обоснований и рекомендаций, которые она считает уместными в целях справедливого урегулирования спора. Стороны рассматривают такие рекомендации в духе добросовестности. Расходы Комиссии распределяются поровну между сторонами.

Проведение расследований в соответствии с перечисленными положениями является обязательной для сторон процедурой при выполнении нескольких условий (неурегулированность спора другими средствами, отсутствие признания в качестве обязательной меры *ipso facto* передачи дела в международный суд и др.)². На это указывают строгие формулировки ст. 33 Конвенции и предусмотренные в ней гарантии, ограждающие от процедурной невозможности расследования в случаях, когда одна из сторон не намерена сотрудничать с другой стороной и самой комиссией в целях мирного урегулирования спора.

Таким образом, механизм расследования в соответствии с Конвенцией о праве несудоходных видов использования международных водотоков условно обязателен для спорящих государств-участников Конвенции. Положения ст. 33 Конвенции во многом повторяют те, что закреплены в Добавлении IV Конвенции об оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте 1991 г. Однако последние регламентируют не следственную процедуру, а проведение исследования (экспертизы).

Статья 5 Приложения VIII к Конвенции ООН по морскому праву (Монтего-Бей, 10 декабря 1982 г.) посвящена установлению фактов специальным арбитражем. Стороны по некоторым вопросам толкования или применения Конвенции (рыболовство, защита и

¹ Herik L. J. van den. An inquiry into the role of commissions of inquiry in international law: navigating the tensions between fact-finding and application of international law // Chinese Journal of International Law. 2014. Vol. 13. P. 516–517.

² Peters A. International dispute settlement: a network of cooperational duties // European Journal of International Law. 2003. Vol. 14. № 1. P. 5.

сохранение морской среды, морские научные исследования, судоходство, включая загрязнения с судов и в результате захоронения) могут в любое время с обоюдного согласия обратиться к специальному арбитражу, образованному в соответствии с Конвенцией, с просьбой провести расследование и установить факты, вызвавшие этот спор.

Установление фактов в данном случае обязательно для сторон, если они не договорились об ином. По просьбе сторон могут быть сформулированы рекомендации, которые не имеют силы решения, но образуют основу для рассмотрения сторонами вопросов, вызвавших спор. Если стороны не договорились об ином, установление факта трактуется как окончательное для них. Специальный арбитраж организуется и осуществляет установление фактов в общем порядке, предусмотренном Приложением VIII к Конвенции, если стороны не договорились об ином.

Следственная процедура нашла отражение также в нормах международного гуманитарного права. Статья 30 Конвенции об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях (Женева, 27 июля 1929 г.) предусматривает возможность проведения расследования нарушений Конвенции. С инициативой может выступить сторона конфликта, порядок расследования определяется заинтересованными сторонами. В случае если нарушение устанавливается, сторона-нарушитель должна прекратить его как можно скорее. Женевские конвенции 1949 г.¹ восприняли механизм, закрепленный в Конвенции 1929 г. Нововведением стала возможность привлечения арбитра, который решает вопрос о процедуре в случае недостижения сторонами по нему соглашения. Выбор арбитра тоже предполагает необходимость договоренности между сторонами, поэтому отсутствие последней может остановить расследование².

Несмотря на то что расследование нарушений международного гуманитарного права могло бы положительно повлиять на дисциплинированность участников вооруженного конфликта, данный механизм ни разу не был задействован³. Это объясняется сложностью достижения согласия между всеми сторонами, а также слишком краткими формулировками соответствующих норм. Иногда упоминается, что механизм был задействован в ходе войны между Ираном и Ираком⁴. Однако миссия по установлению фактов была организована не сторонами конфликта, а Генеральным секретарем ООН. Ее целью было не разрешение спора, а именно информирование органов ООН о происходящем в ходе конфликта.

В соответствии с Конвенцией о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду (Женева, 10 декабря 1976 г.) по решению депозитария созывается консультативный комитет экспертов. Любое государство-участник может назначить в него эксперта; депозитарий Конвенции или его представитель является председателем. Консультативный комитет экспертов выясняет фактические обстоятельства дела и представляет экспертное мнение. Он передает депозитарию итоговый документ, который должен включать все представленные комитету в ходе его заседаний точки зрения и информацию. Депозитарий рассылает этот документ всем государствам-участникам.

¹ Статья 52 Женевской конвенции об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях; ст. 53 Конвенции об улучшении участи раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, из состава вооруженных сил на море; ст. 132 Женевской конвенции об обращении с военнопленными; ст. 149 Женевской конвенции о защите гражданского населения во время войны.

² Калугин В. Ю. Международный механизм имплементации международного гуманитарного права // Белорус. журн. междунар. права и междунар. отношений. 1999. № 1. С. 30.

³ Garraway C. Fact-finding and the International humanitarian fact-finding commission // *Quality Control in Fact-Finding* / ed. M. Bergsmo. Florence, 2013. P. 441–442.

⁴ Тиунов О. И. Международное гуманитарное право: учеб. 2-е изд., перераб. М., 2012. С. 203.

Нельзя не упомянуть о Международной (гуманитарной) комиссии по установлению фактов, положения о которой закреплены в ст. 90 Дополнительного протокола к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающегося защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Женева, 8 июня 1977 г.)¹. Комиссия является единственным постоянно действующим международным следственным органом. Несмотря на свой потенциал, она не провела ни одного расследования за более чем четверть века своего существования. Предпосылки для изменения ситуации появились в мае 2017 г., когда Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе поручила Комиссии провести расследование обстоятельств гибели фельдшера и причинения вреда двум наблюдателям специальной мониторинговой миссии ОБСЕ на Украине. Тем не менее даже это первое расследование оказалось порочным с правовой точки зрения, поскольку инициировать расследование вправе только государства и только в связи с вооруженными конфликтами международного характера.

Вопросами разработки процедур установления фактов занимались также неправительственные организации. К примеру, в 1980 г. Ассоциация международного права приняла свод правил (так называемые Белградские правила), которые могут быть использованы как межправительственными, так и неправительственными организациями по установлению фактов нарушения норм международного права.

Современное состояние института обследования

В настоящее время следственная процедура не востребована государствами, а практика обращения к ней для разрешения международных споров является скудной, несмотря на обильное договорное регулирование². В литературе обследование даже называют «юридическим курьезом»³ и «архаизмом современного международного права»⁴. С этими высказываниями согласиться трудно, поскольку вне системы разрешения споров следственная процедура нашла широкое применение. Ее активно используют международные организации для получения достоверной информации о происходящих в мире событиях, прежде всего гуманитарного характера.

Проблема состоит лишь в том, что государства не обращаются к следственной процедуре для урегулирования взаимных притязаний. Представляется, что это обусловлено следующими обстоятельствами.

Во-первых, для обследования, как и для других средств разрешения международных споров, характерна консенсуальная основа, т. е. обязательность согласия сторон спора на использование процедуры. Это предполагает обоюдное стремление конфликтующих сторон избежать эскалации конфликта и урегулировать его мирным путем. Однако зачастую государства выражают большую заинтересованность в бескомпромиссном отстаивании своей позиции. По словам Дж. Меррилса, проведение международных расследований возможно только тогда, когда государства «допускают вероятность признания ошибочности их текущего взгляда на то или иное событие»⁵. В условиях информационного общества государства получают информацию из различных источни-

¹ Подробнее см.: *Mokhtar A.* Will this mummification saga come to an end? The International humanitarian fact-finding commission: article 90 of Protocol 1 // *Pennsylvania State International Law Review*. 2003. Vol. 22, № 2. P. 243–311; *Кудинов А. С.* Международная гуманитарная комиссия по установлению фактов: действующее регулирование и причины бездействия // *Международ. право и междунар. организации* / *International Law and International Organizations*. 2016. № 2. С. 166–179.

² *Пушмин Э. А.* Мирное разрешение международных споров (международно-правовые вопросы). С. 81–82.

³ *Давид Э.* Принципы права вооруженных конфликтов. М., 2011. С. 677.

⁴ *Wallace-Bruce N. L.* The settlement of international disputes: the contribution of Australia and New Zealand. Leiden, 1998. P. 42.

⁵ *Merrills J.* The means of dispute settlement. P. 540.

ков и предпочитают ту версию события, которая более соответствует их политическим интересам.

Во-вторых, исторически, начиная с Гаагских конвенций, международные расследования были предметно ограничены «спорами, не затрагивающими ни чести, ни существенных интересов». Однажды сформулированное ограничительное условие сопровождало всю последующую скудную практику международных расследований. Споры, по которым они проводились, касались в основном морских инцидентов, не имевших существенного значения для международных отношений. Показательно, что во второй половине XX в. государства не проявляли заинтересованности урегулировать с помощью обследования даже мелкие споры.

В-третьих, лишь установлением фактов можно разрешить далеко не все споры. Чаще всего вопросы факта не исчерпывают спорную ситуацию, и сторонам необходимы международно-правовые квалификации фактов, выводы о правовых последствиях и проекты взаимовыгодных договоренностей. В этом контексте более удобными для государств средствами мирного урегулирования являются международное правосудие, посредничество и переговоры. Как отмечает Т. Хиллиер, «расследования практически не используются с тех пор, как был учрежден Международный Суд, способный решать и вопросы факта, и вопросы права»¹. Нужно, однако, иметь в виду, что следственные комиссии никогда и не занимались установлением «чистых фактов». С самого начала своего становления и в последующем следственная процедура была квазисудебной, несмотря на то что и в Гаагских конвенциях 1899 и 1907 гг., и в принятой в конце XX в. Декларации об установлении фактов ООН было прямо закреплено обратное. Практика государств сформировала стандарт расширенной компетенции международных следственных комиссий, который позволил им не ограничиваться установлением фактов, но также давать правовые оценки и формулировать правовые выводы².

В-четвертых, увеличивается активность по созданию следственных комиссий международными организациями. Все чаще установление фактов осуществляют специальные миссии, создаваемые под их эгидой, а инициирование государствами расследования по тем же вопросам становится излишним. Более того, если ситуация представляет угрозу миру и безопасности и входит в предмет рассмотрения Совета Безопасности ООН, возможно направление следственной комиссии по его инициативе.

Заключение

Хотя обследование не часто используется государствами, оно обладает рядом преимуществ перед другими средствами мирного урегулирования. Плодотворна сама идея привнесения фактологической ясности в спор. Процедура обследования является более быстрой и менее формализованной, чем судопроизводство, но в то же время опирается на установленные юридически значимые факты, что не всегда имеет место при урегулировании споров посредством переговоров или примирения. Таким образом, институт обследования, несмотря на несовершенства практического характера, обладает значительным потенциалом для развития международных отношений.

Список литературы

Garraway C. Fact-finding and the International humanitarian fact-finding commission // *Quality Control in Fact-Finding* / ed. M. Bergsmo. Florence, 2013.

¹ Hillier T. Op. cit. P. 541

² Подробнее см.: Кудинов А. С. Комиссия Х. Тальявини и пределы компетенции международных следственных комиссий // *Рос. юрид. журн.* 2017. № 3. С. 26–38.

Herik L. J. van den. An inquiry into the role of commissions of inquiry in international law: navigating the tensions between fact-finding and application of international law // *Chinese Journal of International Law*. 2014. Vol. 13.

Hillier T. Sourcebook on public international law. L., 1998.

Koh T. International Law and the Peaceful Resolution of Disputes: Asian Perspectives, Contributions, and Challenges // *Asian Journal of International Law*. 2010. № 1. URL: http://lkyspp.nus.edu.sg/wp-content/uploads/2013/04/pa_tk_International-Law-and-the-Peaceful-resolution-of-disputes_260111.pdf.

Malanczuk P. Akehurst's modern introduction to international law. 7th rev. ed. L., 1997.

Merrills J. International dispute settlement. 4th ed. Cambridge, 2005.

Merrills J. The means of dispute settlement // *International Law* / ed. by M. Evans. 3rd ed. Oxford, 2010.

Mokhtar A. Will this mummification saga come to an end? The International humanitarian fact-finding commission: article 90 of Protocol 1 // *Pennsylvania State International Law Review*. 2003. Vol. 22. № 2.

Moore J. N. Law and the Indo-China war. Princeton, 1972.

Peters A. International dispute settlement: a network of cooperational duties // *European Journal of International Law*. 2003. Vol. 14. № 1.

Wallace-Bruce N. L. The settlement of international disputes: the contribution of Australia and New Zealand. Leiden, 1998.

Боклан Д. С. Практика Международного трибунала по морскому праву по делам, вытекающим из международных экологических и международных экономических отношений // *Международ. правосудие*. 2014. № 4.

Гафаровский Д. О. Международное право как инструмент предотвращения беженства // *Вопр. соврем. юриспруденции*. 2014. № 35.

Давид Э. Принципы права вооруженных конфликтов. М., 2011.

Доклад Комиссии международного права ООН. Шестидесятая сессия (5 мая – 6 июня и 7 июля – 8 августа 2008 года). URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/transboundary_aquifers.pdf.

Калугин В. Ю. Международный механизм имплементации международного гуманитарного права // *Белорус. журн. междунар. права и междунар. отношений*. 1999. № 1.

Коннова Е. В. О роли консультаций и обследования в разрешении международных экологических споров и предотвращении экологического ущерба // *Евраз. юрид. журн*. 2015. № 4.

Кудинов А. С. Комиссия Х. Тальявини и пределы компетенции международных следственных комиссий // *Рос. юрид. журн*. 2017. № 3.

Кудинов А. С. Международная гуманитарная комиссия по установлению фактов: действующее регулирование и причины бездействия // *Международ. право и междунар. организации / International Law and International Organizations*. 2016. № 2.

Кудинов А. С. Совершенствование установления фактов в системе ООН // *Евраз. юрид. журн*. 2016. № 8.

Ляхов Е. Г., Ляхов Д. Е. Переговоры как процессуальное средство разрешения международных споров и противодействия терроризму // *Публичное и частное право*. 2012. № IV.

Международное право / отв. ред. В. И. Кузнецов, Б. Р. Тузмухамедов. 3-е изд., перераб. М., 2010.

Международное право: учеб. / Г. С. Стародубцев и др.; отв. ред. Г. С. Стародубцев. М., 2015.

Нешатаева Т. Н. Международные организации и право. Новые тенденции в международно-правовом регулировании. 2-е изд. М., 1999.

Орлова И. А. Разрешение споров в международном публичном и частном праве (сравнительно-правовой анализ): дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2007.

Пустогаров В. В. Ф. Ф. Мартенс: юрист, дипломат, публицист // *Сов. журн. междунар. права*. 1991. № 3–4.

Пушмин Э. А. Мирное разрешение международных споров (международно-правовые вопросы). М., 1974.

Пушмин Э. А. Согласительная процедура – средство разрешения международных споров. Калининград, 1973.

Сапрыкин Ф. И. Международно-правовые проблемы использования воздушного пространства государств-участников СНГ // *Москов. журн. междунар. права*. 1993. № 4.

Солнцев А. М. Согласительные процедуры урегулирования международных экологических споров // *Вопр. экономики и права*. 2015. № 11.

Тиунов О. И. Международное гуманитарное право: учеб. 2-е изд., перераб. М., 2012.

Толстых В. Л. Курс международного права: учеб. М., 2010.

References

- Boklan D. S.* Praktika Mezhdunarodnogo tribunala po morskemu pravu po delam, vytekayushhim iz mezhdunarodnykh ehkologicheskikh i mezhdunarodnykh ehkonomicheskikh otnoshenij // *Mezhdunar. pravosudie*. 2014. № 4.
- David Eh.* Principy prava vooruzhennykh konfliktov. M., 2011.
- Doklad Komissii mezhdunarodnogo prava OON. Shestidesyataya sessiya (5 maya – 6 iyunya i 7 iyulya – 8 avgusta 2008 goda). URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/transboundary_aquifers.pdf.
- Gafarovskij D. O.* Mezhdunarodnoe pravo kak instrument predotvrashheniya bezhenstva // *Vopr. sovrem. yurisprudencii*. 2014. № 35.
- Garraway C.* Fact-finding and the International humanitarian fact-finding commission // *Quality Control in Fact-Finding* / ed. M. Bergsmo. Florence, 2013.
- Herik L. J. van den.* An inquiry into the role of commissions of inquiry in international law: navigating the tensions between fact-finding and application of international law // *Chinese Journal of International Law*. 2014. Vol. 13.
- Hillier T.* Sourcebook on public international law. L., 1998.
- Kalugin V. Yu.* Mezhdunarodnyj mexanizm implementacii mezhdunarodnogo gumanitarnogo prava // *Belorus. zhurn. mezhdunar. prava i mezhdunar. otnoshenij*. 1999. № 1.
- Koh T.* International Law and the Peaceful Resolution of Disputes: Asian Perspectives, Contributions, and Challenges // *Asian Journal of International Law*. 2010. № 1. URL: http://lkyspp.nus.edu.sg/wp-content/uploads/2013/04/pa_tk_International-Law-and-the-Peaceful-resolution-of-disputes_260111.pdf.
- Konnova E. V.* O roli konsul'tacij i obsledovaniya v razreshenii mezhdunarodnykh ehkologicheskikh sporov i predotvrashhenii ehkologicheskogo ushherba // *Evraz. yurid. zhurn.* 2015. № 4.
- Kudinov A. S.* Komissiya X. Tal'yavini i predely kompetencii mezhdunarodnykh sledstvennykh komissij // *Ros. yurid. zhurn.* 2017. № 3.
- Kudinov A. S.* Mezhdunarodnaya gumanitarnaya komissiya po ustanovleniyu faktov: dejstvuyushhee regulirovanie i prichiny bezdejstviya // *Mezhdunar. pravo i mezhdunar. organizacii* / *International Law and International Organizations*. 2016. № 2.
- Kudinov A. S.* Sovershenstvovanie ustanovleniya faktov v sisteme OON // *Evraz. yurid. zhurn.* 2016. № 8.
- Lyaxov E. G., Lyaxov D. E.* Peregovory kak processual'noe sredstvo razresheniya mezhdunarodnykh sporov i protivodejstviya terrorizmu // *Publichnoe i chastnoe pravo*. 2012. № IV.
- Malanczuk P.* Akehurst's modern introduction to international law. 7th rev. ed. L., 1997.
- Merrills J.* International dispute settlement. 4th ed. Cambridge, 2005.
- Merrills J.* The means of dispute settlement // *International Law*. 3rd ed. / ed. by M. Evans. Oxford, 2010.
- Mezhdunarodnoe pravo* / otv. red. V. I. Kuznecov, B. R. Tuzmukamedov. 3-e izd., pererab. M., 2010.
- Mezhdunarodnoe pravo: ucheb.* / G. S. Starodubcev i dr.; otv. red. G. S. Starodubcev. M., 2015.
- Mokhtar A.* Will this mummification saga come to an end? The International humanitarian fact-finding commission: article 90 of Protocol 1 // *Pennsylvania State International Law Review*. 2003. Vol. 22. № 2.
- Moore J. N.* Law and the Indo-China war. Princeton, 1972.
- Neshataeva T. N.* Mezhdunarodnye organizacii i pravo. Novye tendencii v mezhdunarodno-pravovom regulirovanii. 2-e izd. M., 1999.
- Orlova I. A.* Razreshenie sporov v mezhdunarodnom publichnom i chastnom prave (sravnitel'no-pravovoj analiz): dis. ... kand. yurid. nauk. SPb., 2007.
- Peters A.* International dispute settlement: a network of cooperational duties // *European Journal of International Law*. 2003. Vol. 14. № 1.
- Pushmin Eh. A.* Mirnoe razreshenie mezhdunarodnykh sporov (mezhdunarodno-pravovye voprosy). M., 1974.
- Pushmin Eh. A.* Soglasitel'naya procedura – sredstvo razresheniya mezhdunarodnykh sporov. Kaliningrad, 1973.
- Pustogarov V. V. F. F.* Martens: yurist, diplomat, publicist // *Sov. zhurn. mezhdunar. prava*. 1991. № 3–4.
- Saprykin F. I.* Mezhdunarodno-pravovye problemy ispol'zovaniya vozdushnogo prostranstva gosudarstv-uchastnikov SNG // *Moskov. zhurn. mezhdunar. prava*. 1993. № 4.
- Solncev A. M.* Soglasitel'nye procedury uregulirovaniya mezhdunarodnykh ehkologicheskikh sporov // *Vopr. ehkonomiki i prava*. 2015. № 11.
- Tiunov O. I.* Mezhdunarodnoe gumanitarnoe pravo: ucheb. 2-e izd., pererab. M., 2012.
- Tolstyx V. L.* Kurs mezhdunarodnogo prava: ucheb. M., 2010.
- Wallace-Bruce N. L.* The settlement of international disputes: the contribution of Australia and New Zealand. Leiden, 1998.

ОТЗЫВ ДЕПУТАТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ КАК ЭЛЕМЕНТ СИСТЕМЫ НАРОДНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В РОССИИ

Гребенюк Вадим Вадимович

Аспирант кафедры конституционного и муниципального права Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина (Елец), e-mail: Intellect-V@yandex.ru

Статья посвящена исследованию конституционно-правового института отзыва депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ как представителей народа на федеральном уровне организации государственной власти в России. Раскрывается понятие отзыва, его содержание и ценностно-правовой смысл. Отзыв рассматривается, с одной стороны, как мера конституционно-правовой ответственности избранных представителей перед народом, а с другой – как важнейшая форма непосредственного народовластия и контроля за деятельностью депутатов высшего законодательного (представительного) органа государственной власти. Подробно анализируются упоминаемые в юридической литературе аргументы против введения института отзыва, а также правовые позиции судей Конституционного Суда РФ. Разъясняется сущность конституционно-правовой ответственности народных представителей, обосновывается необходимость существования ее институтов в демократическом правовом государстве, излагаются преимущества введения института отзыва депутатов Государственной Думы в конституционно-правовое поле.

Ключевые слова: отзыв, конституционно-правовая ответственность, непосредственное народовластие, Конституция РФ, депутат Государственной Думы Федерального Собрания РФ, народный представитель, мандат

THE RECALL OF A DEPUTY OF THE STATE DUMA AS A NECESSARY ELEMENT OF THE PEOPLE'S REPRESENTATION: PROBLEMS AND PROSPECTS OF CONSTITUTIONAL AND LEGAL REGULATION IN RUSSIA

Grebenyuk Vadim

Bunin Yelets State University (Yelets), e-mail: Intellect-V@yandex.ru

The article researches the constitutional and legal institution of the recall of deputies of the State Duma of the Russian Federation Federal Assembly as people's representatives at the federal level of state power in Russia. The concept of recall, its content and value-legal meaning are considered. The recall is treated as a measure of the constitutional and legal responsibility of people's representatives, on the one hand, and as an important form of direct people's power and control over the activities of deputies of the highest legislative (representative) body, on the other hand. The arguments against the introduction of the recall institute, to which some scientists refer, as well as legal positions of the judges of the Constitutional Court of the Russian Federation are analyzed in detail. The author explains what the essence of the constitutional and legal responsibility of people's representatives is, why its institutions are necessary in a democratic law state, and what the advantages of implementation of the recall of deputies of the State Duma in the current constitutional-legal field are.

Key words: recall, constitutional and legal responsibility, direct people's power, Constitution of the Russian Federation, deputy of the State Duma of the Russian Federation Federal Assembly, people's representative, mandate

В свете конституционного закрепления положений о том, что носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее народ, осуществляющий свою власть непосредственно и через органы государственной власти, а также о том, что граждане вправе участвовать в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей (пп. 1–2 ст. 3, п. 1 ст. 32 Конституции РФ), особую значимость приобретают научные исследования, посвященные формам народовластия, его гарантиям, вопросам осуществления надлежащего контроля за деятельностью народных представителей и их конституционно-правовой ответственности перед народом. Названные вопросы, находясь в системной взаимосвязи и взаимозависимости, имеют фундаментальный характер в теории и практике конституционного права; их научная разработка позволит акцентировать внимание на проблемах законодательного регулирования народовластия, присущих современной российской государственно-политической системе, и разработать действенные механизмы их решения.

Существование институтов конституционно-правовой ответственности выборных должностных лиц органов государственной власти перед народом, на наш взгляд, должно быть неотъемлемой характеристикой правового государства, основанного на народовластии. Содержание рассматриваемой ответственности многоаспектно и, по словам В. В. Серебрянникова, заключается в комплексе моральных, политических, правовых требований, определяющих ответственность должностных лиц за качество проводимой политики, принимаемые решения (предпринимаемые действия); системе стимулов к добросовестному поведению; государственном и общественном контроле; способности общества предупреждать и устранять произвол и беззаконие в действиях субъектов власти¹. Ответственность в государственном управлении – «институт, главным образом, стимулирующий»², а одна из ее важнейших задач – воспитание в человеке внутренних регуляторов поведения³. Как верно отметил В. В. Пылин, «правильно установленная законом ответственность, а также неотвратимые и адекватные меры по ее применению – непереносимое условие не только искоренения правонарушений, но и воспитания ответственности за свои действия и поступки»⁴.

Существование институтов конституционно-правовой ответственности народных представителей (депутатов Государственной Думы ФС РФ) перед народом (населением, обществом, гражданами) обусловлено самой сущностью народовластия и народного представительства. Народ является основным адресатом всех принимаемых депутатами законов (прежде всего в социально-экономической сфере): на уровне жизни рядовых граждан сказываются последствия претворяемой в жизнь государственной политики. Народные представители в государственных органах несут высочайшую ответственность (прежде всего перед народом) за надлежащее исполнение своих полномочий, должностных обязанностей, возложенных на них Конституцией РФ и федеральным законодательством.

Право отзыва своих представителей народом органично проистекает из самого существа демократического механизма формирования публичной власти. Народ, являясь по Конституции РФ единственным легитимным источником власти в стране, избирая своих представителей в органы государственной власти с помощью акта непосредственного волеизъявления, наделяет их полномочиями по осуществлению верховной власти

¹ Серебрянников В. В. Ответственность как принцип власти // Соц.-полит. журн. 1998. № 4. С. 64.

² Ответственность в системе местного управления: опыт комплексного социологического исследования / под. ред. Е. А. Агеевой. СПб., 1993. С. 27.

³ Краснов М. А. Ответственность в системе народного представительства (методологические подходы). М., 1995. С. 9.

⁴ Пылин В. В. Представительные органы местного самоуправления. М., 1998. С. 73.

от своего имени и в своих интересах, обязанностями представительства и отстаивания (защиты) законных интересов населения в законодательном (представительном) органе государственной власти и поэтому имеет безусловное, неотъемлемое право отозвать избранных народных представителей с занимаемой должности.

В связи с этим С. В. Масленникова справедливо выделяет в качестве неотъемлемой составляющей конституционного права граждан на народное представительство их правомочие влиять на деятельность народных представителей и контролировать ее¹. Влияние и контроль как выражение гражданами одобрения либо, напротив, неудовлетворения работой своих представителей «рождаются и вырастают из институтов прямой демократии... обладая своей собственной спецификой»². В свою очередь контроль за деятельностью выборных публичных должностных лиц невозможен без признания их ответственности и закрепления эффективного механизма ее реализации, а отсутствие ответственности, безнаказанность выборных должностных лиц приводят к искажению ценностно-правового смысла народного представительства.

В свете изложенного необходимо отметить, что Конституция РФ, несмотря на установление народовластия в качестве основы конституционного строя и главного принципа организации и осуществления государственной власти, а также провозглашение Российской Федерации правовым государством, не содержит норм, регламентирующих конституционно-правовую ответственность депутатов Госдумы ФС РФ перед народом. Не закреплены ее институты и в федеральных (в том числе конституционных) законах, прежде всего в Федеральном законе от 8 мая 1994 г. № 3-ФЗ (ред. от 29 июля 2017 г.) «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» (далее – ФЗ о статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Госдумы ФС РФ). В связи с этим Л. А. Нудненко отмечает, что гарантии народовластия, ответственности выборных должностных лиц «полностью отсутствуют на федеральном уровне. Народ может влиять на персональный состав, содержание деятельности Государственной Думы... один раз в год на выборах. Оставшиеся четыре года (сегодня – пять лет. – В. Г.) он безвластен»³.

Даже в том случае, когда представитель народа – депутат Госдумы ФС РФ – не исполняет свои полномочия либо исполняет их ненадлежащим образом (например, не поддерживает связь с избирателями, не ведет личный прием граждан, не проводит встречи с населением, не рассматривает жалобы и обращения граждан, систематически не участвует без уважительных причин в заседаниях представительного органа, работе комитетов, не выполняет положения своей предвыборной программы, голосует в силу непрофессионализма либо по недобросовестности за законы, которые ведут к снижению жизненного уровня граждан, их материального и (или) духовного благополучия, либо совершает действия, порочащие высокое звание представителя народа), граждане не имеют права инициировать вопрос об отзыве такого депутата.

Представляется очевидным, что такое положение вещей не соответствует сущности правового демократического государства, провозглашаемого Конституцией РФ. На наш взгляд, отсутствие действенных институтов народного контроля за деятельностью своих представителей в высшем законодательном (представительном) органе государственной власти и конституционно-правовой ответственности последних перед народом являет-

¹ Масленникова С. В. Право граждан на народное представительство в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 41.

² Акопов Л. В. Демократический контроль как государственно-правовой институт (история, теория, практика). Ростов н/Д, 1997. С. 103.

³ Нудненко Л. А. Конституционное право гражданина Российской Федерации на референдум и международные стандарты // Конституц. и муницип. право. 2005. № 1. С. 22.

ся фундаментальной проблемой современного российского конституционализма, приводящей к значительному деформированию доктринального смысла народовластия и народного представительства.

Думается, что законодательство должно обеспечивать право граждан на участие в управлении делами государства, в том числе посредством контроля за осуществлением избранными народными представителями своих полномочий, возможности применения к последним разумных и обоснованных мер ответственности в случае неисполнения (ненадлежащего исполнения) ими своих должностных обязанностей. По верному замечанию Н. В. Джагарян, «институты демократического контроля и ответственности выборных лиц... перед населением... должны быть реалистичными и действенными, раскрываться в полноценном правовом инструментарии, обеспечивающем необходимые и достаточные возможности для их практического применения в соответствующих правомерных целях»¹.

Одним из таких правовых инструментов является институт отзыва. По существу отзыв – это «досрочное лишение или прекращение полномочий того или иного выборного лица по решению (воле) тех (того), кто правомочен наделять указанное лицо этими полномочиями»².

Институт отзыва представляет собой, с одной стороны, значимую меру конституционно-правовой ответственности народных представителей перед гражданами, а с другой – важнейшую форму непосредственного осуществления народом присущей ему власти и контроля за деятельностью своих представителей в органах государственной власти. Одновременно отзыв является правовой гарантией обеспечения должного функционирования представительной демократии. Вместе с тем следует учитывать, что отзыв – это «наиболее радикальная форма конституционно-правовой ответственности депутатов законодательного (представительного) органа государственной власти»³, подлежащая применению, только когда исчерпаны иные рычаги воздействия на содержание деятельности народного представителя.

Еще в Декрете ВЦИК от 24 ноября 1917 г. «О праве отзыва делегатовъ» отмечалось, что выборное учреждение (собрание представителей) может считаться истинно демократическим и представляющим волю народа только в том случае, когда за избирателями признается, гарантируется и применяется право отзыва избранных ими депутатов. В Декрете указывалось, что лишь реальное осуществление права отзыва свидетельствует о действительном подчинении народу избранных им лиц и только при наличии этого основного принципиального положения можно говорить о существовании истинного демократизма.

Отзыв неразумно было бы рассматривать исключительно как меру наказания, что подчеркивается многими правоведами. Так, судья Конституционного Суда РФ Н. В. Витрук отмечает, что «отзыв депутата есть форма реализации конституционного права граждан на участие в управлении делами государства, в осуществлении государственной власти... Отзыв депутата служит одновременно и формой института прямой (непосредственной) демократии. Установление института отзыва депутата расширяет возможности граждан по формированию дееспособного, авторитетного состава представитель-

¹ Джагарян Н. В. Институт отзыва выборных лиц в системе демократического контроля и ответственности местного самоуправления: отдельные вопросы теории // Конституц. и муницип. право. 2013. № 6. С. 48.

² Петрова Н. А. Конституционно-правовой институт отзыва в Российской Федерации: моногр. / отв. ред. С. А. Авакьян. М., 2007. С. 6.

³ Федюнин С. С. Особенности нормативно-правового регулирования конституционной ответственности депутатов законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ и высших должностных лиц субъектов РФ // Конституц. и муницип. право. 2011. № 5. С. 45.

ных (законодательных) органов государственной власти, служит гарантией усиления позитивной юридической ответственности депутатов...»¹. По мнению В. А. Кряжкова, существование института отзыва, с одной стороны, «во многом идеологически влияет на поведение депутатов... стимулирует их инициативу, предупреждает пассивность, нежелательные действия», а с другой – способствует тому, что «избиратели непосредственно включаются в управление, приобретают знания, навыки государственной деятельности, что... позитивно сказывается на... росте политической культуры»².

Совершенно справедливо, когда избранного народом депутата, который не справляется со своими должностными обязанностями, не оправдывает оказанного ему общественного доверия, дискредитирует своим поведением высокое звание народного представителя, заменяют более достойной кандидатурой. Институт отзыва «побуждает депутата или чиновника работать более добросовестно... позволяет в большей мере учитывать волю большинства населения... предостеречь выборное лицо от следования узкоспециальным интересам... стимулирует интерес граждан к публичным делам в период между выборами»³. Существование института отзыва – это свидетельство прямого народовластия⁴, без которого оно никак «не может состояться»⁵.

В то же время в юридической среде имеются и противники введения института отзыва в конституционно-правовое поле России. Проанализируем их основные доводы.

1. Отзыв приводит к пересмотру результатов выборов.

Судьи КС РФ Т. Г. Морщакова, А. Л. Кононов и М. В. Баглай полагают, что законодатель должен «воздерживаться от введения институтов, которые могут... вести без достаточно четких оснований и формально выверенных процедур к фактическому пересмотру результатов выборов и аннулированию депутатского мандата. Именно такую отрицательную роль может играть институт отзыва депутата»⁶, отзыв, «по существу, означает фактический пересмотр результатов выборов»⁷, «в демократических государствах он мог бы только вести к нарушению стабильности результатов выборов...»⁸. В. Н. Руденко отмечает, что «само допущение отзыва противоречит идее выборов депутатов и иных должностных лиц. Отзыв не позволяет им нормально работать до следующих выборов»⁹. Аналогичной точки зрения придерживается В. С. Дякин: «Не должно быть отзыва депутатов... это будет приводить к постоянным попыткам пересмотреть результаты выборов»¹⁰.

¹ Особое мнение Судьи Конституционного Суда РФ Н. В. Витрука (постановление Конституционного Суда РФ от 24 декабря 1996 г. № 21-П по делу о проверке конституционности Закона Московской области от 28 апреля 1995 года «О порядке отзыва депутата Московской областной Думы» в связи с запросом Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации).

² Кряжков В. А. Конституционный институт отзыва депутата и его развитие в современный период // Конституционные основы государственного строительства: межвуз. сб. науч. тр. Свердловск, 1981. С. 115.

³ Ваганова Н. А. Институт отзыва выборных лиц местного самоуправления: дис. ... канд. юрид. наук. Пермь, 2004. С. 70.

⁴ Кабышев В. Т. Прямое народовластие в Советском государстве. Саратов, 1974. С. 94.

⁵ Лучин В. О., Мазуров А. В. Новый Закон о референдуме // Право и политика. 2004. № 8. С. 6.

⁶ Особое мнение Судьи Конституционного Суда РФ Т. Г. Морщаковой (постановление Конституционного Суда РФ от 24 декабря 1996 г. № 21-П).

⁷ Особое мнение Судьи Конституционного Суда РФ А. Л. Кононова (постановление Конституционного Суда РФ от 24 декабря 1996 г. № 21-П).

⁸ Особое мнение Судьи Конституционного Суда РФ М. В. Баглая (постановление Конституционного Суда РФ от 24 декабря 1996 г. № 21-П).

⁹ Руденко В. Н. Прямая демократия: модели правления, конституционно-правовые институты. Екатеринбург, 2003. С. 365.

¹⁰ Дякин В. С. И парламентская республика, и сильный президент // Конституц. вестн. Орган Конституционной комиссии РСФСР. 1991. № 5. С. 24.

КС РФ, рассматривая недопустимость вынесения на государственный референдум вопросов отзыва выборных должностных лиц органов государственной власти, также отметил, что «референдум как высшее непосредственное выражение власти народа... не может быть направлен на отрицание состоявшихся законных свободных выборов... поскольку фактически это приводило бы к пересмотру их итогов...» (абз. 4 п. 1 Постановления Конституционного Суда РФ от 10 июня 1998 г. № 17-П по делу о проверке конституционности положений пункта 6 статьи 4, подпункта «а» пункта 3 и пункта 4 статьи 13, пункта 3 статьи 19 и пункта 2 статьи 58 Федерального закона от 19 сентября 1997 года «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»).

В свете сказанного особенно важно, что действующим законодательством предусматриваются механизмы досрочного прекращения полномочий депутатов Госдумы ФС РФ. Так, в п. 1 ст. 109 Конституции РФ закрепляется правомочие Президента РФ произвести роспуск Госдумы ФС РФ (в случаях трехкратного отклонения Госдумой представленных им кандидатур председателя Правительства РФ, а также повторного выражения Госдумой недоверия Правительству РФ). Статья 4 ФЗ о статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Госдумы ФС РФ устанавливает, что полномочия депутата Госдумы ФС РФ прекращаются досрочно по инициативе фракции, в которой депутат состоит, или по инициативе комитета, членом которого он является, в случае неисполнения таким депутатом в течение 30 и более календарных дней своих должностных обязанностей; в случаях подачи письменного заявления депутата о сложении своих полномочий, выхода по личному заявлению из состава фракции, в которой он состоит, и др.

Таким образом, руководствуясь приведенной логикой противников института отзыва (прежде всего судей КС РФ), во всех указанных выше ситуациях (и множестве иных случаев, предусмотренных законодательством) досрочного прекращения полномочий депутатов также можно было бы говорить о якобы «пересмотре результатов выборов», «аннулировании депутатского мандата», «нарушении стабильности результатов выборов». Однако в правовых позициях КС РФ и особом мнении судей КС РФ внимание на этом не акцентируется, хотя названные ситуации по правовым последствиям идентичны: полномочия депутата Госдумы прекращаются досрочно в связи с применением предусмотренных в законодательстве специальных правовых механизмов.

Важно учитывать, что основная цель выборов в демократическом правовом государстве заключается в обеспечении участия граждан в осуществлении государственной власти «выделением из своей среды путем голосования представителей для выполнения в этих (государственных. – В. Г.) органах функций по осуществлению государственной власти в соответствии с волей и интересами граждан»¹, в избрании населением наиболее достойных из своего числа в целях представительства и защиты законных интересов населения в законодательном (представительном) органе публичной власти. Вместе с тем, если сегодня депутат Госдумы РФ окажется неспособным выполнять на должном уровне возложенные на него полномочия народного представителя, народ не вправе повлиять на него, инициировав процедуру отзыва такого депутата, а вынужден дожидаться следующих выборов, которые состоятся через несколько лет. Думается, что в таком случае полностью утрачивается основная цель и смысл выборов как высшей формы народовластия – сформировать работоспособный, добросовестный и ответственный состав законодательного (представительного) органа государственной власти.

На наш взгляд, право отзыва имплицитно вытекает из института выборов как механизма формирования представительных органов власти в демократическом правовом

¹ Государственное право Российской Федерации: курс лекций для юрид. институтов и факультетов / Ю. А. Дмитриев, Е. И. Козлова, О. Е. Кутафин, Н. А. Михалева; под ред. О. Е. Кутафина. М., 1993. Т. 1. С. 130.

государстве. Полагаем, что отзыв по своей сущности не просто не противоречит институту выборов, но и в полной мере ему соответствует, так как преследует тождественную цель. Отзыв не приводит к «пересмотру результатов выборов», а является полезной корректировкой тех моментов, которые в ходе осуществления процедуры выборов учесть объективно невозможно (а именно то, насколько эффективно избранное лицо будет справляться с возложенными на него обязанностями).

2. Граждане некомпетентны в вопросах отзыва, а также могут использовать его в качестве орудия политической борьбы.

Судья КС РФ Т. Г. Морщакова обращает внимание на то, что применение института отзыва «осуществляется не специальными юрисдикционными органами, уполномоченными на привлечение к юридической ответственности, а инициативными группами избирателей», «кандидаты, проигравшие выборы, смогли бы использовать отзыв, чтобы поставить вопрос о лишении полномочий своих политических противников»¹. Судья КС РФ М. В. Баглай полагает, что «возлагать оценку профессиональной депутатской деятельности или поведения депутата на избирателей – это значит открыть возможность для манипулирования ими и наказания невиновных»². Судья КС РФ А. Л. Кононов считает, что отзыв «может быть использован как оппозицией, так и отдельными лицами для дестабилизации работы представительного органа, устранения политических противников, в иных деструктивных целях»³. Наконец, В. Н. Руденко отмечает, что «при подготовке кампаний по отзыву... избиратели часто бывают сбиты с толку... Простые граждане редко вникают в общественные и государственные дела в промежутках между выборами. Поэтому они не могут разобраться, почему против какого-либо должностного лица... выдвигаются обвинения. Как правило, эти обвинения не доказываются... Электорат даже и не подозревает, по каким причинам в действительности выдвигается петиция об отзыве»⁴.

Вполне разумно акцентировать внимание на том, что отзыв может использоваться недобросовестными общественными силами в качестве орудия политической борьбы в целях дезорганизации и дестабилизации действующей публичной власти и отстранения от должности неугодных лиц. Однако принципиальный отказ от применения института отзыва ввиду этих опасений не имеет под собой убедительных оснований. Обозначенные проблемы решаются посредством, во-первых, обстоятельной законодательной проработки конкретно-правовых оснований отзыва и детальной регламентации его процедуры; во-вторых, создания гарантий от злоупотреблений рассматриваемым институтом; в-третьих, проведения государством необходимой праворазъяснительной работы, организации правового просвещения и должного информирования населения, развития его политической культуры. Мы полностью разделяем мнение А. С. Автономова, полагающего, что при хорошей правовой проработанности института отзыва, можно, «с одной стороны... обеспечить достаточно широкие возможности для проявления инициативы граждан и их организаций, а с другой – создать гарантии от превращения этого института в фактор, дестабилизирующий работу выборных органов публичной власти»⁵.

¹ Особое мнение Судьи Конституционного Суда РФ Т. Г. Морщаковой (постановление Конституционного Суда РФ от 24 декабря 1996 г. № 21-П).

² Особое мнение Судьи Конституционного Суда РФ М. В. Баглая (постановление Конституционного Суда РФ от 24 декабря 1996 г. № 21-П).

³ Особое мнение Судьи Конституционного Суда РФ А. Л. Кононова (постановление Конституционного Суда РФ от 24 декабря 1996 г. № 21-П).

⁴ Руденко В. Н. Указ. соч. С. 366–367.

⁵ Автономов А. С. Правовая онтология политики. К построению системы категорий. М., 1999. С. 306.

3. Отзыв имеет сложную процедуру.

Как полагает Судья КС РФ М. В. Баглай, «отзыв депутата – громоздкий и редко применяемый на практике институт...», при котором «становится абсолютно невозможным установить, кто же конкретно голосовал „за“ данного кандидата в депутаты, а, следовательно, имел бы моральное право претендовать на отзыв не оправдавшего доверия депутата»¹.

На наш взгляд, «громоздкость» процедуры отзыва во многом надуманна и не представляет собой серьезной проблемы. Если же согласиться с приведенной позицией об отсутствии морального права граждан отозвать депутата, за которого они не голосовали, то получается, что в ситуации, когда депутат совершает (принимает) непрофессиональные, некомпетентные действия (решения), объективно не справляется с возложенными на него обязанностями, граждане фактически теряют полномочия контроля за деятельностью народного представителя, т. е. оказываются не в состоянии инициировать процедуру его отзыва лишь по той причине, что на выборах они не голосовали вообще либо голосовали не за данного кандидата. Представляется, что подобное положение вещей противоречит сущности правового демократического государства. Факт отсутствия голоса за данного кандидата на прошедших выборах (в том числе ввиду таких обоснованных мотивов, как несогласие с политической позицией кандидата, положениями его предвыборной программы, подозрение в его непрофессионализме, недобросовестности и т. д.) никоим образом не должен ограничивать право граждан на осуществление последующего контроля за деятельностью избранного народного представителя и реализацию своего неотъемлемого конституционного права на участие в управлении делами государства.

4. Отзыв противоречит сущности демократического государства.

Как считает Судья КС РФ А. Л. Кононов, «институт отзыва депутата... противоречит основам конституционного строя Российской Федерации – сути демократического государства... и природе законодательного органа, представляющего общенародные интересы»².

Вопреки представленной точке зрения полагаем, что институт отзыва не только не противоречит основам конституционного строя РФ и сущности демократического государства, но и в полной мере им соответствует. Отзыв, повторим, представляет собой полноценное выражение народовластия – фундаментальной основы конституционного строя Российской Федерации как правового демократического государства. Что же касается общенародных интересов, то они формируются посредством соединения потребностей населения каждого отдельно взятого округа. Депутаты высшего законодательного (представительного) органа, каждый в отдельности представляя интересы населения того территориального округа, от которого были избраны, в совокупности (весь депутатский корпус) представляют весь российский народ на федеральном уровне.

5. Отзыв делает для граждан непривлекательной должность депутата.

В юридической литературе отмечается, что поскольку депутат имеет свои убеждения, которые зачастую не совпадают с интересами и потребностями избирателей, то, принимая собственное решение по тому или иному спорному вопросу, он рискует быть отозванным со своей должности³.

¹ Особое мнение Судьи Конституционного Суда РФ М. В. Баглая (постановление Конституционного Суда РФ от 24 декабря 1996 г. № 21-П).

² Особое мнение Судьи Конституционного Суда РФ А. Л. Кононова (постановление Конституционного Суда РФ от 24 декабря 1996 г. № 21-П).

³ Руденко В. Н. Указ. соч. С. 366.

Данный аргумент представляется наиболее несостоятельным из всех перечисленных. Само существо деятельности народного представителя на посту депутата высшего законодательного (представительного) органа государства заключается в том, чтобы в принимаемых решениях и законах максимально полно выражать волю, интересы и потребности населения. Именно для этой цели граждане избирают из своих рядов наиболее ответственных и добросовестных представителей, которые смогли бы надлежащим образом отстаивать народные интересы. Разумеется, у депутата может быть своя позиция по тому или иному вопросу, однако она не должна вступать в противоречие с интересами и потребностями народа. Что же касается риска быть уволенным (отозванным) со своего поста, то он есть абсолютно при любой работе и на любой должности. Таким образом, если руководствоваться подобной логикой, каждая должность априори является непривлекательной.

Человек, претендующий на звание «представитель народа», должен в полной мере осознавать всю степень ответственности, ложащуюся на его плечи. Кандидат на должность народного представителя в высшем законодательном (представительном) органе государственной власти должен стремиться туда исключительно из добросовестных побуждений работать на благо народа и государственного развития, но никак не по причине привлекательности (выгодности) такой работы, поскольку во главу угла здесь ставятся исключительно публичные (государственные и общественные) интересы.

6. Отзыв слишком затратен для бюджета страны.

Исследователи отмечают, что мероприятия по отзыву выборного должностного лица дорогостоящи, расходы необоснованны и, кроме того, в случае принятия решения об отзыве депутата должны быть назначены новые выборы, которые опять-таки повлекут за собой дополнительные расходы¹.

На наш взгляд, рассматриваемый аргумент выглядит вполне справедливым лишь применительно к отзыву депутатов, избранных по пропорциональной избирательной системе – по единому федеральному избирательному округу (федеральному списку). В соответствии с требованиями ст. 3 Федерального закона от 22 февраля 2014 г. № 20-ФЗ (ред. от 18 июня 2017 г.) «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» таким образом избирается ровно половина депутатов от всего состава Госдумы ФС РФ – 225 из 450. Суть проблемы заключается в том, что поскольку избрание депутата осуществлялось населением всей страны, а не отдельно взятого избирательного округа, то и отзыв такого депутата также должен производиться на территории всего государства, что теоретически непременно повлечет за собой значительные финансовые расходы на проведение мероприятий по отзыву и последующие выборы.

Против приведенной позиции можно выдвинуть ряд аргументов.

Во-первых, важно понимать, что доводы противников института отзыва, касающиеся излишней дороговизны проводимых мероприятий, не имеют отношения к правовой сущности отзыва как формы народовластия и меры конституционно-правовой ответственности избранных представителей перед народом. Мы убеждены, что функционирование институтов подлинного народовластия и обеспечение возможности участия граждан в управлении делами государства не должны ставиться в исключительную зависимость от финансовой стороны вопроса. В противном случае граждане лишаются значимого правового инструмента воздействия на персональный состав Госдумы ФС РФ и содержание деятельности народных представителей лишь по той причине, что данные мероприятия могут (!) повлечь за собой большие расходы для бюджета.

¹ Руденко В. Н. Указ. соч. С. 367–368.

Кроме того, напомним, что отзыв направлен на исключение из персонального состава законодательного (представительного) органа государственной власти недобросовестных, некомпетентных, непрофессиональных лиц. Оставление на столь ответственной должности человека, объективно не справляющегося со своими обязанностями, может повлечь за собой причинение серьезного ущерба развитию государства (интересам народа). Поэтому полагаем, что расходы на отзыв по сравнению со стратегическими государственными интересами объективно отходят на второй план.

Во-вторых, необходимости в так называемом повседневном применении отзыва может не возникнуть. Для этого разумно предусмотреть многоступенчатую конструкцию отзыва, в которой непосредственно сам отзыв будет применяться лишь в качестве крайней меры ответственности народного представителя, а предшествующие ему менее радикальные меры ответственности (объявление депутату общественного порицания и последующее выражение недоверия) будут призваны оказать необходимое побудительное воздействие на депутата, вследствие чего он начнет добросовестнее исполнять свои обязанности и вопрос о его возможном отзыве отпадет.

В-третьих, важно понимать, что краеугольный вопрос рассматриваемой проблемы состоит в том, каким именно будет механизм реализации института отзыва. Ключевое решение, предлагаемое нами¹, заключается в следующем. Многоступенчатая конструкция отзыва может быть реализована на едином портале государственных и муниципальных услуг в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» посредством размещения инициативы по поводу объявления депутату общественного порицания, выражения недоверия и наконец отзыва. Такая инициатива в течение установленного периода должна будет собрать требуемое законом количество электронных подписей граждан «за» либо «против» применения к депутату той или иной меры ответственности. По результатам голосования принимается соответствующее решение. Реализация предлагаемой модели с учетом ее должной организационно-правовой проработанности снимает проблему бюрократических и каких-либо иных финансовых расходов на мероприятия по отзыву.

В-четвертых, полагаем, что введение института отзыва в российское правовое поле должно сопровождаться реформированием избирательной системы. Разумным выглядит предложение В. Е. Чиркина о категорическом отказе от существующей системы общегосударственных (федеральных) партийных списков и переходе к полноценной системе территориальных избирательных округов – преференциальной пропорциональной системе². Отказ от использования единого общегосударственного (федерального) избирательного округа и, как следствие, «закрепление» за каждым депутатом соответствующей территории (региона) страны будут максимально способствовать развитию института отзыва.

7. Конституция РФ не содержит положений о возможности отзыва депутатов Государственной Думы народом.

Названный тезис наиболее значим по сравнению со всеми представленными выше. Судья КС РФ Т. Г. Морщакова полагает, что «...умолчание в Конституции об институте отзыва депутата должно быть интерпретировано как имеющее принципиальный характер», «принципиальное непровозглашение института отзыва депутата в действующей Конституции подтверждается ее историческим толкованием, поскольку предшествую-

¹ Авторская концепция отзыва заслуживает самостоятельного научного исследования и не может быть обстоятельно раскрыта в рамках настоящей статьи.

² См. подробнее: Чиркин В. Е. Оптимальная избирательная система для России (субъективные заметки) // Журн. рос. права. 2004. № 11. С. 11–15.

щее конституционно-правовое регулирование, напротив, текстуально закрепляло подотчетность депутатов перед избирателями и возможность их отзыва...»¹.

Подобная аргументация, на наш взгляд, неубедительна. Если следовать этой логике, то любой государственно-правовой институт, не нашедший нормативного закрепления в Конституции РФ, не может быть введен федеральным законом и вообще не может существовать в российском правовом поле, даже если того требуют прогрессивные потребности правовой и политической практики (т. е. получается, что для введения того или иного правового института, о котором отсутствует упоминание в Конституции РФ, необходимо принимать новую Конституцию). Мы не можем согласиться с такой точкой зрения. Более того, в отличие от конституций ряда развитых зарубежных государств (Италии, Франции, ФРГ и др.), Основной закон РФ не содержит прямого запрета на введение элементов императивного мандата народных представителей, одним из которых является отзыв.

Помимо этого, сам КС РФ сформулировал принципиально значимую для наших рассуждений правовую позицию, согласно которой «хотя Конституция Российской Федерации и не содержит положений, предусматривающих отзыв какого-либо должностного лица, ее нормы не препятствуют возможности введения федеральным законом института отзыва высшего должностного лица (руководителя высшего исполнительного органа государственной власти) субъекта Российской Федерации» (абз. 6 п. 9 Постановления Конституционного Суда РФ от 7 июня 2000 г. № 10-П по делу о проверке конституционности отдельных положений Конституции Республики Алтай и Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»), «...субъект Российской Федерации в отсутствие федерального закона об общих принципах организации системы органов государственной власти вправе учредить институт отзыва депутата представительного органа, рассматриваемый им в качестве одной из форм непосредственной демократии» (п. 4 Постановления Конституционного Суда РФ от 24 декабря 1996 г. № 21-П).

Основываясь на данной позиции КС РФ и руководствуясь методом аналогии права (аналогии закона), можно сделать вывод о том, что поскольку в Конституции РФ нет положений об отзыве депутатов Госдумы ФС РФ, а также отсутствует запрет на введение таких положений законом, то рассматриваемый конституционно-правовой институт может быть учрежден федеральным (в том числе конституционным) законом.

Мы убеждены, что введение института отзыва на федеральном уровне государственной власти в России позволит создать действенный механизм удаления от власти недобросовестных представителей народа, не оправдывающих возложенного на них общественного доверия, не способных надлежащим образом реализовывать предоставленные им полномочия в интересах народа, преследующих преимущественно узкоспециальные цели. Это непременно улучшит качественный состав депутатского корпуса и значительно повысит эффективность работы системы народного представительства, высшего законодательного (представительного) органа государства и, как следствие, всего государственного управленческого механизма России. Наряду с этим должным образом организованный институт отзыва позволит гражданам в случае несогласия с решениями народных представителей (принимаемыми ими законами) применять к ним действенный правовой и легитимный инструмент воздействия, а не выражать свое несогласие неправовыми, нецивилизованными методами. Наконец, как отмечалось ранее, введе-

¹ Особое мнение Судьи Конституционного Суда РФ Т. Г. Морщаковой (постановление Конституционного Суда РФ от 24 декабря 1996 г. № 21-П).

ние института отзыва в полной мере соответствует основам конституционного строя РФ о народовластии, являясь их логичным развитием и конкретизацией.

Однако Н. А. Петрова справедливо отмечает, что «при необходимости такого вида непосредственной демократии в современной России нет возможности в ее реализации... – нет должной правовой регламентации оснований и процедуры отзыва»¹. Солидарна с ней Н. Э. Лебедева: «На данный момент единственный путь, по которому стоит направить действия по введению института отзыва депутата – это... тщательная проработка с правовой точки зрения понятия и процедуры отзыва»².

Таким образом, при разработке концепции конституционно-правового института отзыва на федеральном уровне организации государственной власти в России в первую очередь необходимо учесть названные выше ключевые моменты. Рассматриваемый институт, безусловно, должен иметь четкие, системно выверенные правовые контуры, что будет максимально способствовать построению целостного и действенного механизма отзыва.

Список литературы

Автономов А. С. Правовая онтология политики. К построению системы категорий. М., 1999.

Акопов Л. В. Демократический контроль как государственно-правовой институт (история, теория, практика). Ростов н/Д, 1997.

Ваганова Н. А. Институт отзыва выборных лиц местного самоуправления: дис. ... канд. юрид. наук. Пермь, 2004.

Государственное право Российской Федерации: курс лекций для юрид. институтов и факультетов / Ю. А. Дмитриев, Е. И. Козлова, О. Е. Кутафин, Н. А. Михалева; под ред. О. Е. Кутафина. М., 1993. Т. 1.

Джагарян Н. В. Институт отзыва выборных лиц в системе демократического контроля и ответственности местного самоуправления: отдельные вопросы теории // Конституц. и муницип. право. 2013. № 6.

Дякин В. С. И парламентская республика, и сильный президент // Конституц. вестн. Орган Конституционной комиссии РСФСР. 1991. № 5.

Кабышев В. Т. Прямое народовластие в Советском государстве. Саратов, 1974.

Краснов М. А. Ответственность в системе народного представительства (методологические подходы). М., 1995.

Кряжков В. А. Конституционный институт отзыва депутата и его развитие в современный период // Конституционные основы государственного строительства: межвуз. сб. науч. тр. Свердловск, 1981.

Лебедева Н. Э. Правовой статус депутата законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2002.

Лучин В. О., Мазуров А. В. Новый Закон о референдуме // Право и политика. 2004. № 8.

Масленникова С. В. Право граждан на народное представительство в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001.

Нудненко Л. А. Конституционное право гражданина Российской Федерации на референдум и международные стандарты // Конституц. и муницип. право. 2005. № 1.

Ответственность в системе местного управления: опыт комплексного социологического исследования / под. ред. Е. А. Агеевой. СПб., 1993.

Петрова Н. А. Конституционно-правовой институт отзыва в Российской Федерации: моногр. / отв. ред. С. А. Авакьян. М., 2007.

Петрова Н. А. Конституционно-правовой институт отзыва в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.

Пылин В. В. Представительные органы местного самоуправления. М., 1998.

Руденко В. Н. Прямая демократия: модели правления, конституционно-правовые институты. Екатеринбург, 2003.

Серебрянников В. В. Ответственность как принцип власти // Соц.-полит. журн. 1998. № 4.

¹ Петрова Н. А. Конституционно-правовой институт отзыва в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 157.

² Лебедева Н. Э. Правовой статус депутата законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2002. С. 135.

Федюнин С. С. Особенности нормативно-правового регулирования конституционной ответственности депутатов законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ и высших должностных лиц субъектов РФ // Конституц. и муницип. право. 2011. № 5.

Чиркин В. Е. Оптимальная избирательная система для России (субъективные заметки) // Журн. рос. права. 2004. № 11.

References

Akopov L. V. Demokraticeskij kontrol' kak gosudarstvenno-pravovoj institut (istoriya, teoriya, praktika). Rostov n/D, 1997.

Avtonomov A. S. Pravovaya ontologiya politiki. K postroeniyu sistemy kategorij. M., 1999.

Chirkin V. E. Optimal'naya izbiratel'naya sistema dlya Rossii (sub'ektivnye zametki) // Zhurn. ros. prava. 2004. № 11.

Dyakin V. S. I parlamentskaya respublika, i sil'nyj prezident // Konstituc. vestn. Organ Konstitucionnoj komissii RSFSR. 1991. № 5.

Dzhagaryan N. V. Institut otzyva vybornyx lic v sisteme demokraticeskogo kontrolya i otvetstvennosti mestnogo samoupravleniya: otdel'nye voprosy teorii // Konstituc. i municip. pravo. 2013. № 6.

Fedyunin S. S. Osobennosti normativno-pravovogo regulirovaniya konstitucionnoj otvetstvennosti deputatov zakonodatel'nyx (predstavitel'nyx) organov gosudarstvennoj vlasti sub'ektov RF i vysshix dolzhnostnyx lic sub'ektov RF // Konstituc. i municip. pravo. 2011. № 5.

Gosudarstvennoe pravo Rossijskoj Federacii: kurs lekcij dlya yurid. institutov i fakul'tetov / Yu. A. Dmitriev, E. I. Kozlova, O. E. Kutafin, N. A. Mixaleva; pod red. O. E. Kutafina. M., 1993. T. 1.

Kabyshev V. T. Pryamoe narodovlastie v Sovetskom gosudarstve. Saratov, 1974.

Krasnov M. A. Otvetstvennost' v sisteme narodnogo predstavitel'stva (metodologicheskie podxody). M., 1995.

Kryazhkov V. A. Konstitucionnyj institut otzyva deputata i ego razvitie v sovremennyj period // Konstitucionnye osnovy gosudarstvennogo stroitel'stva: mezhvuz. sb. nauch. tr. Sverdlovsk, 1981.

Lebedeva N. Eh. Pravovoj status deputata zakonodatel'nogo (predstavitel'nogo) organa gosudarstvennoj vlasti sub'ekta Rossijskoj Federacii: dis. ... kand. yurid. nauk. SPb., 2002.

Luchin V. O., Mazurov A. V. Novyj Zakon o referendumе // Pravo i politika. 2004. № 8.

Maslennikova S. V. Pravo grazhdan na narodnoe predstavitel'stvo v Rossijskoj Federacii: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2001.

Nudnenko L. A. Konstitucionnoe pravo grazhdanina Rossijskoj Federacii na referendum i mezhdunarodnye standarty // Konstituc. i municip. pravo. 2005. № 1.

Otvetstvennost' v sisteme mestnogo upravleniya: opyt kompleksnogo sociologicheskogo issledovaniya / pod. red. E. A. Ageevoj. SPb., 1993.

Petrova N. A. Konstitucionno-pravovoj institut otzyva v Rossijskoj Federacii: monogr. / otv. red. S. A. Avak'yan. M., 2007.

Petrova N. A. Konstitucionno-pravovoj institut otzyva v Rossijskoj Federacii: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2006.

Pylin V. V. Predstavitel'nye organy mestnogo samoupravleniya. M., 1998.

Rudenko V. N. Pryamaya demokratiya: modeli pravleniya, konstitucionno-pravovye instituty. Ekaterinburg, 2003.

Serebryannikov V. V. Otvetstvennost' kak princip vlasti // Soc.-polit. zhurn. 1998. № 4.

Vaganova N. A. Institut otzyva vybornyx lic mestnogo samoupravleniya: dis. ... kand. yurid. nauk. Perm', 2004.

МОЖНО ЛИ ОТНОСИТЬ К МОШЕННИЧЕСКИМ ДЕЙСТВИЯ ПО ЗАВЛАДЕНИЮ ИМУЩЕСТВОМ С ПРИМЕНЕНИЕМ ГИПНОЗА?

Шабалин Леонид Игоревич

Аспирант кафедры уголовного права Уральского государственного юридического университета
(Екатеринбург), e-mail: b32@inbox.ru

Рассматривается вопрос квалификации действий по завладению имуществом с применением гипноза. Правоприменительная практика идет по пути квалификации действий по завладению имуществом, совершаемому путем применения к потерпевшему гипноза, как мошенничества. Несмотря на то что подавляющее большинство ученых относят гипноз к психическому насилию, вопрос квалификации действий по завладению имуществом путем гипнотического воздействия не получил однозначного разрешения в доктринальной литературе. Для решения задач квалификации этих противоправных действий предлагается определение понятия «гипнотическое воздействие». Делается вывод о том, что в соответствии с российским уголовным законодательством действия по завладению имуществом путем гипноза следует квалифицировать как кражу. Высказывается предложение по совершенствованию норм российского уголовного законодательства.

Ключевые слова: гипноз, гипнотическое воздействие, психическое насилие, хищение, кража, мошенничество

COULD THE CRIMINAL ACQUISITION OF PROPERTY BY USING HYPNOSIS BE QUALIFIED AS FRAUD?

Shabalin Leonid

Ural State Law University (Yekaterinburg), e-mail: b32@inbox.ru

The criminal acquisition of property by using hypnosis is examined. Actually this crime is qualified as fraud by a law-enforcer. Although the vast majority of scientists classify hypnosis as mental violence, the issue of qualification of the criminal acquisition of property by using hypnosis hasn't been unambiguously resolved in doctrine yet. The author gives a special definition of the concept of hypnotic influence in order to help address this issue. It is concluded that, in accordance with Russian criminal law, the criminal acquisition of property by using hypnosis should be qualified as theft. Certain amendments to the Criminal Code of Russia are proposed.

Key words: hypnosis, hypnotic influence, mental violent, stealing, theft, fraud

Еще Г. Гросс в конце XIX в. указывал на реальность применения гипноза с преступными целями, в частности для завладения имуществом¹. В начале XXI в. завладение имуществом, совершаемое с применением гипноза, стало весьма распространенным преступным посягательством, «механизм» совершения которого неоднократно описан в литературе.

Так, в работе В. Е. Христенко дается следующее описание этого преступления: виновный осуществляет психологическое воздействие на потерпевшего для незаметного кра-

¹ Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. Новое изд., перепеч. с изд. 1908 г. М., 2002. С. 216, 218, 221–223.

ковременного погружения его в состояние управляемого контакта (когда он перестает частично или полностью соображать и трезво контролировать свое поведение) и для извлечения корыстной выгоды; погружение в такое состояние достигается путем использования виновным состояния повышенного эмоционального напряжения потерпевшего и сосредоточения его внимания на процессе психологического контакта с виновным¹.

Ф. Б. Гребенкин так характеризует гипнотическое воздействие, предшествующее завладению имуществом: «Цыганки как хорошие психологи выбирают поддающихся их воздействию женщин, имеющих проблемы различного характера, стараются взять женщину за руку, чтобы якобы погадать, поглаживают правую руку, напрямую связанную с левым полушарием мозга, отвечающим за логику и интеллект, – усыпляют и отключают интеллект, водят пальцем по ладони левой руки, связанной с правым полушарием, отвечающим за эмоции, – передают свои эмоции и приказы, говорят скороговоркой, забалтывают, загружают все каналы восприятия: зрение, слух, обоняние, осязание, утверждают, что в их власти „порча на любовь, на детей, на их болезнь или смерть“»².

А. Ю. Федоров определяет это преступление как «манипулятивный вариант рефрейминга, имеющий цель за короткий промежуток времени (например, несколько минут) ввести человека в специфическое кратковременное измененное состояние, в котором он становится объектом подчинения, сам того не осознавая», погружается «в состояние управляемого контакта для извлечения корыстной выгоды», которое (состояние) «по его прошествии воспринимается человеком как наваждение»³.

М. И. Клеандров перечисляет этапы преступной деятельности при завладении имуществом путем гипнотического воздействия: выбор в толпе подходящего объекта (лица, подверженного внушению) и привлечение его внимания; введение потерпевшего в транс (измененное состояние сознания, при котором потерпевший перестает контролировать себя и становится восприимчив для внушения) путем методики нейролингвистического программирования; внушение; завладение имуществом потерпевшего⁴.

Н. А. Лопашенко описывает это преступление следующим образом: виновный предрекает, «например, в силу якобы открывшейся „порчи“ верную гибель потерпевшему и близким ему людям, если в его доме останется хотя бы одна золотая вещь», при этом «степень психологического воздействия... предсказателя на потерпевшего в некоторых случаях настолько велика, что тот действует практически под гипнозом, неосознанно и не помня впоследствии факта передачи своих денег или вещей», т. е. имеет место специфическое воздействие виновного на потерпевшего, при котором полностью подавляется его воля⁵.

¹ Христенко В. Е. Психология поведения жертвы: учеб. пособие. Ростов н/Д, 2004. С. 125–126, 360–361.

² Гребенкин Ф. Б. Уголовно-правовое значение психического насилия в преступлениях против собственности / отв. ред. С. М. Кочои. Киров, 2005. С. 64.

³ Федоров А. Ю. Криминальное манипулирование в сфере экономической деятельности: криминологическая характеристика и предупреждение: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2006. С. 113.

⁴ Клеандров М. И. Статус судьи: правовой и смежные компоненты / под ред. М. М. Славина. М., 2008. Эта работа, кроме того, интересна тем, что в ней содержится немало ссылок на источники в СМИ, освещающие случаи применения гипноза и других психотехник для завладения имуществом.

⁵ Лопашенко Н. А. Виды мошеннического обмана (подп. 2.4.2 п. 2.4 § 2 гл. 3) // Лопашенко Н. А. Посягательства на собственность: моногр. М., 2012. Другие описания «механизма» этого преступления см., например: Аськов Н. Н. Проблемы привлечения к уголовной ответственности лиц, практикующих криминальный гипноз // Проблемы теории и юридической практики в России: материалы 3-й Междунар. науч.-практ. конф. молодых ученых, специалистов и студентов. 2–3 марта 2006 г. / отв. ред. А. Е. Пилецкий. Самара, 2006. С. 14–15; Клейменов М. П., Федоров А. Ю. Криминальное манипулирование в сфере экономической деятельности: криминологическая характеристика и предупреждение: моногр. Омск, 2008. С. 99; Карпова Н. А. Хищение чужого имущества: вопросы квалификации и проблемы дифференциации уголовной ответственности / под ред. Н. Г. Кадникова. М., 2011.

Правоприменительная практика идет по пути квалификации действий по завладению имуществом, совершаемому путем применения к потерпевшему гипноза, как мошенничества¹. Так, суд квалифицировал по ст. 159 УК РФ противоправные действия по завладению имуществом граждан, когда виновными использовались «специальные средства и методы негативного информационно-психологического воздействия на граждан», включавшие «в себя приемы прямого и косвенного внушения, групповую индукцию, технику рассеянного гипноза, нейролингвистического программирования, поведенческой психотерапии» (кассационное определение Верховного Суда РФ от 6 сентября 2002 г. № 46-о02-73); «целенаправленное психологическое воздействие на граждан путем применения таких методов, как манипулирование, нейролингвистическое программирование, эриксоновский гипноз, позитивная психотерапия (когда любое событие воспринимается как позитивное), музыкальная терапия, психодрама и т. д.»; «приемы, позволяющие привести человека в определенное психофизическое состояние, которое делало успешным осуществление внушения и психологического давления: транс, раппорт, фрейм-реакция»; музыка как средство «насильственного воздействия на сознание и подсознание», «способствовала возникновению эмоционального возбуждения», «состояния повышенного внимания и повышенного внушения» (кассационное определение Верховного Суда РФ от 27 октября 2005 г. по делу № 47-005-67²).

Несмотря на то что подавляющее большинство ученых относят гипноз к психическому насилию³, вопрос квалификации действий по завладению имуществом путем гипнотического воздействия не получил однозначного разрешения. В доктринальной литературе предлагаются следующие варианты квалификации этих действий (расположены в хронологическом порядке – по времени опубликования работ):

кража (В. А. Владимиров), «поскольку потерпевшие не способны к нормальному волеизъявлению и в их „согласии“ на переход имущества или уступку имущественных прав отсутствует юридически значимая воля»⁴;

насильственный грабёж или разбой (В. В. Векленко). По его мнению, «действия, направленные на завладение имуществом» с применением «гипноза, психокодирования и др. подобных приемов (психологического воздействия на потерпевшего)», когда он вводится «в состояние искаженного восприятия обстановки» или в состояние парализации воли, могут «потенциально вызвать нарушения психики», поэтому «такое насилие следует признавать опасным для здоровья»⁵;

¹ Считается, что это обусловлено трудностями доказывания факта примененного гипнотического воздействия на потерпевшего и причинной связи между таким воздействием и завладением имуществом. Немаловажно и то, что гипнотическое внушение не просто отличить от различных видов обычного негипнотического воздействия (обман, просьба, требование, совет, уговор и др.).

² См. также: кассационное определение Верховного Суда РФ от 9 июля 2004 г. № 44-004-84; определение Верховного Суда РФ от 20 октября 2005 г. по делу № 56-005-61; кассационное определение Верховного Суда РФ от 21 мая 2007 г. по делу № 48-007-18.

³ В доктрине существуют два подхода к делению насилия на физическое и психическое. Согласно первому, наиболее распространенному подходу (критерий деления – предмет и способ насильственного воздействия) психическое насилие – это информационное (неэнергетическое) воздействие на психику человека, гипноз – психическое насилие. Согласно второму подходу (критерий деления – характер причиняемого насильственным воздействием последствия) физическое насилие – это причинение физического вреда человеку, психическое насилие – причинение психического вреда, гипноз – физическое насилие, поскольку он вводит потерпевшего в беспомощное состояние, рассматриваемое в качестве физического вреда. Подробнее см.: *Шарапов Р. Д.* Насилие в уголовном праве (понятие, квалификация, совершенствование механизма уголовно-правового предупреждения): дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2006. С. 192–193. При этом также следует учитывать, что в науке и на практике под психическим насилием, как правило, понимается угроза. Подробнее см.: *Лопашенко Н. А.* Виды мошеннического обмана (подп. 2.4.2 п. 2.4 § 2 гл. 3).

⁴ *Владимиров В. А.* Квалификация похищения личного имущества. М., 1974. С. 101.

⁵ *Векленко В. В.* Квалификация хищений чужого имущества: дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2001. С. 161–162.

мошенничество (Ф. Б. Гребенкин), несмотря на то что этот автор рассматривает гипноз как один из способов психического насилия¹;

насильственный грабеж (Н. А. Лопашенко в 2006 г.). При этом автор осознает, что такая квалификация не является безупречной, поскольку под насилием понимается обычно физическое и контактное воздействие на потерпевшего (нанесение ударов и т. п.) с причинением вреда его здоровью или жизни, а в ситуации завладения имуществом путем гипноза имеет место бесконтактное воздействие и отсутствует видимый (фиксируемый) вред здоровью или жизни потерпевшего²;

кража (Р. Д. Шарапов), а не мошенничество, потому что гипноз имеет сходство с обманом только в том, что оба эти способа преступления предполагают психическое воздействие на жертву. По мнению Р. Д. Шарапова, «применение насильственного гипноза в противоправных целях должно квалифицироваться по признаку насилия, если таковой имеется в диспозиции соответствующей статьи УК РФ, либо учитываться какотягчающее обстоятельство по п. „к“ ч. 1 ст. 63 УК РФ»³;

насильственный грабеж (П. Л. Сердюк⁴);

мошенничество (С. В. Векленко и С. А. Петров). В подтверждение данной точки зрения приводятся следующие аргументы: «При помощи гипноза потерпевшему внушается, что он должен передать имущество виновному, то есть искажается истина, так как в действительности он данное имущество передавать не обязан. При обычном обмане также искажается истина, но с помощью других средств (слов, жестов и т. д.). В обоих случаях результат один – это искажение истины»⁵;

мошенничество; насильственный грабеж или разбой, если в результате гипнотического воздействия потерпевшему был причинен вред здоровью в виде различных расстройств психики (Н. А. Карпова). Автор предлагает такую квалификацию, несмотря на то что считает мошенничество ненасильственной формой хищения, а гипноз – разновидностью психического насилия, предполагающей «умышленное неправомерное приведение человека в беспомощное состояние помимо его воли путем информационного воздействия на его психику»⁶;

деяние, наиболее приближенное к объективной стороне грабежа и разбоя (Л. В. Седых). Но, по мнению автора, для привлечения к уголовной ответственности лиц, совершающих хищения с применением гипноза, необходимо внесение изменений в ст. 161 и 162 УК РФ. Он указывает, что гипноз лишь в некоторых случаях может оказывать воздействие на физическое здоровье личности и влечь осложнения или провоцировать расстройства, соответствующие причинению вреда здоровью разной степени тяжести⁷;

кража; грабеж, если это деяние совершается открыто (Е. Н. Бархатова в 2012 г.⁸);

¹ Гребенкин Ф. Б. Гипноз как вид психического насилия в мошенничествах // Научные труды Вятского социально-экономического института: сб. науч. ст. Киров, 2004. Вып. 3. С. 20–28; *Его же*. Уголовно-правовое значение психического насилия в преступлениях против собственности: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 124; *Его же*. Уголовно-правовое значение психического насилия в преступлениях против собственности / отв. ред. С. М. Кочои. С. 63–69.

² Лопашенко Н. А. Преступления в сфере экономики: авторский комментарий к уголовному закону (раздел VIII УК РФ). М., 2006. С. 133–134.

³ Шарапов Р. Д. Указ. соч. С. 188–189, 193.

⁴ Сердюк П. Л. Мошенничество в сфере банковского кредитования: уголовно-правовое и криминологическое исследование / под ред. С. П. Щербы. М., 2009. С. 58.

⁵ Векленко С. В., Петров С. А. Внушение при гипнозе как средство мошеннического обмана // Вестн. Воронеж. ин-та МВД России. 2011. № 1. С. 11–12.

⁶ Карпова Н. А. Указ. соч.

⁷ Седых Л. В. Гипноз в преступлениях против собственности // Актуальные проблемы современного уголовного права и криминологии: сб. науч. тр. / отв. ред. А. Г. Кибальник, Ю. В. Сапронов. Ставрополь, 2011. С. 161–163.

⁸ Бархатова Е. Н. Гипноз как способ совершения преступления // Рос. следователь. 2012. № 10. С. 22–24.

кража или разбой в зависимости от интенсивности гипнотического воздействия (Н. А. Лопашенко в 2012 г.). По ее мнению, «содеянное имеет мало общего с обманом» благодаря специфическому воздействию, подавляющему сознание и волю потерпевшего: «Потерпевший „себя не осознает“ и никаких осознанных действий в принципе не производит»; гипноз – это «насилие гипнотическое, лишаящее потерпевшего способности управлять своими действиями или реально осознавать происходящее с ним», «опасное насилие, чреватое негативными последствиями для психики человека, возможностью совершения загипнотизированным практически любых действий, в том числе преступных»¹;

разбой; насильственное вымогательство в случае завладения правом на имущество; мошенничество в случае, если потерпевший дал согласие на применение к нему гипноза, но был обманут относительно цели гипнотизирования (Е.В. Бархатова в 2013 г.). Автор полагает, что гипноз следует признавать психическим насилием, опасным для жизни или здоровья, «поскольку он может повлечь тяжкие последствия вплоть до психического расстройства или самоубийства»². Позиция, согласно которой применение гипноза с целью завладения имуществом квалифицируется как вымогательство, критикуется в литературе. Так, С. В. Векленко и С. А. Петров обосновывают критику этой позиции утверждением о различии между угрозой и гипнозом: «Подавление воли потерпевшего при вымогательстве основывается на страхе, при применении гипноза страха стараются избежать, так как страх мешает расслаблению, соответственно, мешает погрузить гипнотизируемого в транс»³;

кража (В. Ф. Щепельков). По его мнению, «в любом случае, когда применяется насилие, не опасное для жизни и здоровья, для обеспечения тайности хищения, чтобы отвлечь внимание потерпевшего и других лиц, имеет место именно кража», а если «насилие является опасным для жизни или здоровья, то имеет место разбой»⁴;

грабеж, если насилие при применении гипноза не было опасным для жизни или здоровья потерпевшего; разбой, если это насилие было опасным для жизни или здоровья потерпевшего (Л. Н. Клоченко⁵);

разбой; насильственный грабеж, если воздействие на организм гипнозом не представляло опасности для жизни или здоровья; кража, если воздействие на организм гипнозом и изъятие чужого имущества носили тайный характер (Р. Е. Токарчук в 2015 г.⁶).

Кроме того, Р. Е. Токарчук в 2011 и 2014 гг. полагал, что случаи совершения хищения с приведением жертвы в беспомощное или бессознательное состояние с помощью гипноза в сферу уголовной ответственности не попадают. По его мнению, тайное хищение, совершаемое путем применения тайного или обманного насилия, не опасного для жизни или здоровья, не может квалифицироваться как кража или насильственный грабеж, потому что кража – это исключительно ненасильственное хищение, на что указывают санкции ст. 158 УК РФ, квалифицирующие признаки кражи и особое выделение насильственных форм хищения (насильственный грабеж и разбой), а грабеж – это открытое хищение⁷.

¹ Лопашенко Н. А. Виды мошеннического обмана (подп. 2.4.2 п. 2.4 § 2 гл. 3).

² Бархатова Е. Н. Особенности квалификации преступлений против собственности, совершаемых с применением гипноза к потерпевшему // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2013. № 3. С. 60–62.

³ Векленко С. В., Петров С. А. Указ. соч. С. 11–12.

⁴ Щепельков В. Ф. Хищение с применением насилия: всегда ли это разбой или грабеж? // Уголовное право. 2013. № 3. С. 48–52.

⁵ Клоченко Л. Н. Последствия психического насилия // Вестн. МГОУ. Сер.: Юриспруденция. 2014. № 3. С. 27.

⁶ Токарчук Р. Е. Тайное насильственное хищение в теории уголовного права и практике применения уголовного закона // Уголовное право. 2015. № 1. С. 96–99.

⁷ Токарчук Р. Е. Насильственные хищения: социальная природа норм и вопросы совершенствования уголовной ответственности: моногр. М., 2012. С. 19–20, 22–23, 165–167; *Его же*. Пробелы и излишества уголов-

В. В. Векленко и Е. Н. Бархатова также не смогли подвести совершение хищения с применением гипноза ни под один из имеющихся в УК РФ составов преступлений. «Признавая гипноз насильственным способом хищения, можно говорить о квалификации содеянного по статьям 161 или 162 УК РФ, но в данном случае возникает второй нюанс: грабеж и разбой характеризуются признаком открытости, гипноз же... блокирует сознание потерпевшего, тем самым делая тайным факт хищения (в случае если отсутствуют свидетели преступления). Фактически имеет место кража. Но ст. 158 УК РФ не предусматривает возможности совершения кражи с применением насилия»¹.

Как видно, некоторые авторы в процессе исследовательской деятельности уточнили или изменили свои позиции по обозначенному вопросу, что, наряду со множеством толчков зрения на него, свидетельствует о его сложности.

В литературе высказан ряд предложений по совершенствованию уголовного законодательства, позволяющих избавиться от обозначенной неопределенности.

Так, Ф. Б. Гребенкин предлагает дополнить ч. 2 ст. 159 УК РФ квалифицирующим признаком «с применением психического насилия»². Р. Д. Шарапов считает необходимым закрепить использование беспомощного состояния в качестве одного из способов экономических преступлений³.

По мнению Л. В. Седых, нужно дополнить п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ таким видом психического насилия, как гипноз, и сформулировать его следующим образом: «с применением гипноза или насилия, не опасного для жизни и здоровья, либо с угрозой применения такого насилия». Аналогичное дополнение он предлагает внести в ч. 1 ст. 162 УК РФ: «разбой, то есть нападение в целях хищения чужого имущества, совершенное с применением гипноза или насилия, опасного для жизни и здоровья, либо с угрозой применения такого насилия», а также определить понятие «гипноз» в примечании к ст. 161 УК РФ⁴.

Н. А. Лопашенко полагает, что в УК следует предусмотреть самостоятельный состав манипулирования (оказания специфического воздействия на человека, подавляющего его сознание и волю) «в связи с широким распространением нейролингвистического программирования и других методик зомбирования»⁵.

С точки зрения В. В. Векленко и Е. Н. Бархатовой, «введение в УК РФ новой статьи, предусматривающей ответственность за хищение, совершенное с применением к потерпевшему гипноза, не целесообразно, поскольку, во-первых, подобные деяния не столь распространены, во-вторых, не только хищения могут совершаться с применением гипноза». Поэтому они предлагают дополнить гл. 16 УК РФ отдельной статьей (общей нормой), предусматривающей ответственность за применение психического насилия к человеку, – ст. 119¹ УК РФ (при этом ст. 119 УК РФ «должна быть исключена из УК РФ; деяние, описанное в ее диспозиции, должно охватываться составом, предусмотренным новой статьей»)⁶.

Р. Е. Токарчук констатирует законодательный пробел в уголовно-правовом регулировании ответственности за тайное хищение, совершаемое путем насилия, неопасного для

ного законодательства РФ, касающиеся некоторых форм хищения. Пути их устранения // Рос. юрид. журн. 2014. № 3. С. 78–83.

¹ Векленко В. В., Бархатова Е. Н. Психическое насилие как средство совершения преступлений: проблемы квалификации // Современное право. 2013. № 7. С. 134–137.

² Гребенкин Ф. Б. Уголовно-правовое значение психического насилия в преступлениях против собственности / отв. ред. С. М. Кочои. С. 69.

³ Шарапов Р. Д. Указ. соч. С. 190.

⁴ Седых Л. В. Гипноз в преступлениях против собственности. С. 163.

⁵ Лопашенко Н. А. Виды мошеннического обмана (подп. 2.4.2 п. 2.4 § 2 гл. 3).

⁶ Векленко В. В., Бархатова Е. Н. Указ. соч. С. 136–137.

жизни или здоровья, в связи с чем предлагает закрепить в УК РФ общий (родовой) состав хищения, не зависящий от способа действия, и специальные (привилегированные и квалифицированные) составы хищений, выделенные только по одному основанию – «в зависимости от двух социально значимых способов действия: психического принуждения и физического принуждения» (при этом Р. Е. Токарчук пишет, что «обман как способ хищения нашим исследованием не учитывался и заслуживает самостоятельного рассмотрения»)¹.

Несмотря на известность гипноза с глубокой древности, многочисленные работы В. М. Бехтерева, Ш. Рише, Н. Бергейма, Ж. Шарко, Дж. Брейда, И. П. Павлова и др.², феномен гипноза до сих пор полностью не изучен и адекватно не объяснен (по крайней мере, специалистам удалось договориться о том, что гипнотическое воздействие – это воздействие на человека, вызывающее состояние, характеризующееся повышенной восприимчивостью к содержанию внушения и пониженной чувствительностью ко всем другим влияниям³). Изучение гипноза, его природы и механизма воздействия возможно только в рамках психиатрии, физиологии высшей нервной деятельности и гипнологии и только методами этих наук. Полагаем, что их первоначальное описание будет выполнено на языке указанных наук с использованием терминов, незнакомых юриспруденции. В то же время реальность применения гипноза для завладения имуществом обуславливает постановку вопроса об уголовно-правовой квалификации таких действий.

В доктрине уголовного права общепризнанное определение понятия гипнотического воздействия отсутствует, что в свою очередь влечет необходимость его разработки. Уголовно-правовое определение данного понятия вряд ли может рассматриваться как знание, соответствующее действительности, потому что действительность (гипноз, его природа и механизм воздействия) неизвестна, но такое определение можно расценивать как знание, обладающее свойствами непротиворечивости, полезности (эффективности для решения практических задач) и конвенциональности (соответствия другому знанию, о истинности которого достигнуто соглашение в рамках доктрины)⁴. То есть определение понятия «гипнотическое воздействие» должно быть непротиворечивым, полезным для решения задач уголовно-правовой квалификации и сконструированным с соблюдением всех логических правил⁵ и с использованием философских категорий «психика», «сознание» и «подсознательное»⁶, правовых понятий «насилие», «психическое насилие», «насилие, не опасное для жизни или здоровья», «насилие, опасное для жизни и здоровья», «состояние, в котором лицо не может понимать значения своих действий или руководить ими», «беспомощное состояние» и др. для удобства соотнесения понятия «гипнотического воздействия» с этими категориями и понятиями. Из требования соблюдения логических правил следует запрет на трактовку данного понятия через известные юриспруденции термины «гипнотический сон», «гипнотический транс», «из-

¹ Токарчук Р. Е. Пробелы и излишества уголовного законодательства РФ, касающиеся некоторых форм хищения. Пути их устранения. С. 78–83.

² Бамдас Б. С. Гипноз // Большая советская энциклопедия: в 30 т. / гл. ред. А. М. Прохоров. 3-е изд. М., 1971. Т. 6: Газлифт – Гоголево. С. 541.

³ Словарь современного русского литературного языка: в 20 т. / гл. ред. К. С. Горбачевич. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1992. Т. 3. С. 107. См. также: Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 2000. С. 204; Словарь практического психолога / сост. С. Ю. Головин. Минск; М., 2003. С. 103.

⁴ Тарасов Н. Н. Методологические проблемы юридической науки. Екатеринбург, 2001. С. 186–207.

⁵ О логических правилах построения понятий см., например: Кириллов В. И., Старченко А. А. Логика: учеб. для бакалавров / под ред. В. И. Кириллова. 6-е изд., перераб. и доп. М., 2015. С. 31–53.

⁶ О соотношении философских категорий «психика», «сознание» и «подсознательное» см., например: Маслова Е. Б. Сознание и бессознательное: сходство и различие // Вестн. Нижегород. ун-та им. Лобачевского. Сер.: Соц. науки. 2002. Вып. 1. С. 313–330.

мененное состояние сознания», «нейролингвистическое программирование», «рефрейминг», «суггестия» и др.

Для решения задач квалификации действий по завладению имуществом путем гипноза предлагается определять «гипнотическое воздействие» как *психическое насильственное воздействие виновного*, обладающего навыком для проведения такого воздействия, на потерпевшего, обладающего гипнобельностью (способностью поддаваться такому воздействию)¹, вводящее его (потерпевшего) в *особое психофизиологическое состояние*, в котором он не может понимать значения своих действий или руководить ими (например, утрачивает критическое отношение к действительности, подчиняется воле виновного)².

Вряд ли понятие «гипнотическое воздействие» соответствует понятию «насилие, опасное для жизни или здоровья» (ч. 1 ст. 162 УК РФ), а потому действия по завладению имуществом с применением гипнотического воздействия не могут квалифицироваться как разбой. При мошенничестве дееспособное лицо, чьи действия по распоряжению имуществом являются юридически значимыми, передает виновному имущество вместе с определенными юридическими полномочиями по владению, пользованию или распоряжению этим имуществом³, при этом потерпевший осознает, что передает виновному полномочия по владению, пользованию или распоряжению и такая передача влечет за собой утрату потерпевшим прав на имущество⁴. Действия потерпевшего по распоряжению имуществом, когда он находится в состоянии, в котором не может понимать значения своих действий или руководить ими, не являются юридически значимыми (в связи с этим потерпевшим не может быть передано и каких-либо юридических полномочий по владению, пользованию или распоряжению имуществом), потерпевшим не осознается передача виновному каких-либо полномочий и их утрата, а потому действия по завладению имуществом путем гипноза не могут квалифицироваться и как мошенничество.

Введение потерпевшего путем гипнотического воздействия в состояние, в котором он не может понимать значения своих действий или руководить ими, т. е. в состояние, когда он не сознает противоправность действий виновного, должно в соответствии с разъяснением, данным Пленумом Верховного Суда РФ в п. 4 Постановления от 27 декабря 2002 г. № 29 (в ред. от 3 марта 2015 г.) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», рассматриваться в качестве основания для квалификации содеянного как тайного хищения, т. е. имеет место *кража, совершенная с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья*. Однако действующая редакция нормы об ответственности за тайное хищение чужого имущества не содержит квалифицирующего признака «с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья», в связи с чем сегодня действия виновно-

¹ Возможно, формулировка «обладающего гипнобельностью (способностью поддаваться такому воздействию)» нуждается в уточнении из-за наличия в литературе мнения об отсутствии людей, не поддающихся гипнотическому воздействию. Так, Б. К. Ратников пишет: «В принципе нет людей, которые не поддаются гипнозу. Просто с кем-то справиться легче, с кем-то сложнее, необходимо потратить больше времени, и, как правило, человек не в силах противостоять этому самостоятельно» (Ратников Б. К. Чужая душа – уже не потемки // Фельдпочта. 2005. № 34. С. 9).

² Другие определения этого понятия см., например: Шарапов Р. Д. Указ. соч. С. 188, 191–192, 199; Чечель Г. И., Седых Л. В. Особенности квалификации преступления, совершенного загипнотизированным лицом // Уголовное право. 2009. № 3. С. 54; Векленко В. В., Бархатова Е. Н. Указ. соч. С. 134–137.

³ См., например: Незнамова З. А. Преступления против собственности (гл. 10) // Уголовное право. Особенная часть / Т. И. Ваулина, П. А. Волостнов, М. И. Ковалев и др.; отв. ред. И. Я. Козаченко, Г. П. Новоселов. 4-е изд., изм. и доп. М., 2008. С. 239–240.

⁴ См., например: Суслина Е. В. Ответственность за мошенничество по Уголовному кодексу Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2006. С. 94–95.

го по завладению имуществом с применением гипнотического воздействия (при отсутствии иных квалифицирующих признаков) приходится квалифицировать по ч. 1 ст. 158 УК РФ. Представляется, что такая квалификация не отвечает уровню общественной опасности этих преступных действий. Поэтому предлагаем дополнить норму об ответственности за кражу квалифицирующим признаком «с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья»; санкция за совершение этого преступления должна соответствовать (не может превышать) санкции, предусмотренной ч. 2 ст. 161 УК РФ.

Кроме того, считаем необходимым разработать юридическую конструкцию, на основании оценки которой правоприменитель сможет решать вопрос о наличии в действиях виновного именно хищения, осуществленного путем гипноза. Элементами такой юридической конструкции могут быть «гипнобельность потерпевшего», «характеристика состояния, в которое был введен потерпевший», «действия потерпевшего», «гипнотические навыки виновного», «действия виновного», «гипнотическое воздействие», «завладение имуществом», «причинная связь между гипнотическим воздействием и завладением имуществом» и иные обстоятельства уголовного дела.

Конечно, в правоприменительной практике возможны и сложные случаи, когда обычной оценки юридической конструкции может оказаться недостаточно. К таким случаям относятся, например, введение потерпевшему фармакологического препарата (наркотического средства или психотропного вещества), чем вызывается его впадение в особое психофизиологическое состояние, и одновременное применение к нему гипнотического воздействия. Они требуют отдельного рассмотрения за рамками настоящей работы¹.

Список литературы

Аськов Н. Н. Проблемы привлечения к уголовной ответственности лиц, практикующих криминальный гипноз // Проблемы теории и юридической практики в России: материалы 3-й Междунар. науч.-практ. конф. молодых ученых, специалистов и студентов. 2–3 марта 2006 г. / отв. ред. А. Е. Пилецкий. Самара, 2006.

Бамдас Б. С. Гипноз // Большая советская энциклопедия: в 30 т. / гл. ред. А. М. Прохоров. 3-е изд. М., 1971. Т. 6: Газлифт – Гоголево.

Бархатова Е. Н. Гипноз как способ совершения преступления // Рос. следователь. 2012. № 10.

Бархатова Е. Н. Особенности квалификации преступлений против собственности, совершаемых с применением гипноза к потерпевшему // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2013. № 3. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 2000.

Векленко В. В. Квалификация хищений чужого имущества: дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2001.

Векленко В. В., Бархатова Е. Н. Психическое насилие как средство совершения преступлений: проблемы квалификации // Современное право. 2013. № 7.

Векленко С. В., Петров С. А. Внушение при гипнозе как средство мошеннического обмана // Вестн. Воронеж. ин-та МВД России. 2011. № 1.

Владимиров В. А. Квалификация похищения личного имущества. М., 1974.

Гребенкин Ф. Б. Гипноз как вид психического насилия в мошенничествах // Научные труды Вятского социально-экономического института: сб. науч. ст. Киров, 2004. Вып. 3.

Гребенкин Ф. Б. Уголовно-правовое значение психического насилия в преступлениях против собственности / отв. ред. С. М. Кочои. Киров, 2005.

Гребенкин Ф. Б. Уголовно-правовое значение психического насилия в преступлениях против собственности: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004.

¹ Так, И. Ю. Ковалева задается вопросом: «Как определить черту, за которой использование техники нейролингвистического программирования переходит в рамки эриксоновского гипноза, задающего программы действий на уровне подсознания, избегая критическую оценку со стороны сознания», т. е. как определить черту между внушением, не носящим противоправного характера, и криминальным гипнозом? (Ковалева И. Ю. Предотвращение угрозы информационной безопасности населения в области рекламы // Вестн. УрФО. Безопасность в информационной сфере. 2013. № 4. С. 12–16).

Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. Новое изд., перепеч. с изд. 1908 г. М., 2002.

Карпова Н. А. Хищение чужого имущества: вопросы квалификации и проблемы дифференциации уголовной ответственности / под ред. Н. Г. Кадникова. М., 2011.

Кириллов В. И., Старченко А. А. Логика: учеб. для бакалавров / под ред. В. И. Кириллова. 6-е изд., перераб. и доп. М., 2015.

Клеандров М. И. Статус судьи: правовой и смежные компоненты / под ред. М. М. Славина. М., 2008.

Клейменов М. П., Федоров А. Ю. Криминальное манипулирование в сфере экономической деятельности: криминологическая характеристика и предупреждение: моногр. Омск, 2008.

Клоченко Л. Н. Последствия психического насилия // Вестн. МГОУ. Сер.: Юриспруденция. 2014. № 3.

Ковалева И. Ю. Предотвращение угрозы информационной безопасности населения в области рекламы // Вестн. УрФО. Безопасность в информационной сфере. 2013. № 4.

Лопашенко Н. А. Виды мошеннического обмана (подп. 2.4.2 п. 2.4 § 2 гл. 3) // Лопашенко Н. А. Посягательства на собственность: моногр. М., 2012.

Лопашенко Н. А. Преступления в сфере экономики: авторский комментарий к уголовному закону (раздел VIII УК РФ). М., 2006.

Маслова Е. Б. Сознание и бессознательное: сходство и различие // Вестн. Нижегород. ун-та им. Лобачевского. Сер.: Соц. науки. 2002. Вып. 1.

Незнамова З. А. Преступления против собственности (гл. 10) // Уголовное право. Особенная часть / Т. И. Ваулина, П. А. Волостнов, М. И. Ковалев и др.; отв. ред. И. Я. Козаченко, Г. П. Новоселов. 4-е изд., изм. и доп. М., 2008.

Ратников Б. К. Чужая душа – уже не потемки // Фельдпочта. 2005. № 34.

Седых Л. В. Гипноз в преступлениях против собственности // Актуальные проблемы современного уголовного права и криминологии: сб. науч. тр. / отв. ред. А. Г. Кибальник, Ю. В. Сапронов. Ставрополь, 2011.

Сердюк П. Л. Мошенничество в сфере банковского кредитования: уголовно-правовое и криминологическое исследование / под ред. С. П. Щербы. М., 2009.

Словарь практического психолога / сост. С. Ю. Головин. Минск; М., 2003.

Словарь современного русского литературного языка: в 20 т. / гл. ред. К. С. Горбачевич. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1992. Т. 3.

Суслина Е. В. Ответственность за мошенничество по Уголовному кодексу Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2006.

Тарасов Н. Н. Методологические проблемы юридической науки. Екатеринбург, 2001.

Токарчук Р. Е. Насильственные хищения: социальная природа норм и вопросы совершенствования уголовной ответственности: моногр. М., 2012.

Токарчук Р. Е. Пробелы и излишества уголовного законодательства РФ, касающиеся некоторых форм хищения. Пути их устранения // Рос. юрид. журн. 2014. № 3.

Токарчук Р. Е. Тайное насильственное хищение в теории уголовного права и практике применения уголовного закона // Уголовное право. 2015. № 1.

Федоров А. Ю. Криминальное манипулирование в сфере экономической деятельности: Криминологическая характеристика и предупреждение: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2006.

Христенко В. Е. Психология поведения жертвы: учеб. пособие. Ростов н/Д, 2004.

Чечель Г. И., Седых Л. В. Особенности квалификации преступления, совершенного загипнотизированным лицом // Уголовное право. 2009. № 3.

Шарапов Р. Д. Насилие в уголовном праве (понятие, квалификация, совершенствование механизма уголовно-правового предупреждения): дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2006.

Щепельков В. Ф. Хищение с применением насилия: всегда ли это разбой или грабеж? // Уголовное право. 2013. № 3.

References

As'kov N. N. Problemy privlecheniya k ugodovnoj otvetstvennosti lic, praktikuyushhix kriminal'nyj gipnoz // Problemy teorii i yuridicheskoy praktiki v Rossii: materialy 3-j Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. molodyx uchennyx, specialistov i studentov. 2–3 marta 2006 g. / отв. ред. А. Е. Пилекий. Samara, 2006.

Bamdas B. S. Gipnoz // Bol'shaya sovetskaya ehnciklopediya: v 30 t. / gl. red. А. М. Proxorov. 3-e izd. М., 1971. Т. 6: Gazlift – Gogolevo.

- Barxatova E. N.* Gipnoz kak sposob soversheniya prestupleniya // Ros. sledovatel'. 2012. № 10.
- Barxatova E. N.* Osobennosti kvalifikatsii prestuplenij protiv sobstvennosti, sovershaemyx s primeneniem gipnoza k poterpevsheму // Psixopedagogika v pravooxranitel'nyx organax. 2013. № 3.
- Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka* / sost. i gl. red. S. A. Kuznecov. SPb., 2000.
- Chechel' G. I., Sedyx L. V.* Osobennosti kvalifikatsii prestupleniya, sovershennogo zagipnotizirovannym licom // Uголовное право. 2009. № 3.
- Fedorov A. Yu.* Kriminal'noe manipulirovanie v sfere ehkonomicheskoy deyatel'nosti: Kriminologicheskaya xarakteristika i preduprezhdenie: dis. ... kand. yurid. nauk. Omsk, 2006.
- Grebenkin F. B.* Gipnoz kak vid psixicheskogo nasiliya v moshennichestvax // Nauchnye trudy Vyatskogo social'no-ehkonomicheskogo instituta: sb. nauch. st. Kirov, 2004. Vyp. 3.
- Grebenkin F. B.* Uголовно-pravovoe znachenie psixicheskogo nasiliya v prestupleniyax protiv sobstvennosti / otv. red. S. M. Kochoi. Kirov, 2005.
- Grebenkin F. B.* Uголовно-pravovoe znachenie psixicheskogo nasiliya v prestupleniyax protiv sobstvennosti: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2004.
- Gross G.* Rukovodstvo dlya sudebnyx sledovatelej kak sistema kriminalistiki. Novoe izd., perepech. s izd. 1908 g. M., 2002.
- Karpova N. A.* Xishhenie chuzhogo imushhestva: voprosy kvalifikatsii i problemy differenciacii uголовnoj otvetstvennosti / pod red. N. G. Kadnikova. M., 2011.
- Kirillov V. I., Starchenko A. A.* Logika: ucheb. dlya bakalavrov / pod red. V. I. Kirillova. 6-e izd., pererab. i dop. M., 2015.
- Kleandrov M. I.* Status sud'i: pravovoj i smezhnye komponenty / pod red. M. M. Slavina. M., 2008.
- Klejmenov M. P., Fedorov A. Yu.* Kriminal'noe manipulirovanie v sfere ehkonomicheskoy deyatel'nosti: kriminologicheskaya xarakteristika i preduprezhdenie: monogr. Omsk, 2008.
- Klochenko L. N.* Posledstviya psixicheskogo nasiliya // Vestn. MGOU. Ser.: Yurisprudenciya. 2014. № 3.
- Kovaleva I. Yu.* Predotvrashhenie ugrozy informacionnoj bezopasnosti naseleniya v oblasti reklamy // Vestn. UrFO. Bezopasnost' v informacionnoj sfere. 2013. № 4.
- Lopashenko N. A.* Prestupleniya v sfere ehkonomiki: avtorskij kommentarij k uголовnomu zakonu (razdel VIII UK RF). M., 2006.
- Lopashenko N. A.* Vidy moshennicheskogo obmana (podp. 2.4.2 p. 2.4 § 2 gl. 3) // Lopashenko N. A. Posyagatel'stva na sobstvennost': monogr. M., 2012.
- Maslova E. B.* Soznanie i bessoznatel'noe: sxodstvo i razlichie // Vestn. Nizhegorod. un-ta im. Lobachevskogo. Ser.: Soc. nauki. 2002. Vyp. 1.
- Neznamova Z. A.* Prestupleniya protiv sobstvennosti (gl. 10) // Uголовное право. Osobennaya chast' / T. I. Vaulina, P. A. Volostnov, M. I. Kovalev i dr.; otv. red. I. Ya. Kozachenko, G. P. Novoselov. 4-e izd., izm. i dop. M., 2008.
- Ratnikov B. K.* Chuzhaya dusha – uzhe ne potemki // Fel'dpochta. 2005. № 34.
- Sedyx L. V.* Gipnoz v prestupleniyax protiv sobstvennosti // Aktual'nye problemy sovremennogo uголовного prava i kriminologii: sb. nauch. tr. / otv. red. A. G. Kibal'nik, Yu. V. Sapronov. Stavropol', 2011.
- Serdyuk P. L.* Moshennichestvo v sfere bankovskogo kreditovaniya: uголовно-pravovoe i kriminologicheskoe issledovanie / pod red. S. P. Shherby. M., 2009.
- Sharapov R. D.* Nasilie v uголовnom prave (ponyatie, kvalifikaciya, sovershenstvovanie mexanizma uголовно-pravovogo preduprezhdeniya): dis. ... d-ra yurid. nauk. Ekaterinburg, 2006.
- Shhepel'kov V. F.* Xishhenie s primenenie nasiliya: vseгда li ehto razboj ili grabezh? // Uголовное право. 2013. № 3.
- Slovar' prakticheskogo psixologa* / sost. S. Yu. Golovin. Minsk; M., 2003.
- Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: v 20 t.* / gl. red. K. S. Gorbachevich. 2-e izd., pererab. i dop. M., 1992. T. 3.
- Suslina E. V.* Otvetstvennost' za moshennichestvo po Uголовnomu kodeksu Rossijskoj Federacii: dis. ... kand. yurid. nauk. Ekaterinburg, 2006.
- Tarasov N. N.* Metodologicheskie problemy yuridicheskoy nauki. Ekaterinburg, 2001.
- Tokarchuk R. E.* Nasil'stvennye xishheniya: social'naya priroda norm i voprosy sovershenstvovaniya uголовnoj otvetstvennosti: monogr. M., 2012.
- Tokarchuk R. E.* Probely i izlishstva uголовного zakonodatel'stva RF, kasayushiesya nekotoryx form xishheniya. Puti ix ustraneniya // Ros. yurid. zhurn. 2014. № 3.

Tokarchuk R. E. Tajnoe nasil'stvennoe xishhenie v teorii ugodnogo prava i praktike primeneniya ugodnogo zakona // Ugodnoe pravo. 2015. № 1.

Veklenko S. V., Petrov S. A. Vnushenie pri gipnoze kak sredstvo moshennicheskogo obmana // Vestn. Vornozh. in-ta MVD Rossii. 2011. № 1.

Veklenko V. V. Kvalifikaciya xishhenij chuzhogo imushhestva: dis. ... d-ra yurid. nauk. Omsk, 2001.

Veklenko V. V., Barxatova E. N. Psixicheskoe nasilie kak sredstvo soversheniya prestuplenij: problemy kvalifikacii // Sovremennoe pravo. 2013. № 7.

Vladimirov V. A. Kvalifikaciya poxishheniya lichnogo imushhestva. M., 1974.

Xristenko V. E. Psixologiya povedeniya zhertvy: ucheb. posobie. Rostov n/D, 2004.

ПРИЕМЫ ПРЕДЪЯВЛЕНИЯ И ПРОВЕРКИ ОБОСНОВАННОСТИ ОБВИНЕНИЯ В СОВЕРШЕНИИ МОШЕННИЧЕСТВА В СФЕРЕ КРЕДИТОВАНИЯ

Карепанов Григорий Николаевич

Соискатель кафедры криминалистики Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург), e-mail: karepanov_grigory@mail.ru

В статье рассматриваются особенности последующего этапа расследования мошенничества в сфере кредитования. Описывается решение задачи по предъявлению и проверке обоснованности обвинения в совершении данного преступления. Рекомендуется во время допроса оперировать конкретными видами предъявления доказательств в определенной последовательности и сочетаниях. Проверка обоснованности обвинения трактуется как деятельность, включающая в себя выдвижение и проработку следствием версий как о виновности, так и о невиновности обвиняемого, о возможном его участии в других эпизодах преступления.

Ключевые слова: мошенничество в сфере кредитования, предъявление обвинения, приемы допроса, следственная ситуация, версии

THE TECHNIQUES OF ACCUSING FOR THE COMMISSION OF CREDIT FRAUD AND OF TESTING THE VALIDITY OF SUCH ACCUSATION

Karepanov Grigoriy

Ural State Law University (Yekaterinburg), e-mail: karepanov_grigory@mail.ru

The article discusses the features of the later phase of investigation of credit frauds. It describes how to solve the task of accusing for the commission of credit fraud and testing the validity of such accusation. The author recommends to use specific types of evidence in a certain sequence and combinations during the interrogation. Testing the validity of accusation is treated as an activity that includes suggesting and refining the versions both about guilt or innocence of the accused, about his possible participation in other episodes of the crime.

Key words: credit fraud, accusation, interrogation techniques, investigative situation, version

Предъявление и проверка обоснованности обвинения сотрудникам банка в мошенничестве, связанном с предоставлением кредита, является первоочередной задачей последующего этапа расследования данного посягательства. Объединение предъявления и проверки обоснованности обвинения в одну сложную по структуре задачу, по нашему мнению, оправдано и демонстрирует возможности реализации принципа презумпции невиновности. Решение этой задачи предполагает выдвижение и проверку основной версии о виновности обвиняемого и контрверсии о его невиновности.

Выдвижение версий представляет собой квалификацию действий предполагаемого виновного. В результате обобщения изученных нами уголовных дел о мошенничестве в сфере кредитования было установлено, что более чем в 12 % случаев в квалификации действий обвиняемых были допущены ошибки.

По делам анализируемой категории обвинения нередко перепредъявляются. Первоначальное обвинение уточняется, конкретизируется, дополняется новыми фактами, эпи-

зодами и т. п. К моменту предъявления первоначального обвинения следствие должно не только располагать доказательствами виновности сотрудника банка, которого планируется привлечь в качестве обвиняемого, но и иметь полное представление о свойствах его личности и намерениях. Для этого рекомендуется мысленно реконструировать ход предыдущих допросов. Каждое из этих следственных действий предлагается разбивать на отдельные этапы.

Восстанавливать события необходимо уже с момента первого контакта с сотрудником банка, его появления и первых слов в кабинете следователя. Анализируя поведение подозреваемого в этот период, нужно попытаться определить, не проявлял ли он скованности, растерянности, которые могут выражаться в излишней суетливости при предъявлении повестки, личных документов, не была ли его речь замедленной, сбивчивой при представлении следователю и т. п.

В процессе реконструкции поведения обвиняемого может быть выявлено, что на начальной стадии предыдущих допросов он некоторое время вел себя сдержанно, а затем кардинально изменил стиль поведения: начал отвечать на вопросы более резко, отрицать даже бесспорно доказанные обстоятельства, не имеющие большого значения для общей оценки содеянного. При обнаружении такого перехода нужно дословно вспомнить предшествующие ему слова следователя. Возможно, следователь допустил некорректное высказывание, которое и вызвало подобную реакцию обвиняемого. При отсутствии признаков некорректности можно предположить, что таким образом допрашиваемый отреагировал на очередной вопрос, оценив его как опасный, касающийся обстоятельств, которые он хотел бы скрыть. Желательно проанализировать содержание установленных событий и фактов, с показаний о которых обвиняемый начал оказывать противодействие в ходе допроса, определить их значение для доказывания вины допрашиваемого и его соучастников.

Аналогично рекомендуется оценивать повышение активности допрашиваемого на других стадиях допроса.

Некоторые субъекты глубоко переживают случившееся, долго не могут избавиться от отрицательных эмоций. При допросе такого лица возможно применение приемов обращения к лучшим его качествам, демонстрации ему преимуществ сотрудничества со следствием, снятия напряженности путем указания на выход из сложившейся ситуации. В частности, поясняется возможность рассмотрения уголовного дела в порядке, предусмотренном разд. X УПК РФ, при согласии обвиняемого с предложенным ему обвинением или при заключении досудебного соглашения. Обвиняемому могут также предъявляться доказательства действительных обстоятельств расследуемого мошенничества с комментариями о том, что следствию и без помощи допрашиваемого стали известны обстоятельства и участники преступления. Обвиняемым, которые опасаются мести соучастников, лучше разъяснить, что следствие может обеспечить их безопасность при условии сотрудничества.

Некоторые субъекты противодействия расследованию, особенно из числа руководящих сотрудников банков, ведут себя агрессивно и бескомпромиссно даже при выявлении второстепенных обстоятельств или несмотря на неоспоримые аргументы следствия. Преодоление подобного противодействия обвиняемых в кредитных мошенничествах возможно путем предъявления доказательств, опровергающих их ложные доводы.

При планировании допроса обвиняемых нужно учитывать степень участия в оказываемом ими противодействии их защитников и соучастников. Рекомендуется при необходимости разобщать данных лиц, стимулировать возникновение сомнений у обвиняемого в целесообразности продолжения противодействия под влиянием адвоката или

соучастников. В этих целях можно приводить отрицательные примеры использования адвокатом аналогичных методов защиты, не способствовавших смягчению участи его подзащитного¹.

В научной литературе отмечалась возможность взаимодействия следователя и защитника «в достижении процессуального компромисса по признанию вины подзащитным...»². В частности, защитник может разъяснить обвиняемому доказанность обвинения, которое нельзя опровергнуть, а можно лишь смягчить, истинное значение предъявляемых доказательств и доказанности скрываемых обстоятельств, в оценке которых заблуждается подзащитный³.

Основными приемами допроса обвиняемого традиционно считаются предъявление отдельных и совокупности доказательств⁴. При этом предпочтение отдается приемам предъявления нескольких доказательств, что, по словам исследователей, повышает вероятность получения правдивых показаний⁵. С этим утверждением трудно согласиться безоговорочно. Полагаем, что успех в преодолении противодействия зависит от качества самих доказательств, а также восприятия их значения обвиняемым. Более верно говорить о раздельном предъявлении доказательств⁶, поскольку для некоторых обвиняемых, в том числе в кредитных мошенничествах, значение может (могут) иметь лишь одно или несколько из собранных по делу доказательств.

Данные о значении тех или иных доказательств могут быть получены в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий, в частности оперативного внедрения⁷. Иногда подобные сведения следствию удастся получить в процессе проведения допросов свидетелей, контроля телефонных и иных переговоров.

Доказательства могут предъявляться раздельно и тем обвиняемым из числа сотрудников банка, которые неоднократно меняют содержание ложных показаний, категорически отрицая свою вину. К подобному поведению на допросе склонны сотрудники банка из числа руководителей среднего звена и рядовые исполнители, надеющиеся, что следствию не удастся установить действительные обстоятельства расследуемого кредитного мошенничества. Таким обвиняемым доказательства предъявляются без видимой логической связи.

Наиболее эффективным приемом оперирования доказательствами в ходе допроса считается предъявление их с нарастающей силой – от менее значимых к обладающим большей доказательственной силой или оцениваемым таким образом допрашиваемым. При определении последовательности предъявления доказательств и продолжительности разъяснения их значения учитываются направленность оказываемого противодействия, проявляемая при этом настойчивость, уверенность или сомнения обвиняемого в продуктивности, безупречности или ущербности занимаемой позиции, интеллектуальные и волевые свойства его личности.

Обвиняемым, которые отрицают свою причастность к мошенническим действиям в сфере кредитования, первоначально могут быть предъявлены доказательства их подготовки к мошенничеству: ознакомления с архивными кредитными делами или отклоненными заявками на предоставление кредита, обращения к электронным базам дан-

¹ Карагодин В. Н. Основы методики расследования умышленных убийств. Екатеринбург, 2010. С. 188.

² Полстовалов О. В. Современные проблемы криминалистической тактики. М., 2009. С. 330.

³ Там же. С. 330–331.

⁴ Порубов Н. И. Научные основы допроса на предварительном следствии. Минск, 1972. С. 132–135.

⁵ Соловьев А. Б. Проблемы эффективности следственных действий: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1984. С. 227.

⁶ Драпкина Л. Я., Долинин В. Н. Тактика следственных действий: учеб.-метод. пособие. 3-е изд., доп. Екатеринбург, 2015. С. 60.

⁷ Там же. С. 60–61.

ных, изготовления разных вариантов документов от вымышленных или реально существующих лиц (заявки, копии паспортов, справки о заработной плате и т. п.). Далее могут предъявляться доказательства непосредственного выполнения обвиняемым операций по предоставлению и выплате кредита: протоколы выемки, обыска, в ходе которых были изъяты соответствующие документы кредитного досье; электронные носители информации; протоколы осмотра подложных документов; заключения судебных экспертиз о том, что обвиняемый является исполнителем текстов и (или) подписи (подписей) на указанных материалах, что для изготовления подложных документов использовались технические средства, находящиеся в ведении обвиняемого, что его компьютерная техника применялась для выполнения онлайн-операций по предоставлению кредита и т. п.

Наиболее сильными в подобных ситуациях являются доказательства выполнения обвиняемым действий по изъятию денежных средств: получение им банковской карты, проведение безналичных транзакций на банковские счета и, наконец, получение наличных денежных средств. К таким доказательствам могут быть отнесены протоколы следственных действий, в ходе которых изъяты документы на получение банковских карт или (и) безналичный перевод денежных средств; заключение почерковедческой экспертизы о том, что обвиняемый является исполнителем текстов и подписей в названных документах; заключение компьютерно-технической экспертизы о наличии в памяти персонального компьютера обвиняемого данных о формировании подложных документов, выполнении онлайн-операций по переводу денежных средств.

Проверка показаний, изобличающих соучастника в совершении мошеннических действий, должна начинаться с их предельной детализации и конкретизации уже в ходе получения. Затем необходимо проводить оперативно-розыскные и следственные действия для установления достоверности таких показаний. В частности, у заемщика выясняется, где и при каких обстоятельствах ему впервые предложили получить кредит; было ли это во время общения с помощью средств связи, личной встречи; где и по какому поводу была организована встреча, кто был ее инициатором, какие события происходили на месте встречи, какие люди там находились, какие действия выполняли допрашиваемый и обвиняемый сотрудник банка.

В целях проверки таких показаний истребуются сведения о соединениях между абонентами или абонентским устройствами, о передвижениях аппаратов мобильной связи указанных лиц во время предполагаемой встречи. Кроме того, рекомендуется истребовать данные кассовых аппаратов о наличии чеков, отбитых на называемую заемщиком сумму и в указанное им время.

Если встреча происходила в малознакомом или незнакомом заемщику месте, обстановка в котором не подвергалась коренным изменениям, целесообразно проведение его осмотра. В ситуациях, когда одна или несколько встреч состоялись в служебном кабинете сотрудника банка, подробно выясняется не только расположение мебели, оргтехники, но и то, какие бумаги находились на столе, в рабочих плоскостях копировальной техники, и другие детали. Полученные показания проверяются в ходе осмотра места встречи.

Особенно подробно устанавливаются обстоятельства и условия передачи заемщику денег из суммы кредита. Полезно также задавать вопросы о том, как определялась доля допрашиваемого, как и куда он ее потратил, рассказывал ли своим знакомым и близким о происхождении полученных денег, если нет, то как объяснял произведенные траты.

Следует отметить, что к моменту предъявления обвинения большая часть субъектов кредитного мошенничества бывает установлена. Это преимущественно знакомые сотрудников банков, что значительно облегчает их выявление. В подобных ситуациях обвиняемым сотрудникам банков сначала также могут предъявляться доказательства их

знакомства и сговора с внешними субъектами, затем – доказательства умышленного продвижения заявки на кредит, несмотря на ее необоснованность, наличие явных признаков подлога представленных документов и неплатежеспособности заемщика. После этого предъявляются доказательства получения допрашиваемым лицом части похищенного кредита.

В то же время первичные документы, отражающие операции по предоставлению и выплате кредита, желательно представлять в копии, демонстрируя допрашиваемому свою осведомленность о значении содержащихся в них данных, свой профессионализм, а также оказывая психологическое воздействие на допрашиваемого.

Уместно напомнить, что субъекты сокрытия нередко испытывают страх не столько перед наказанием за содеянное, сколько перед наступлением связанных с этим иных последствий¹: потеря работы, семьи, близких людей, источника существования и т. п. Таким обвиняемым нужно попытаться разъяснить, что результаты продолжения противодействия будут еще более неприятными.

Проявляя настойчивость в изобличении обвиняемых, следователь, тем не менее, обязан оценивать их показания в рамках проверки версий о их невиновности. Кроме того, «обнаруживая лицемерие и заинтересованность следователя лишь в определенном обороте дела, подследственный утрачивает веру в то, что он проповедует и чему он поучает»².

Любые показания обвиняемого должны быть проверены. Его признательные показания об обстоятельствах и участниках совершения инкриминируемого ему кредитного мошенничества сравниваются с доказанными элементами события этого посягательства и установленным содержанием действий, выполнявшихся конкретными субъектами. Правдивые показания, как известно, отличаются наличием в них достаточного количества деталей преступного события. В ложных показаниях отсутствует упоминание деталей, о которых обязательно должен знать субъект преступления³.

Сотрудник банка, уличенный в вовлечении в кредитное мошенничество внешнего субъекта (субъектов) и признающий свою вину, должен прежде всего объяснить, почему он выбрал именно этого заемщика, какие между ними существовали отношения, допускались ли им ранее нарушения служебных обязанностей в пользу этого или других лиц. Не менее тщательно должны выявляться подробности обстановки сговора с будущим заемщиком, содержания первой беседы, в ходе которой ему было предложено совершить мошенничество, договоренности об условиях раздела кредита, предполагаемых долях похищенного. Далее детализируются показания обвиняемого об обстоятельствах оформления кредита. Тщательнейшей детализации подлежат и показания о месте, времени и условиях выплаты денежных средств заемщику, раздела с ним похищенного, целях, на которые были потрачены похищенные средства, а также о месте их хранения.

Для проверки возникших сомнений в виновности обвиняемого в ходе его допроса рекомендуется выяснить, насколько он осведомлен о порядке выполнения операций, не входящих в его компетенцию, но якобы осуществленных им, и при необходимости задать вопросы об этом. В целях выявления неправомерного воздействия на обвиняемого целесообразно дать поручение органам оперативно-розыскной деятельности о проведении мероприятий по установлению организаторов и иных участников преступления. В ряде ситуаций требуется проведение тактических операций по преодолению противодействия предварительному расследованию, связанному с самооговором обвиняемого.

¹ Карагодин В. Н. Указ. соч. С. 168.

² Ратинов А. Р., Ефимова Н. И. Психология допроса обвиняемого. М., 1988. С. 99.

³ Там же. С. 81.

Проверка обоснованности предъявленного обвинения включает в себя оценку и уточнение уголовно-правовой квалификации действий обвиняемого с учетом его реальной роли в мошенничестве, связанном с получением банковского кредита. Как уже упоминалось, значительная часть таких преступлений совершается группами субъектов с участием сотрудников банков. Роль обвиняемых в группе лиц, совершавших преступления рассматриваемого вида, не может быть установлена только в процессе их допросов. Необходимо также проведение комплекса следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий. Прежде всего изучаются первичные документы, отражающие операции по предоставлению и выплате кредита.

Большое значение имеет определение размера доходов от преступной деятельности. О размере дохода, кроме показаний обвиняемого, могут свидетельствовать неофициальные записи лиц, производивших расчет и выплаты прибыли от преступной деятельности. Как известно, размер получаемых выплат прямо пропорционален положению субъекта в преступной группе. При этом положение в криминальном объединении зачастую соответствует официальному служебному положению обвиняемого¹.

Организаторы преступных групп могут устанавливаться путем сопоставления данных о появлении в банке отдельных сотрудников, перемещении их на должность, связанную с решением вопросов о предоставлении кредитов, и сведений о времени совершения первых мошеннических посягательств.

Решение задачи по установлению роли каждого обвиняемого тесно связано с выявлением всех эпизодов преступлений, совершенных отдельным соучастником и группой в целом.

Список литературы

Драпкин Л. Я., Долинин В. Н. Тактика следственных действий: учеб.-метод. пособие. 3-е изд., доп. Екатеринбург, 2015.

Карагодин В. Н. Основы методики расследования умышленных убийств. Екатеринбург, 2010.

Карагодин В. Н., Быкова Е. Г., Вахмянина Н. Б. и др. Расследование преступлений, совершенных организованными формированиями / под общ. ред. В. Н. Карагодина. М., 2015.

Полстовалов О. В. Современные проблемы криминалистической тактики. М., 2009.

Порубов Н. И. Научные основы допроса на предварительном следствии. Минск, 1972.

Ратинов А. Р., Ефимова Н. И. Психология допроса обвиняемого. М., 1988.

Соловьев А. Б. Проблемы эффективности следственных действий: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1984.

References

Drapkin L. Ya., Dolinin V. N. Taktika sledstvennykh dejstvij: ucheb.-metod. posobie. 3-e izd., dop. Ekaterinburg, 2015.

Karagodin V. N. Osnovy metodiki rassledovaniya umyshlennykh ubijstv. Ekaterinburg, 2010.

Karagodin V. N., Bykova E. G., Vaxmyanina N. B. i dr. Rassledovanie prestuplenij, sovershennykh organizovannymi formirovaniyami / pod obshh. red. V. N. Karagodina. M., 2015.

Polstovalov O. V. Sovremennye problemy kriminalisticheskoy taktiki. M., 2009.

Porubov N. I. Nauchnye osnovy doprosa na predvaritel'nom sledstvii. Minsk, 1972.

Ratinov A. R., Efimova N. I. Psixologiya doprosa obvinyaemogo. M., 1988.

Solov'ev A. B. Problemy ehffektivnosti sledstvennykh dejstvij: dis. ... d-ra yurid. nauk. M., 1984.

¹ Карагодин В. Н., Быкова Е. Г., Вахмянина Н. Б. и др. Расследование преступлений, совершенных организованными формированиями / под общ. ред. В. Н. Карагодина. М., 2015. С. 188–189.

ЧАСТНОПРАВОВАЯ МЫСЛЬ В ФИЛОСОФИИ О. ШПЕНГЛЕРА

Семякин Михаил Николаевич

Доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург), e-mail: misha2008@uralweb.ru

В статье рассматриваются философские воззрения известного немецкого философа О. Шпенглера на феномены государства, правовой политики, частного права, его роль и предназначение в жизни общества; гносеологическое и методологическое значение в философии частного права идеи собственности; происхождение права, различие права и закона; критический анализ права, правового мышления.

Ключевые слова: понимание права, частное право, «внутренние права», римское право, идея собственности, общественное и экономическое бытие, юридический язык, правовое мышление, собственный опыт, выстраивание собственного права

PRIVATE LEGAL THOUGHT IN PHILOSOPHY OF O. SPENGLER

Semyakin Mikhail

Ural State Law University (Yekaterinburg), e-mail: misha2008@uralweb.ru

The article considers the philosophical views by O. Spengler who studied the phenomena of state, state policy, private law, its role and purpose in social life; the cognitive and methodological significance of the property idea in private law philosophy; the origin of law, its differences from legislation; and gave a critical analysis of law and legal thinking.

Key words: law understanding, private law, «inner rights», Roman law, property idea, social and economic being, legal language, legal thinking, personal experience, establishment of a personal law

Известный немецкий философ О. Шпенглер (1880–1936) в своих философских воззрениях был по ряду позиций близок к неокантианству – знаменитой Баденской философской школе. Его основной труд – двухтомное сочинение «Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Всемирно-исторические перспективы», где он на огромном количестве примеров из сферы искусства, науки, политики и религии анализирует типы культуры, отношения между ними, историю и перспективы их развития и т. д. О. Шпенглер немало внимания уделил также философии государства, политики и права, в особенности частного, его роли и предназначению в жизни общества.

Главное место в философии частного права О. Шпенглера занимает идея собственности, имеющая не только гносеологическое (познавательное), но и методологическое значение для понимания частного права.

По мысли О. Шпенглера, *идея собственности* произошла из «связанности» знати с космосом и землей. «Собственность – это пращувство, это не понятие, и оно принадлежит времени, истории и судьбе, а не пространству и причинности. Его невозможно обосновать, однако оно налицо»¹. Таким образом, О. Шпенглер идентифицировал собственность с «пращувством», которое имеет глубинные исторические корни и носит объективный характер. Следовательно, собственность философ не соотносил с категориями пространства и причинно-следственной связи. «Поэтому собственность в наиболее непосредственном

¹ Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 2: Всемирно-исторические перспективы / пер. с нем. и примеч. И. И. Махонькова. М., 1998. С. 359.

ее значении – это *земельная собственность* (здесь и далее курсив автора. – М. С.), и стремление к тому, чтобы превратить нажитое в землю и почву, всегда есть свидетельство человека доброй породы». Собственность в этом смысле представляет собой тесную «сращенность» с землей и с чем-то большим, имеющим значение не только для отдельной личности, но и для судеб и последовательности поколений¹.

Примечательна в этом контексте мысль И. Канта о том, что «первичной» собственностью является земля и что «все люди до всякого юридического акта обладают правовым владением земель, т. е. имеют право быть там, куда природа и случай их поместили»², а юридический акт приобретения он называл завладением (*occipation*).

О. Шпенглер усматривал в собственности «развитие двойственного ощущения»: «*владение как власть и владение как добыча*»³. Причем оба эти «ощущения» «соседствуют в изначальном человеке расы». «Из ощущения власти происходят *завоевание, политика и право*, из ощущения добычи – *торговля, экономика и деньги*. Право – собственность имеющего власть. Его право – это право для всех»⁴. Таким образом, по мысли философа, право происходит «из ощущения власти» и становится «собственностью» имеющего власть; при этом право властвующего субъекта касается всех, т. е. обладает обязательной силой для всех: все должны признавать и соблюдать его.

Трактуя право как *произвольную* форму существования вне зависимости от того, было ли оно признано на уровне чувств, импульсивно или абстрагировано посредством обдумывания, углублено и приведено в систему, О. Шпенглер выделял два вида права: неписаное, обычное право (*equity*) и закон. Причем эти два вида права: право отцов, унаследованное, органическое, священное, потому что существует испокон веков, происходит из опыта крови, и право измышленное, спроектированное, естественное и общечеловеческое, проистекающее из размышления и потому родственное математике, возможно, и не успешное, но «справедливое»⁵ – должны друг другу противостоять.

Важны суждения О. Шпенглера, касающиеся истинности «внутренних прав» (философ имеет в виду гражданское право) и проблемы их применимости. Во «внутренних правах» «о себе заявляет воля мирового судьи, направленная на то, чтобы быть беспристрастным и справедливым, хотя зачастую люди очень сильно обманываются насчет степени непредвзятости, присутствующей даже в лучших в истории кодексах, в том числе и в тех, которые сами себя называют гражданскими (*bürgerlich*), намекая уже этим на то, что они были составлены для всех *одним сословием*, воспользовавшимся своим решающим перевесом». Поэтому, как замечал философ, кодексы «отвергают права знати и духовенства и защищают права денег...»⁶.

Приведенные размышления философа не потеряли своей актуальности. И в современный период важно при совершенствовании гражданского кодекса учитывать интересы разных слоев общества, чтобы этот закон в равной мере обеспечивал охрану прав и законных интересов всех субъектов и не защищал преимущественно «права денег».

«Внутренние права», как полагал философ, являются результатом «строго логическо-каузального, направленного на истину мышления». Однако именно по этой причине «их применимость всякий раз оказывается зависящей от материальной власти их автора, будь то государство или сословие». «Революция тут же уничтожает с этой властью и власть закона. Права остаются истинными, однако они уже недействительны»⁷. Здесь

¹ Шпенглер О. Указ. соч. С. 395.

² Кант И. Метафизика нравов. Метафизические начала учения о праве. СПб., 1903. С. 43.

³ Шпенглер О. Указ. соч. С. 360.

⁴ Там же. С. 361.

⁵ Там же. С. 380.

⁶ Там же. С. 382.

⁷ Там же.

О. Шпенглер отмечал строгую логику построения «внутреннего права». Однако, к сожалению, в современной практике еще встречаются случаи, когда именно эта причина ставит применимость тех или иных норм гражданского права в зависимость от «материальной власти» соответствующих органов и лиц.

Философ обращал внимание также на различие категорий «право» и «закон», полагая, что когда революция вместе с властью уничтожает и власть закона, право при этом остается «истинным», т. е. соответствующим началам разумности и справедливости, хотя уже и «недействительно».

В своем учении О. Шпенглер развивал важную идею о связи права с практикой, влиянии последней на правовую действительность. Правовое мышление, как отмечал философ, «вынуждено соотноситься с чем-то уже наличным». «Понятия права должны быть от чего-то отвлечены». Анализируя состояние современной ему юриспруденции, ученый заявлял, что ее преследует «злой рок»: «Вместо того, чтобы получать их (понятия права. – М. С.) из устойчивого и строгого обычая общественного и экономического существования, они преждевременно и излишне быстро абстрагируются из латинских рукописей. Западноевропейский юрист становится филологом, а практический опыт подменяется основанным всецело на себе самом гелертерским опытом чисто логического разложения и соединения правовых понятий»¹.

Отсюда О. Шпенглер делает важные выводы, обращенные непосредственно к частному праву: оно должно улавливать, впитывать в себя «дух общественного и экономического бытия», что является «подлинным источником» действующего права. «Тем самым, – замечал философ, – нами был совершенно упущен из виду один факт, а именно, что *частное право должно неизменно отражать на себе дух общественного и экономического бытия*. В этом не отдавали себе ясного отчета ни „Code civil“ (Гражданский кодекс. – М. С.), ни прусское земское право... Никакой хотя бы самой слабой догадки относительно этого подлинного „источника“ действующего права не допускается ни подготовкой юридического сословия, ни литературой»².

Развивая эту мысль, философ писал: «Вследствие этого мы имеем частное право, построенное на призрачном основании *позднеантичной экономики*... гелертерское правовое мышление, а вслед за ним и мышление всех образованных людей связывает такие фундаментальные понятия, как „лицо“, „вещь“ и „собственность“, с состояниями и порядком античной жизни. Книга встает между фактами и их постижением»³. О. Шпенглер сетовал на то, что образованный человек «дает сегодня оценки в значительной степени в античном духе». Человек, занятый «исключительно делом» и не наученный «выдавать суждения», «чувствует себя непонятым»; «он замечает противоречие между жизнью эпохи и ее правовым постижением...»⁴.

Приведенные суждения философа достаточно актуальны применительно к современной частноправовой жизни, когда многие новые «правовые постижения» пытаются объяснить с позиций старых догматических правовых понятий и представлений, «подгоняя» первые под устаревшие правовые формы последних. Так, в настоящее время исследователи нередко стремятся объяснить частноправовое понятие предприятия как достаточно сложного имущественного комплекса с позиций римских категорий «вещь», «сложная вещь» и т. д., не пытаясь увидеть в нем принципиально новое частноправовое явление и объяснить его с современных позиций практики и достижений гуманитарных наук.

¹ Шпенглер О. Указ. соч. С. 82.

² Там же. С. 82–83.

³ Там же. С. 83.

⁴ Там же. С. 83.

О. Шпенглер ставил еще один чрезвычайно важный вопрос, имеющий не только философское, но также методологическое и практическое значение для частного права: кем и для кого было создано западноевропейское право? «Римский претор, – отмечал философ, – был землевладелец и офицер, имел опыт в администрировании и финансах и именно на такой основе приобретал выучку, делавшую его способным к судебной и законотворческой деятельности. Praetor peregrine развивал право чужеземцев в качестве права, регулирующего экономическое обращение позднеантичной мировой столицы, причем делал это без плана и тенденциозности, но лишь на основании действительно возникающих случаев»¹. Таким образом, римское право развивалось на основе опыта римских юристов, в частности преторов, судебной и иной практики, что обеспечивало ему жизненность и эффективность.

В дальнейшем, по мысли О. Шпенглера, между «жизненным» правоведением, основанным на опыте, и правоведением, оторванным от жизни, носящим схоластический характер, «разгорается борьба». Причину этого философ усматривал в противоречиях между «ученым сословием» и «практической жизнью». Говоря о правоведах, философ замечал, что их «фаустовская воля к длительности требует книги, которая будет значима „отныне и навсегда“, системы, в которой заранее предусмотрен любой возможный случай». Понятно, заключал О. Шпенглер, «что такую книгу, ученую работу, создавало ученое сословие правотворцев и правоприказчиков», которое «чуждо миру» и «презирает опыт, происходящий не из мышления». Отсюда «неизбежно разгорается борьба между текучими обычаями практической жизни и „сословием науки“. Рукопись Пандект Ирне-рия сделалась за века „миром“, в котором живет юрист»².

Отмеченное приводит О. Шпенглера к весьма неутешительному выводу: «Таким образом, то, что мы до настоящего времени называем правоведением, есть либо филология юридического языка, либо схоластика понятий права. Это единственная наука, которая и сегодня выводит смысл жизни из „вечных“ фундаментальных понятий». Продолжая эту мысль, О. Шпенглер ссылаясь на известного немецкого правоведа Р. Зоме: «Современное немецкое правоведение в очень значительной мере представляет собой наследие средневековой схоластики. Теоретико-правовое продумывание базовых ценностей нашей реальной жизни еще не началось»³.

Полагаем, что сегодняшнее состояние отечественного частного права таково, что оно также крайне нуждается в осмыслении ценностей реальной жизни с тем, чтобы на этой основе осуществить важнейшие преобразования в сфере частноправового регулирования общественных отношений.

В связи со сказанным О. Шпенглер ставил задачу, которую, по его мнению, предстоит решить будущему немецкому правоведению: речь шла о том, «чтобы на основании практики современной жизни разработать глубочайшие принципы последней и возвысить их до фундаментальных понятий права». И далее О. Шпенглер восторженно отмечал: «За спиной у нас – великие искусства, перед нами – непочатое правоведение»⁴.

О. Шпенглер достаточно скромно оценивал труды правоведов, созданные в XIX в., полагая, что это «есть всего лишь подготовка к творчеству». Эти труды «освободили нас от Юстиниановой книги, но не от Юстиниановых понятий»; никто больше не обращает внимания на идеологов римского права, «однако гелертерство старого стиля никуда не делось». По мнению философа, «чтобы освободить нас также и от схемы этих понятий,

¹ Шпенглер О. Указ. соч.

² Там же. С. 83–84.

³ Там же. С. 84.

⁴ Там же.

необходимо правоведение иного рода. На смену филологическому должен прийти общественный и экономический опыт».

Чтобы понять, в чем дело, пояснял О. Шпенглер, «достаточно бросить взгляд на немецкое частное и уголовное право». Данные отрасли права, по его мнению, – «это готовые системы, обрамленные дополнительными законами». Включать их содержание в основной закон «было невысказано», поскольку «здесь понятийно, а значит, и синтаксически противостоят друг другу то, что может, и то, что не может быть достигнуто в рамках античной схемы»¹. В данном случае О. Шпенглер, очевидно, имел в виду пандектную систему частного права, получившую отражение в Германском гражданском уложении. Развивая свои мысли по поводу того, «что не может быть достигнуто в рамках античной схемы», философ ставил ряд вопросов: «Почему содержание патентного закона не поддается включению в вещное право? Почему авторское право оказалось не в состоянии понятийно отделить духовное творение от его форм, которые можно передать, таких, как рукопись и печатная продукция? Почему в одной и той же картине в противоречии с вещным правом приходится различать художественную и материальную собственность – посредством разделения приобретения оригинала и приобретения права на воспроизведение»?²

Невозможность объяснить с позиций действовавшего в то время немецкого частного права многие жизненные противоречия, как считал философ, является следствием того, что «сегодня над нами все еще довлеет античное понятие телесной вещи». Наш инстинктивный опыт, по мнению философа, исходит из *функциональных* понятий рабочей силы, духа предпринимательства, телесной, организаторской энергии и соответствующих им способностей и дарований. Констатируя достижения современной ему физики, представлявшей собой «точный слепок» того образа жизни и уже не знавшей «старинного понятия тела», О. Шпенглер ставил вопрос: «Почему наше право в понятийном отношении бессильно перед лицом великих фактов сегодняшней экономики»? И, отвечая на него, указывал: «Потому что и оно знает личность *лишь как тело*»³.

О. Шпенглер критиковал западноевропейское правовое мышление также за то, что оно, переняв античные слова, «усвоило лишь поверхностное их значение». «В контексте раскрывается лишь *логическое* словоупотребление, но не жизнь, лежащая в его основе. Умолкнувшую метафизику древних правовых понятий не пробудить мышлением чуждых ей людей, сколько бы они их ни применяли»⁴. Философ объяснял это тем, что самое главное, глубинное подразумевается в праве само собой. Всякое право лишь предполагает существенное, не оговаривая его прямо; «право обращено к людям, а люди и помимо статута внутренним образом понимают то, о чем нет нужды говорить, понимают именно в силу этого и прекрасно себе представляют, как им пользоваться». Всякое право, по мнению О. Шпенглера, есть по преимуществу обычное право, т. е. правила, сформировавшиеся в самой жизни: «Пускай себе закон определяет слова – жизнь их *истолковывает*».

Однако «когда ученые желают навязать своему собственному праву... чужой юридический язык с присущей тому понятийной схемой, понятия остаются пусты, а жизнь – немой. Право делается не оружием, но обузой, и действительность продолжает двигаться дальше не вместе с историей права, но помимо нее». Именно поэтому «правовой материал, которого требуют факты нашей цивилизации, лишь поверхностно соприкасается

¹ Шпенглер О. Указ. соч. С. 84.

² Там же. С 84–85.

³ Там же. С. 85.

⁴ Там же.

с книжной правовой схемой античности, отчасти же вообще никак с ней не соотносится, вследствие чего он все еще лишен формы и потому практически не существует для правового мышления, а значит, и для мышления образованных людей»¹.

Рассуждая далее, О. Шпенглер ставил вопрос о том, являются ли лица и вещи применительно к современному ему законодательству понятиями права, и давал на него отрицательный ответ. Они (лица и вещи), по мнению О. Шпенглера, «лишь прочерчивают банальную границу между человеком и всем прочим», осуществляют «естественнонаучное различие». Подчеркивая разницу между такими понятиями, как «лицо» и «персона», философ отмечал: «...с античным понятием *persona* была связана целая метафизика античного бытия: различие между человеком и божеством, сущность полиса, героя, раба, космоса из материи и формы, жизненный идеал атараксии – все это есть само собой разумеющиеся, полностью для нас исчезнувшие предпосылки»².

Приведенная выше мысль О. Шпенглера актуальна и для современного отечественного частного права. Категорию физического лица (гражданина) мы нередко идентифицируем лишь с неким живым существом, способным к совершению различного рода механических действий (выполнить определенную работу, оказать услугу, передать вещь и т. д.), забывая при этом о понятии персоны, с которым связана «целая метафизика» современного бытия человека: его воля, свобода, сознание, связь с социумом, духовный потенциал и т. д. А именно это обстоятельство ни в коей мере не должно упускаться из виду при регулировании частноправовой сферы.

То же самое касается и категории собственности, нередко сводимой к вещи либо совокупности вещей, которые выступают в качестве объекта права. При этом за рамками такого «видения» собственности остается вся «метафизика» данного понятия: связь собственности с экономической системой, ее (собственности) место, роль и функции в указанной системе и т. д. Исходя из этого, О. Шпенглер отмечал: «Слово „собственность“ отягощено в нашем мышлении античным *статичным* определением и потому во всех случаях своего использования фальсифицирует динамический характер нашего жизненного стиля. Мы оставляем такие определения на откуп чуждых миру и абстрактных этиков, юристов, философов, допускаем ими играть политических доктринеров, занятых бессмысленной сварой, а между тем *на метафизике одного этого понятия* покоится *все в целом* понимание экономической истории наших дней»³.

Резюмируя свои рассуждения, О. Шпенглер заявлял: «Античное право было *правом тел*, наше право – это право *функций*. Римляне создали юридическую статику, нашей задачей является юридическая динамика. Для нас лица – это не тела, но единства силы и воли, а вещи – не тела, но цели, средства и порождения этих единств... Для римлянина раб был вещью, производящей новые вещи. Понятие духовной собственности никогда не приходило в голову... уже не говоря о собственности на практическую идею или гениальные способности»⁴. Иными словами, О. Шпенглер вел речь о том, что римскому праву не был известен – употребляя современное название – институт интеллектуальной собственности (интеллектуальных прав), где в качестве объектов права выступают результаты творческой (духовной) деятельности: произведения науки, литературы, искусства, технического творчества. Сообразуя все это с реалиями своего времени, О. Шпенглер подчеркивал: «Однако для нас организатор, изобретатель и предприниматель являются *творящей силой*, которая воздействует на другие, *исполняющие силы*, придавая им направ-

¹ Шпенглер О. Указ. соч. С. 85.

² Там же. С. 86.

³ Там же. С. 86.

⁴ Там же.

ление, намечая цель и средства для их действия. И те и другие принадлежат экономической жизни не как владельцы вещей, но как носители энергии»¹.

Для современного отечественного частного права приведенные мысли О. Шпенглера имеют большое теоретическое и практическое значение: частноправовые установления должны быть не только и не столько «правом тел», сколько «правом функций», предоставляя большой простор и широкие правовые возможности для активности человека, предпринимательской инициативы, развития творческого потенциала (духовной энергии) индивидов.

Подытоживая свои рассуждения по этому поводу, О. Шпенглер патетически замечал, что «будущее требует перестройки всего правового мышления». «Жизнь в целом: социальная, экономическая, техническая – ждет того, чтобы ее наконец-то поняли в этом смысле»; «для достижения этой цели нам потребуется не менее столетия напряженнейшей и глубочайшей работы мысли»². А для этого, по мнению философа, необходима подготовка юристов «совершенно иного рода», которые должны, во-первых, получить *практический* опыт современной экономической жизни; во-вторых, овладеть точными знаниями истории западного права «при постоянном сравнении немецкого, английского и романского хода его развития»; в-третьих, овладеть знаниями античного права, причем «не как образца для значимых ныне понятий, но как блестящего примера развития права из чисто *практической* жизни эпохи».

Римское право, как заключал О. Шпенглер, «перестало быть для нас источником вечно значимых фундаментальных понятий» и «ценно как свидетельство отношений, существовавших между римским бытием и римскими правовыми понятиями». «Оно может научить нас тому, как на основании *собственного* опыта выстроить собственное право»³. Однако эта мысль О. Шпенглера вряд ли выдержала «проверку» временем: сегодня частное право использует многие римские правовые понятия и конструкции, правда, нередко корректируя их содержание, а в соответствующих случаях существенно изменяя его с учетом нынешнего развития юридической практики, достижений гуманитарных и иных наук. И это пока, видимо, отвечает современным потребностям экономического оборота, обеспечению интересов граждан, требованиям преемственности в развитии частноправовой науки. Однако идея О. Шпенглера о том, чтобы на основании «собственного опыта выстраивать собственное право» представляется весьма плодотворной и актуальной для дальнейшего совершенствования отечественного частного права.

Список литературы

Кант И. Метафизика нравов. Метафизические начала учения о праве. СПб., 1903.

Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 2: Всемирно-исторические перспективы / пер. с нем. и примеч. И. И. Махонькова. М., 1998.

References

Kant I. Metafizika нравов. Metafizicheskie nachala ucheniya o prave. SPb., 1903.

Shpengler O. Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoj istorii. T 2: Vsemirno-istoricheskie perspektivy / per. s nem. i primech. I. I. Maxon'kova. M., 1998.

¹ Шпенглер О. Указ. соч. С. 86.

² Там же.

³ Там же. С. 87.

СПОСОБЫ ПРИОБРЕТЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫМИ ОБРАЗОВАНИЯМИ
ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО СТАТУСА**Жабреев Михаил Владимирович**

Доцент кафедры права Института фундаментального образования Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург),
e-mail: m.v.zhabreev@yandex.ru

Основанием для приобретения социальными образованиями (публичными образованиями и юридическими лицами) гражданско-правового статуса и соответственно права на участие в гражданско-правовых отношениях называется не наличие у них соответствующих полномочий и признаков, позволяющих объявить их такими участниками, а прохождение определенной процедуры. На основе конституционного и гражданского законодательства исследуются способы вступления социальных образований в гражданские правоотношения.

Ключевые слова: субъекты гражданско-правовых отношений, публичные образования, юридические лица, органы публичных образований, гражданско-правовой статус, правоспособность, дееспособность, вещные права, право собственности

THE BASIS FOR ACQUIREMENT OF CIVIL STATUS
BY SOCIAL FORMATIONS**Zhabreev Mikhail**

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Yekaterinburg),
e-mail: m.v.zhabreev@yandex.ru

The author notes that the basis for acquirement of civil status by social formations (public formations and legal entities) and for their right to participate in civil law relations respectively is not their appropriate functional, powers and signs, due to which these formations could be considered such participants, but a certain procedure. Given the constitutional and civil legislation, the accession of social formations into civil law relations is explored.

Key words: subject of civil law relations, public formations, legal entities, public formations agencies, civil-law status, legal capacity, capacity, rights in rem, property rights

В последние два десятилетия появилось значительное количество публикаций и диссертаций¹, посвященных участию в гражданско-правовых отношениях органов публич-

¹ См., например: Пипник Т. Д. Обзор практики пересмотра апелляционной инстанцией судебных актов по спорам с участием органов государственного управления и местного самоуправления // Вестн. Высшего Арбитражного Суда Рос. Федерации. 1999. № 11; Цыганков Э. Публичное и частное в налоговом законодательстве // ЭЖ-Юрист. 2000. № 42; Малый А. Ф., Малая Т. Н. Исполнительные органы государственной власти как юридические лица // Конституционные основы организации и функционирования институтов публичной власти в Российской Федерации: материалы Всерос. науч.-практ. конф. 20–21 апреля 2000 года. Екатеринбург, 2001; Камалов О. А. Гражданская правосубъектность муниципальных образований: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2001; Козлова Н. В. Понятие и сущность юридического лица. Очерк истории и теории: учеб. пособие. М., 2003; Щербакова Ю. В. К вопросу о министерстве как юридическом лице // Адвокат. 2003. № 12; Артемов В. Органы местного самоуправления как субъекты гражданского права // Хозяйство и право. 2003. № 3; Кантор Н. Е. О государственных органах как юридических лицах публичного права // Хозяйство и право. 2005. № 4; Марьян В. Г. Некоторые проблемы правосубъектности публично-правовых образований: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006; Белых В. С. К вопросу о юридическом лице публичного права // Бизнес, менеджмент и право. 2007. № 3; Голубцов В. Г. Участие Российской Фе-

ных образований и определяющих при этом их гражданско-правовой статус. Но для того чтобы обосновать возможность участия органов публичных образований в данных правоотношениях, авторы выдвигают различные аргументы как концептуального, так и практического характера. Правоприменительная практика при этом содержит взаимоисключающие подходы к правовой оценке случаев участия органов публичных образований в гражданском обороте – от их полной поддержки и до их абсолютного отрицания.

Большинство авторов придерживаются подхода, согласно которому органы публичных образований уже имеют правовой статус фактических участников гражданско-правовых отношений. При этом анализируются их компетенция, отдельные полномочия, совершаемые сделки, рассматриваются их признаки (по примеру признаков юридического лица), на основе которых исследователи наделяют органы публичных образований гражданско-правовым статусом юридических или квазюридических лиц.

На наш взгляд, данный подход не только не позволяет дать однозначный ответ на вопрос о статусе органа публичного образования (что видно по разнообразию предлагаемых авторов вариантов этого статуса), но и заведомо ведет к искажению фактов, так как исследованию подлежат юридико-фактические обстоятельства, не являющиеся основаниями для выявления статуса участника гражданско-правовых отношений.

Представляется необходимым использовать иной подход к определению статуса органов публичных образований. Предлагаем сместить акцент со стадии фактического участия органов публичных образований в гражданско-правовых отношениях на стадию допуска их к такому участию¹. А научные изыскания относительно фактического участия субъектов в гражданско-правовых отношениях должны лишь дополнительно характеризовать имеющийся у них статус.

Допуск лица к участию в гражданско-правовых отношениях предполагает, что гражданское законодательство признает это лицо надлежащим участником указанных правоотношений, т. е. подтверждает наличие правосубъектного основания для участия в них данного лица. Правосубъектное основание возникновения гражданского правоотношения – тот ключ, с помощью которого можно найти ответ на вопрос, являются ли органы публичных образований самостоятельными участниками гражданско-правовых отношений.

Вспомним теорию гражданского права. «В науке гражданского права под основаниями возникновения, изменения и прекращения гражданского правоотношения понимается определенный комплекс различных по своему содержанию взаимосвязанных юридических явлений, взаимодействие которых влечет за собой движение гражданского правоотношения.

дерации в имущественных отношениях, регулируемых гражданским законодательством: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008; *Абдулваганова Р. Р.* Правовое положение публично-правовых образований в гражданско-правовых обязательствах: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2008; *Болдырев В. А.* Публичные образования и органы власти как участники правоотношений в концепции развития законодательства о юридических лицах // *Право и экономика*. 2009. № 7; *Голубцов В. Г.* Государство как частноправовой субъект: правовая природа и особенности // *Журн. рос. права*. 2010. № 10; *Чиркин В. Е.* О понятии и классификации юридических лиц публичного права // Там же. 2010. № 6; *Правдин Д. Г.* Органы местного самоуправления как юридические лица // *Пробелы в рос. законодательстве*. 2011. № 2; *Козлова С. А.* Являются ли органы государственной власти юридическими лицами? // *Адм. право и процесс*. 2012. № 6; *Кузнецов С.* Категория «юридическое лицо публичного права» в российской юриспруденции // *Гос. служба*. 2014. № 6; *Намаев Т. Ф.* Особенности правового статуса публично-правовых образований как субъектов гражданского права // *Соц.-полит. науки*. 2014. № 2; *Романовская О. В.* Совет муниципальных образований – юридическое лицо публичного права // *Рос. юстиция*. 2014. № 8; *Тихонова М. М.* Генезис понятия «юридическое лицо» в науке и законодательстве // *Юридические науки: проблемы и перспективы: материалы III Междунар. науч. конф.* Казань, 2015 и др.

¹ Этот подход можно использовать для любой отрасли законодательства, определяя для каждой из них своих собственных участников правоотношений.

Следует различать три категории оснований динамики гражданско-правовых связей:

- 1) нормативные основания, в качестве которых выступают соответствующие нормы права, регулирующие определенный вид общественных отношений;

- 2) правосубъектные основания, определяющие способность лица к участию в том или другом виде гражданско-правовых отношений;

- 3) юридико-фактические основания, то есть определенные факты реальной действительности, с наличием которых правовые нормы связывают возникновение, изменение и прекращение соответствующих прав и обязанностей правосубъектного лица.

Наличие нормативных и правосубъектных оснований обычно предполагается, и поэтому в науке гражданского права эти два основания принято именовать предпосылками, а юридико-фактические – собственно основаниями возникновения, изменения и прекращения соответствующих гражданско-правовых связей»¹.

Итак, предпосылкой для появления у лица гражданских прав и обязанностей является правосубъектность, которая, не порождая сама по себе прав и обязанностей, создает возможность возникновения и последующего движения гражданских правоотношений². «Сущность гражданской правосубъектности может быть охарактеризована как основанная на нормах гражданского права юридическая способность лица быть участником гражданско-правовых отношений»³.

В соответствии с этим доктринальным подходом гражданские права и обязанности не могут возникнуть у лиц, не являющихся участниками гражданско-правовых отношений, т. е. не обладающих гражданской правосубъектностью (здесь не рассматриваются исключительные случаи возникновения прав и обязанностей у субъектов права до их фактического появления).

В ст. 2 Гражданского кодекса РФ закреплено три вида участников гражданско-правовых отношений, имеющих собственный гражданско-правовой статус: публичные образования, юридические и физические лица. Следовательно, для участия этих субъектов в гражданско-правовых отношениях есть правосубъектные основания.

Отсюда сделаем первый важный вывод: гражданское законодательство знает только три вида субъектов гражданско-правовых отношений и соответственно все научные разработки гражданско-правовой направленности должны относить любых фактических участников гражданско-правовых отношений к одному из этих трех видов.

Таким образом, следует признать, что научные изыскания, наделяющие органы публичных образований каким-либо иным специфическим гражданско-правовым статусом, отличным от статуса трех названных субъектов гражданского права (например, статусом квазигиридрического лица или двойным статусом), не основаны на законе и доктрине гражданского права.

Если же исследователи утверждают, что в рамках существующего законодательства есть место для новых субъектов гражданского права, то они должны доводить свои научные изыскания до логического конца и предлагать новые доктринальные подходы, обосновывающие появление четвертого, пятого и последующих видов субъектов гражданского права, с соответствующим изменением норм гражданского законодательства.

Рассмотрим способы приобретения гражданско-правового статуса публичными образованиями и юридическими лицами (далее также – социальные образования).

¹ Советское гражданское право: учеб. для вузов: в 2 т. / под ред. О. А. Красавчикова. 3-е изд., испр. и доп. М., 1985. Т. 1. С. 83–84.

² Красавчиков О. А. Юридрические факты в советском гражданском праве // Красавчиков О. А. Категории науки гражданского права: избр. тр.: в 2 т. 2-е изд. М., 2017. Т. 2. С. 101.

³ Красавчиков О. А. Гражданская правосубъектность как правовая форма // Красавчиков О. А. Категории науки гражданского права. С. 32.

Что касается вступления в гражданско-правовые отношения *публичных образований*, то уже достаточно давно большинство правоведов придерживаются мнения, что для участия в гражданско-правовых отношениях «государство нуждается в правосубъектности государственно-, а не гражданско-правовой»¹. Еще в 1924 г. об этом говорил французский ученый Л. Мишу: «Законодательство, признающее за государством права юридической личности, не создает правосубъектности государства; законодательство предполагает эту правосубъектность существующей и говорит лишь о применении и осуществлении этой правосубъектности»².

Таким образом, для участия в гражданско-правовых отношениях публичные образования должны быть созданы в соответствии с конституционным правом. При этом в нормативном документе должно быть указано, что публичное образование возникло и юридически существует. Так, в п. 1 Декларации Совета народных депутатов РСФСР от 12 июня 1990 г. № 22-1 «О государственном суверенитете Российской Советской Федеративной Социалистической Республики» сказано, что Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика есть суверенное государство, созданное исторически объединившимися в нем народами. Впоследствии, после денонсации Договора об образовании СССР в соответствии с Постановлением Верховного Совета РСФСР от 12 декабря 1991 г. № 2015-1, РСФСР стала именоваться Российской Федерацией (Россией) (п. 1 Закона РСФСР от 25 декабря 1991 г. № 2094-1 «Об изменении наименования государства Российской Советской Федеративной Социалистической Республики»).

Все субъекты Российской Федерации как публичные образования также образованы в соответствии с конституционным законодательством России и перечислены в ст. 65 Конституции РФ. Порядок образования новых субъектов в составе Российской Федерации регулируется Федеральным конституционным законом от 17 декабря 2001 г. № 6-ФКЗ «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации». Так, согласно Федеральному конституционному закону от 25 марта 2004 г. № 1-ФКЗ (с изм. от 12 апреля 2006 г.) «Об образовании в составе Российской Федерации нового субъекта Российской Федерации в результате объединения Пермской области и Коми-Пермяцкого автономного округа» с 1 декабря 2005 г. образован новый субъект Российской Федерации – Пермский край, сведения о котором также включены в ч. 1 ст. 65 Конституции РФ. Именно с этой даты для гражданского законодательства возник новый субъект гражданско-правовых отношений.

Даже если новый субъект Российской Федерации фактически провозглашен, но не создан в соответствии с Федеральным конституционным законом от 17 декабря 2001 г. № 6-ФКЗ, то он не может считаться юридически существующим, а потому не может быть допущен к участию в гражданском обороте.

Аналогично в соответствии с конституционным законодательством России создаются муниципальные образования как разновидность публичных образований. Порядок формирования новых муниципальных образований урегулирован Федеральным законом от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ (с изм. от 3 апреля 2017 г.) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». В соответствии со ст. 13.2 названного Закона новое муниципальное образование создается законом субъекта Российской Федерации с даты, указанной в данном Законе.

¹ Якушев В. С. О самостоятельности института права государственной социалистической собственности и его государственно-правовой природе // Сб. науч. тр. Свердлов. юрид. ин-та. Свердловск, 1970. Вып. 13. С. 85.

² Michoud L. La Théorie De La Personnalité Morale Et Son Application Au Droit Français. P., 1924. Цит. по: Братусь С. Н. Юридическая личность государства и бюджетных учреждений // Учен. тр. Всесоюзного ин-та юрид. наук Министерства юстиции СССР. М., 1947. Вып. IX. С. 10.

Перечень всех муниципальных образований Российской Федерации как предполагаемых участников гражданского оборота содержится в реестре, который в соответствии с постановлением Правительства РФ от 8 февраля 2017 г. № 151 «О ведении государственного реестра муниципальных образований Российской Федерации» ведет Министерство юстиции РФ.

Отсюда следует второй вывод: гражданское законодательство признает существование публичных образований, созданных на основе отдельных нормативных правовых актов, и исходит из того, что это самостоятельный вид субъектов гражданско-правовых отношений. Публичные образования имеют собственный гражданско-правовой статус, который не аналогичен статусу юридических или физических лиц.

Что касается вступления *юридических лиц* в гражданско-правовые отношения, то следует указать, что в силу ст. 48 и 49 ГК РФ единственным способом приобретения гражданско-правового статуса юридическим лицом является его государственная регистрация в качестве такового с внесением в ЕГРЮЛ соответствующих сведений о его создании. Поэтому если необходимо узнать, имеются ли у конкретного юридического лица правосубъектные основания для участия в гражданско-правовых отношениях (т. е. существует ли официально данное юридическое лицо), то нужно просто обратиться к ЕГРЮЛ.

Отсюда можно сформулировать третий вывод: гражданское законодательство четко устанавливает процедуры образования юридических лиц¹, и если юридическое лицо не прошло соответствующую процедуру и не включено в ЕГРЮЛ, то оно не может считаться юридически существующим.

Подведем итоги сказанному:

публичные образования возникают в соответствии с конституционным правом, а гражданское законодательство лишь допускает их к участию в гражданско-правовых отношениях уже как юридически существующих субъектов;

юридические лица создаются в соответствии с процедурами, установленными законодательством, и допускаются в гражданско-правовые отношения лишь после их соблюдения.

Итак, мы рассмотрели все возможные способы приобретения социальными образованиями гражданско-правового статуса.

Коротко остановимся на позициях ряда авторов, предлагающих относить к субъектам гражданско-правовых отношений органы публичных образований, и проанализируем возможность приобретения ими гражданско-правового статуса в соответствии с указанными способами.

Сторонники первой позиции исходят из того, что органы публичных образований являются юридическими лицами² и, как следствие, самостоятельными участниками

¹ Жабреев М. В. Способы образования юридических лиц: теория, практика и нормативное регулирование // Электрон. прил. к «Российскому юридическому журналу». 2016. № 6; 2017. № 1.

² См., например: Венедиктов А. В. Государственные юридические лица в СССР // Сов. государство и право. 1940. № 10. С. 66; Мицкевич А. В. Субъекты советского права. М., 1962. С. 39; Братусь С. Н. Юридические лица в советском гражданском праве. М., 1947. С. 191; Пушкин А. А. Субъекты гражданского права (текст лекций). Харьков, 1974. С. 17; Брагинский М. И. Участие Советского государства в гражданских правоотношениях. М., 1981. С. 46, 64, 144–145; Мартенянов В. С. Местные Советы и их исполнительные органы как юридические лица. М., 1975. С. 8; Гражданское право России: курс лекций. Часть первая / под ред. О. Н. Садикова. М., 1996. С. 114; Гражданское право. Часть первая: учеб. / под ред. Ю. К. Толстого, А. П. Сергеева. М., 1996. С. 157–159; Гражданское право. Часть первая: учеб. для вузов / под общ. ред. Т. И. Илларионовой, Б. М. Гонгало и В. А. Плетнева. М., 1998. С. 141; Минх Г. В. Соотношение публично-правового и частноправового в статусе федеральных органов исполнительной власти // Публичное и частное право: проблема развития и взаимодействия, законодательного выражения и юридической практики: материалы Всерос. науч.-практ. конф. 23–24 апреля 1998 года. Екатеринбург, 1999. С. 103; Цыганков Э. Указ. соч. С. 11; Грось Л. А. Участие публичных образований в гражданских правоотношениях – правовых и процессуальных // Рос.

гражданско-правовых отношений. Особые мнения в пределах данной позиции были высказаны в 30–60-е гг. XX столетия. Так, А. В. Венедиктов, С. Н. Братусь, О. С. Иоффе, В. П. Грибанов и другие называли субъектом права – юридическим лицом – коллектив трудящихся государственного органа¹ (теория коллектива). С. И. Аскназий и Ю. К. Толстой указывали, что понятием юридического лица охватывается не сам государственный орган, а лишь его руководитель, подчеркивая тем самым его самостоятельность в принятии решений при участии в гражданском обороте² (теория директора). С. Ф. Кечекьян и Н. Г. Александров признавали юридическим лицом опять же не сам государственный орган, а совокупность его должностных лиц³.

Сторонники второй позиции уверены, что органы публичных образований имеют особый гражданско-правовой статус квазигосударственного лица⁴ и, как следствие, также являются самостоятельными участниками гражданско-правовых отношений.

И, наконец, согласно третьей позиции органы публичных образований обладают двойным правовым статусом⁵, т. е. в одних случаях они выступают от имени публично-го образования как его органы, а в других – от собственного имени в качестве самостоятельных участников гражданско-правовых отношений.

Сторонники всех трех позиций опираются, как мы уже указали, на анализ фактического участия органов публичных образований в гражданско-правовых отношениях, из чего выводится их статус, однако они не рассматривают правосубъектные основания такого участия.

В пример можно привести выводы Ю. Н. Андреева о статусе Центрального банка России. Он пишет: «Вопрос о правовом статусе Центрального банка России (в дальнейшем – Банк России) остается по-прежнему дискуссионным. Одни исследователи определяют его как унитарное предприятие, другие – как учреждение, третьи – как федеральный орган исполнительной власти, четвертые – как государственный орган, не включенный в систему исполнительной власти, пятые – как государственную корпорацию, шестые – как федеральную экономическую службу». Далее Ю. Н. Андреев указывает, что «при

право. 1999. № 3. С. 30, 31; Козлова Н. В. Указ. соч. М., 2003. С. 202; Матанцев И. В., Камалов О. А. Конституционные принципы реализации гражданской правоспособности муниципальных образований // Конституционные основы организации и функционирования институтов публичной власти в Российской Федерации: материалы Всерос. науч.-практ. конф. 20–21 апреля 2000 года. Екатеринбург, 2001. С. 206; Малый А. Ф., Малая Т. Н. Указ. соч. С. 393; Белых В. С. Особенности гражданской правоспособности органов федерального казначейства // Тезисы выступлений участников научно-практической конференции (г. Екатеринбург, 15 октября 2002 года). Екатеринбург, 2002. С. 43; Андреев Ю. Н. Участие государства в гражданско-правовых отношениях. М., 2005. С. 43–44.

¹ См., например: Венедиктов А. В. Государственная социалистическая собственность. М.; Л., 1948. С. 581; Братусь С. Н. Субъекты гражданского права. М., 1950. С. 108–109; Иоффе О. С. Развитие цивилистической мысли в СССР. Л., 1975. Ч. 1. С. 143.

² Аскназий С. И. Об основаниях правовых отношений между государственными социалистическими организациями // Учен. зап. Ленинград. юрид. ин-та. Л., 1947. Вып. IV. С. 33; Толстой Ю. К. О государственных юридических лицах в СССР // Вестн. Ленинград. гос. ун-та. 1955. № 3. С. 122–125.

³ Кечекьян С. Ф. Правоотношения в социалистическом обществе. М., 1958. С. 105; Александров Н. Г. Законность и правоотношения в социалистическом обществе. М., 1955. С. 154; Александров Н. Г. Правовые отношения в социалистическом обществе. М., 1959. С. 30–31.

⁴ Головинин А. А. Некоторые вопросы участия в гражданском обороте органов государственной власти (местного самоуправления) // Хозяйство и право. 1999. № 6. С. 67.

⁵ Курс советского гражданского права / под ред. П. И. Стучки. М., 1931. Т. 2. С. 77; Федоренко Н. В., Пинник Т. Д. Обзор практики пересмотра апелляционной инстанцией судебных актов по спорам с участием органов государственного управления и местного самоуправления // Вестн. Высшего Арбитражного Суда Рос. Федерации. 1999. № 11. С. 120–123; Цыганков Э. Указ. соч. С. 11; Малый А. Ф., Малая Т. Н. Указ. соч. С. 392; Мариян В. Г. Указ. соч. С. 4; Голубцов В. Г. Участие Российской Федерации в имущественных отношениях, регулируемых гражданским законодательством. С. 13.

реализации первого рода полномочий Банк России можно рассматривать как обычный федеральный орган исполнительной власти, наделенной специальной компетенцией в сфере правового регулирования банковской деятельности. Вместе с тем Банк России непосредственно занимается экономической (банковско-финансовой) деятельностью и с этой точки зрения может быть субъектом гражданского права, например, в виде государственной (публичной) корпорации»¹.

Как видим, Ю. Н. Андреев анализирует компетенцию Центрального банка России и, исходя из этого, делает выводы о его статусе. Вопрос: зачем анализировать компетенцию? Это следствие, а не основание для участия в гражданско-правовых отношениях. На наш взгляд, рассматривать необходимо процедуру создания Центрального банка России, так как именно прохождение специальных процедур приводит к появлению соответствующего статуса.

Например, чтобы наделить Центральный банк России статусом федерального органа исполнительной власти, необходим соответствующий указ Президента РФ. После чего Центральный банк России подлежит включению в перечень всех федеральных органов исполнительной власти, утвержденный Указом Президента РФ от 21 мая 2012 г. № 636 (с изм. от 29 декабря 2016 г.) «О структуре федеральных органов исполнительной власти».

Чтобы Центральный банк России стал государственной корпорацией, нужно в соответствии с Федеральным законом от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ (с изм. от 19 декабря 2016 г.) «О некоммерческих организациях» принять специальный федеральный закон о создании государственной корпорации, соблюсти установленный законодательством способ образования государственной корпорации и внести необходимые сведения в ЕГРЮЛ.

Чтобы Центральный банк России стал унитарным предприятием или учреждением, его надлежит зарегистрировать в качестве такового с внесением соответствующих сведений в ЕГРЮЛ и с закреплением за ним имущества на праве хозяйственного ведения или оперативного управления.

Чтобы Центральный банк России стал федеральной экономической службой, также необходимо издать указ Президента РФ о его создании с последующим включением в перечень федеральных служб, содержащийся в Указе Президента РФ от 21 мая 2012 г. № 636 «О структуре федеральных органов исполнительной власти».

Если ни одна из этих процедур не соблюдена, можно хоть сколько обсуждать статус Центрального банка России, приводя различные обоснования и выдвигая различные гипотезы, но от этого он не станет ни тем, ни другим, ни третьим. Поэтому усилия правоведов, желающих точно определить статус Центрального банка России, целесообразно направить на исследование процедуры его создания, а не обсуждать его полномочия.

Если допустить, что Центральный банк России был создан по специфической, индивидуальной процедуре, то следует признать его особым субъектом права, но не субъектом гражданско-правовых отношений. Это же касается любых органов публичных образований. Нет смысла обсуждать признаки, компетенцию, виды заключаемых договоров и иные атрибуты фактического участия органов публичных образований в гражданско-правовых отношениях. Надо анализировать процедуру создания конкретного органа публичного образования, и его статус сразу станет ясным.

Если на практике какая-либо из специальных процедур не пройдена органом публичных образований, то это не значит, что правоведы должны что-то додумывать и обосновывать, исходя из практических целей. Требуется просто соблюсти необходимую процедуру и получить в соответствии с ней нужный статус².

¹ Андреев Ю. Н. Указ. соч. С. 38–39.

² Не будем обсуждать возможный статус органов публичных образований как юридических лиц. Наша позиция по этому вопросу известна и исключает возможность наделения органов публичных образований

Что касается наличия у органов публичных образований особого гражданско-правового статуса квазигиридрического лица, то, повторим, такого субъекта гражданское законодательство не знает и выводить нового субъекта, находясь в прямом противоречии с законом, вряд ли обоснованно. Отсюда же вытекает невозможность приобретения органами публичных образований двойного статуса – как органа публичного образования и как гиридрического лица. Процедуры создания этих субъектов различны, а потому прохождение одной процедуры исключает возможность появления статуса, для получения которого требуется соблюдение второй. Не может быть у одного субъекта двух разных статусов (это то же самое, что признать гражданина как субъекта гражданского права одновременно физическим и гиридрическим лицом).

А теперь предстоит ответить на самый главный вопрос по данной проблематике: зачем органам публичных образований гражданско-правовой статус; что мешает им приобретать любые гражданские права и обязанности от имени публичного образования? Как показывает практика, ничего не мешает. Следует просто закрепить в положении об органе необходимые полномочия участвовать от имени публичного образования в соответствующих гражданско-правовых отношениях. Это предотвратит любые правовые коллизии и споры. Так зачем придумывать специфические или двойные статусы, если и без них органы публичных образований могут в полном объеме участвовать в любых гражданско-правовых отношениях?

С правовой точки зрения для органа публичного образования важна сама возможность участия в гражданско-правовых отношениях, а от своего имени или от имени публичного образования – абсолютно неважно. А вот с практической точки зрения участие некоторых органов публичных образований в гражданско-правовых отношениях от собственного имени еще совсем недавно было обусловлено финансовыми интересами их руководителей (в настоящее время бюджетное законодательство значительно ограничило полномочия руководителей по самостоятельному распоряжению денежными средствами подведомственных им органов).

Если орган имел право на участие в гражданско-правовых отношениях от собственного имени, то, во-первых, такому органу открывался специальный счет для зачисления доходов (например, от сдачи в аренду казенного имущества или его продажи), а руководителю органа предоставлялось право на самостоятельное распоряжение данными доходами в пределах своей сметы; исключалась ответственность публичного образования за действия своего органа (уплата долга, возмещение ущерба и т. д.) в виде обращения взыскания за действия (бездействие) органа и его должностных лиц на казну.

Для руководителя органа публичного образования прежде всего важно наличие права на самостоятельное распоряжение денежными средствами и имуществом, т. е. наличие определенных атрибутов властного управления денежными средствами и имуществом публичного образования. Если эти права у руководителя органа публичного образования есть, то для него не имеет никакого значения, участвует ли данный орган в гражданско-правовых отношениях самостоятельно или нет.

Как видим, указанные органы публичных образований в какой-то мере переводились на хозяйственный расчет и самоокупаемость за счет денежных средств и имущества самого публичного образования. Отсюда следует, что споры о самостоятельном участии этой части органов публичных образований в гражданско-правовых отношениях имеют под собой не правовую основу, а практическую целесообразность. Как следствие, осталь-

гражданско-правовым статусом гиридрического лица. Подробнее см.: *Жабреев М. В.* Публичные образования и их органы: гражданско-правовой статус и участие в гражданских правоотношениях // *Гражданско-правовые записки: межвуз. сб. науч. тр.* М., 2001.

ные органы, исходя из того что статус всех органов публичных образований одинаков, также стали претендовать на статус юридического лица.

Дабы исключить в будущем подобные коллизии, предлагаем два варианта совершенствования гражданского законодательства, с помощью которых можно избежать спорных ситуаций и улучшить правовое регулирование вопроса о статусе органов публичных образований.

1. В соответствии с теорией гражданского права любой субъект обладает правоспособностью и дееспособностью. При этом даже если речь идет о таких сложных субъектах, как социальные образования, правоспособность и дееспособность имеет только сам субъект, который определен законодательством в качестве участника гражданско-правовых отношений. Например, правоспособностью и дееспособностью обладает само юридическое лицо¹, но права и обязанности оно приобретает через свои органы (п. 1 ст. 53 ГК РФ), которые при этом ни правоспособностью, ни дееспособностью не обладают. Отсюда ни у кого из правоведов не возникает желания (в рамках существующей научной традиции) наделить органы юридического лица правоспособностью и (или) дееспособностью и соответственно признать их самостоятельными участниками гражданско-правовых отношений.

Аналогично публичные образования обладают правоспособностью и дееспособностью², а в соответствии с пп. 1 и 2 ст. 125 ГК РФ от имени публичных образований приобретают права и обязанности их органы. Но почему-то ряд исследователей, признавая органы публичных образований участниками гражданско-правовых отношений, фактически утверждают, что они обладают собственной правоспособностью и дееспособностью.

Для разрешения коллизии, при которой органы публичных образований признаются участниками гражданско-правовых отношений, можно предложить иной подход к определению правоспособности и дееспособности юридических лиц и публичных образований.

Правоспособностью как способностью иметь права и нести обязанности должны обладать юридические лица и публичные образования как субъекты гражданско-правовых отношений. А вот дееспособностью как способностью своими фактическими действиями приобретать права и создавать обязанности должны обладать их органы в рамках своей компетенции (для физических лиц правоспособность и дееспособность совпадают в одном лице, так как они самостоятельно своими фактическими действиями приобретают для себя права и обязанности). Данное предложение полностью соответствует гражданскому законодательству, согласно которому именно органы приобретают права и обязанности для своих юридических лиц и публичных образований.

Вывод: такое разделение правоспособности и дееспособности позволит исключить появление научных теорий о наличии у органов публичных образований собственной правоспособности.

Как следствие, для органов юридических лиц и публичных образований очень важно четко определить их компетенцию, дабы исключить ее пересечение. И только тот орган, у которого есть полномочие на совершение конкретного действия (например, право на заключение сделок купли-продажи недвижимости), обладает дееспособностью по данному вопросу. Это поможет избежать споров между органами юридических лиц и органами публичных образований о совершении ими одинаковых сделок, так как данный вопрос будет решен на стадии определения их дееспособности. Хотя возможен вариант,

¹ Гражданское право: в 2 т.: учеб. / отв. ред. Е. А. Суханов. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1998. Т. 1. С. 189.

² Гражданское право. Часть первая / под общ. ред. Т. И. Илларионовой, Б. М. Гонгалов и В. А. Плетнева. С. 140.

при котором одновременно несколько органов будут обладать полномочиями (дееспособностью) на совершение одинаковых сделок.

2. Хорошим ограничителем, не позволяющим признавать органы публичных образований самостоятельными участниками гражданско-правовых отношений, может стать наличие всего одного основного вещного права на имущество – права собственности. Отсутствие иных вещных прав на имущество не позволит придумать иных субъектов гражданско-правовых отношений, так как в противном случае у двух субъектов (например, у самого публичного образования и у органа публичного образования как юридического лица) на праве собственности будет находиться одно и то же имущество, что явно выходит за рамки классического учения о праве собственности.

Вывод: наличие права собственности на имущество у субъекта гражданско-правовых отношений исключает возможность наделения правом собственности на это же имущество иного субъекта.

Отсюда представляется возможным трансформировать отечественное учение о вещных правах, исключив наличие иных вещных прав на имущество, кроме права собственности и сервитута, а в целях обеспечения сохранности имущества, находящегося у предприятий и учреждений, предусмотреть возможность ограничения одного или двух правомочий собственника – правомочий распоряжения и (или) пользования имуществом. Тем самым можно пресечь создание лжесубъектов и в то же время ограничить случаи нерационального использования государственного или муниципального имущества.

В заключение обратим внимание на то, что ряд авторов наделяют новым гражданско-правовым статусом не только органы публичных образований, но и сами публичные образования, занимая три позиции по данному вопросу. Представители первой исходят из того, что непосредственно публичное образование не является субъектом гражданско-правовых отношений¹. Вторая позиция предусматривает, что публичное образование, будучи субъектом гражданско-правовых отношений, есть юридическое лицо² (ради справедливости следует отметить, что часть работ авторов, разделяющих данную позицию, были написаны ими в период, когда публичные образования еще не были включены гражданским законодательством в перечень самостоятельных субъектов гражданских правоотношений). И, наконец, третья позиция презюмирует, что публичное образование, будучи субъектом гражданско-правовых отношений, выступает квазигиридрическим лицом³.

Не вдаваясь в обсуждение данных позиций, отметим, что если в отношении органов публичных образований новые подходы объяснимы, так как таких субъектов гражданское законодательство не знает, то в отношении публичных образований эти позиции вообще ни на чем не основаны. Публичные образования прямо названы ГК РФ самостоятельными субъектами гражданско-правовых отношений и соответственно имеют собственный гражданско-правовой статус, не схожий ни с каким другим. Зачем усложнять их гражданско-правовой статус самостоятельного субъекта гражданско-правовых отношений, не очень понятно.

Кроме того, если в наличии гражданско-правового статуса органов публичных образований как юридических лиц заинтересованы их руководители, то в наделении таким статусом публичных образований даже практический интерес не прослеживается. На

¹ См., например: *Пятков Д. В.* Гражданская правосубъектность хозяйственных публичных организаций и ее реализация при разграничении собственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Новосибирск, 1999.

² См., например: *Мревлишвили И. Г.* Предмет и система советского социалистического гражданского права // Сов. государство и право. 1954. № 8. С. 119; *Братусь С. Н.* Юридическая личность государства и бюджетных учреждений. С. 17; *Оппенгейм Л.* Международное право. М., 1948. Т. 1. С. 309–315; *Комягин Д.* Правовые механизмы недопущения роста задолженности бюджета // ЭЖ-Юрист. 2000. № 10. С. 8.

³ *Андреев Ю. Н.* Участие государства в гражданско-правовых отношениях. М., 2005. С. 2.

наш взгляд, данные позиции искажают классическую доктрину гражданского права, не привнося в нее ничего нового.

Список литературы

- Michoud L.* La Théorie De La Personnalité Morale Et Son Application Au Droit Français. P., 1924.
- Абдулваганова Р. Р. Правовое положение публично-правовых образований в гражданско-правовых обязательствах: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2008.
- Александров Н. Г. Законность и правоотношения в социалистическом обществе. М., 1955.
- Александров Н. Г. Правовые отношения в социалистическом обществе. М., 1959.
- Андреев Ю. Н. Участие государства в гражданско-правовых отношениях. М., 2005.
- Артёмов В. Органы местного самоуправления как субъекты гражданского права // Хозяйство и право. 2003. № 3.
- Аскназий С. И. Об основаниях правовых отношений между государственными социалистическими организациями // Учен. зап. Ленинград. юрид. ин-та. Л., 1947. Вып. IV.
- Белых В. С. К вопросу о юридическом лице публичного права // Бизнес, менеджмент и право. 2007. № 3.
- Белых В. С. Особенности гражданской правоспособности органов федерального казначейства // Тезисы выступлений участников научно-практической конференции (г. Екатеринбург, 15 октября 2002 года). Екатеринбург, 2002.
- Болдырев В. А. Публичные образования и органы власти как участники правоотношений в концепции развития законодательства о юридических лицах // Право и экономика. 2009. № 7.
- Брагинский М. И. Участие Советского государства в гражданских правоотношениях. М., 1981.
- Братусь С. Н. Субъекты гражданского права. М., 1950.
- Братусь С. Н. Юридическая личность государства и бюджетных учреждений // Учен. тр. Всесоюзного ин-та юрид. наук Министерства юстиции СССР. М., 1947. Вып. IX.
- Братусь С. Н. Юридические лица в советском гражданском праве. М., 1947.
- Венедиктов А. В. Государственная социалистическая собственность. М.; Л., 1948.
- Венедиктов А. В. Государственные юридические лица в СССР // Сов. государство и право. 1940. № 10.
- Головизнин А. А. Некоторые вопросы участия в гражданском обороте органов государственной власти (местного самоуправления) // Хозяйство и право. 1999. № 6.
- Голубцов В. Г. Государство как частноправовой субъект: правовая природа и особенности // Журн. рос. права. 2010. № 10.
- Голубцов В. Г. Участие Российской Федерации в имущественных отношениях, регулируемых гражданским законодательством: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008.
- Гражданское право России: курс лекций. Часть первая / под ред. О. Н. Садикова. М., 1996.
- Гражданское право. Часть первая: учеб. / под ред. Ю. К. Толстого, А. П. Сергеева. М., 1996.
- Гражданское право: в 2 т.: учеб. / отв. ред. Е. А. Суханов. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1998. Т. 1.
- Гражданское право. Часть первая: учеб. для вузов / под общ. ред. Т. И. Илларионовой, Б. М. Гонгалов и В. А. Плетнева. М., 1998.
- Грось Л. А. Участие публичных образований в гражданских правоотношениях – правовых и процессуальных // Рос. право. 1999. № 3.
- Жабреев М. В. Способы образования юридических лиц: теория, практика и нормативное регулирование // Электрон. прил. к «Российскому юридическому журналу». 2016. № 6; 2017. № 1.
- Жабреев М. В. Публичные образования и их органы: гражданско-правовой статус и участие в гражданских правоотношениях // Цивилистические записки: межвуз. сб. науч. тр. М., 2001.
- Иоффе О. С. Развитие цивилистической мысли в СССР. Л., 1975. Ч. 1.
- Камалов О. А. Гражданская правосубъектность муниципальных образований: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2001.
- Кантор Н. Е. О государственных органах как юридических лицах публичного права // Хозяйство и право. 2005. № 4.
- Кечекьян С. Ф. Правоотношения в социалистическом обществе. М., 1958.
- Козлова Н. В. Понятие и сущность юридического лица. Очерк истории и теории: учеб. пособие. М., 2003.
- Козлова С. А. Являются ли органы государственной власти юридическими лицами? // Адм. право и процесс. 2012. № 6.
- Комягин Д. Правовые механизмы недопущения роста задолженности бюджета // ЭЖ-Юрист. 2000. № 10.

Красавчиков О. А. Юридические факты в советском гражданском праве // Красавчиков О. А. Категории науки гражданского права: избр. тр.: в 2 т. 2-е изд. М., 2017. Т. 2.

Кузнецов С. Категория «юридическое лицо публичного права» в российской юриспруденции // Гос. служба. 2014. № 6.

Курс советского гражданского права / под ред. П. И. Стучки. М., 1931. Т. 2.

Малый А. Ф., Малая Т. Н. Исполнительные органы государственной власти как юридические лица // Конституционные основы организации и функционирования институтов публичной власти в Российской Федерации: материалы Всерос. науч.-практ. конф. 20–21 апреля 2000 года. Екатеринбург, 2001.

Мариян В. Г. Некоторые проблемы правосубъектности публично-правовых образований: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.

Мартемьянов В. С. Местные Советы и их исполнительные органы как юридические лица. М., 1975.

Матанцев И. В., Камалов О. А. Конституционные принципы реализации гражданской правоспособности муниципальных образований // Конституционные основы организации и функционирования институтов публичной власти в Российской Федерации: материалы Всерос. науч.-практ. конф. 20–21 апреля 2000 года. Екатеринбург, 2001.

Минх Г. В. Соотношение публично-правового и частноправового в статусе федеральных органов исполнительной власти // Публичное и частное право: проблема развития и взаимодействия, законодательного выражения и юридической практики: материалы Всерос. науч.-практ. конф. 23–24 апреля 1998 года. Екатеринбург, 1999.

Мицкевич А. В. Субъекты советского права. М., 1962.

Мревлишвили И. Г. Предмет и система советского социалистического гражданского права // Сов. государство и право. 1954. № 8.

Намаев Т. Ф. Особенности правового статуса публично-правовых образований как субъектов гражданского права // Соц.-полит. науки. 2014. № 2.

Оппенгейм Л. Международное право. М., 1948. Т. 1.

Пипник Т. Д. Обзор практики пересмотра апелляционной инстанцией судебных актов по спорам с участием органов государственного управления и местного самоуправления // Вестн. Высшего Арбитражного Суда Рос. Федерации. 1999. № 11.

Правдин Д. Г. Органы местного самоуправления как юридические лица // Пробелы в рос. законодательстве. 2011. № 2.

Пушкин А. А. Субъекты гражданского права (текст лекций). Харьков, 1974.

Пятков Д. В. Гражданская правосубъектность хозяйственных публичных организаций и ее реализация при разграничении собственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Новосибирск, 1999.

Романовская О. В. Совет муниципальных образований – юридическое лицо публичного права // Рос. юстиция. 2014. № 8.

Советское гражданское право: учеб. для вузов: в 2 т. / под ред. О. А. Красавчикова. 3-е изд., испр. и доп. М., 1985. Т. 1.

Тихонова М. М. Генезис понятия «юридическое лицо» в науке и законодательстве // Юридические науки: проблемы и перспективы: материалы III междунар. науч. конф. Казань, 2015.

Толстой Ю. К. О государственных юридических лицах в СССР // Вестн. Ленинград. гос. ун-та. 1955. № 3.

Федоренко Н. В., Пипник Т. Д. Обзор практики пересмотра апелляционной инстанцией судебных актов по спорам с участием органов государственного управления и местного самоуправления // Вестн. Высшего Арбитражного Суда Рос. Федерации. 1999. № 11.

Цыганков Э. Публичное и частное в налоговом законодательстве // ЭЖ-Юрист. 2000. № 42.

Чиркин В. Е. О понятии и классификации юридических лиц публичного права // Журн. рос. права. 2010. № 6.

Щербакова Ю. В. К вопросу о министерстве как юридическом лице // Адвокат. 2003. № 12.

Якушев В. С. О самостоятельности института права государственной социалистической собственности и его государственно-правовой природе // Сб. науч. тр. Свердлов. юрид. ин-та. Свердловск, 1970. Вып. 13.

References

Abdulvaganova R. R. Pravovoe polozhenie publichno-pravovykh obrazovaniy v grazhdansko-pravovykh obyazatel'stvax: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Kazan', 2008.

Aleksandrov N. G. Pravovye otnosheniya v socialisticheskom obshchestve. M., 1959.

- Aleksandrov N. G.* Zakonnost' i pravootnosheniya v socialisticheskom obshchestve. M., 1955.
- Andreev Yu. N.* Uchastie gosudarstva v grazhdansko-pravovykh otnosheniyakh. M., 2005.
- Artemov V.* Organy mestnogo samoupravleniya kak sub"ekty grazhdanskogo prava // *Xozyajstvo i pravo*. 2003. № 3.
- Asknazij S. I.* Ob osnovaniyakh pravovykh otnoshenij mezhdru gosudarstvennymi socialisticheskimi organizatsiyami // *Uchen. zap. Leningrad. yurid. in-ta. L.*, 1947. Vyp. IV.
- Belyx V. S.* K voprosu o yuridicheskom lice publichnogo prava // *Biznes, menedzhment i pravo*. 2007. № 3.
- Belyx V. S.* Osobennosti grazhdanskoj pravospособnosti organov federal'nogo kaznachejstva // *Tezisy vystuplenij uchastnikov nauchno-prakticheskoy konferencii (g. Ekaterinburg, 15 oktyabrya 2002 goda)*. Ekaterinburg, 2002.
- Boldyrev V. A.* Publichnye obrazovaniya i organy vlasti kak uchastniki pravootnoshenij v koncepcii razvitiya zakonodatel'stva o yuridicheskikh licax // *Pravo i ehkonomika*. 2009. № 7.
- Braginskij M. I.* Uchastie Sovetskogo gosudarstva v grazhdanskikh pravootnosheniyakh. M., 1981.
- Bratus' S. N.* Sub"ekty grazhdanskogo prava. M., 1950.
- Bratus' S. N.* Yuridicheskaya lichnost' gosudarstva i byudzhethnykh uchrezhdenij // *Uchen. tr. Vsesoyuznogo in-ta yurid. nauk Ministerstva yusticii SSSR*. M., 1947. Vyp. IX.
- Bratus' S. N.* Yuridicheskie lica v sovetskom grazhdanskom prave. M., 1947.
- Chirkin V. E.* O ponyatii i klassifikacii yuridicheskikh lic publichnogo prava // *Zhurn. ros. prava*. 2010. № 6.
- Cygankov Eh.* Publichnoe i chastnoe v nalogovom zakonodatel'stve // *EhZh-Yurist*. 2000. № 42.
- Fedorenko N. V., Pipnik T. D.* Obzor praktiki peresmotra apellyacionnoj instanciej sudebnykh aktov po sporam s uchastiem organov gosudarstvennogo upravleniya i mestnogo samoupravleniya // *Vestn. Vysshego Arbitrazhnogo Suda Ros. Federacii*. 1999. № 11.
- Goloviznin A. A.* Nekotorye voprosy uchastiya v grazhdanskom oborote organov gosudarstvennoj vlasti (mestnogo samoupravleniya) // *Xozyajstvo i pravo*. 1999. № 6.
- Golubcov V. G.* Uchastie Rossijskoj Federacii v imushhestvennykh otnosheniyakh, reguliruemym grazhdanskim zakonodatel'stvom: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. M., 2008.
- Golubcov V. G.* Gosudarstvo kak chastnopravovoj sub"ekt: pravovaya priroda i osobennosti // *Zhurn. ros. prava*. 2010. № 10.
- Grazhdanskoe pravo Rossii: kurs lekcij. Chast' pervaya / pod red. O. N. Sadikova. M., 1996.
- Grazhdanskoe pravo. Chast' pervaya: ucheb. / pod red. Yu. K. Tolstogo, A. P. Sergeeva. M., 1996.
- Grazhdanskoe pravo. Chast' pervaya: ucheb. dlya vuzov / pod obshh. red. T. I. Illarionovoj, B. M. Gongalo i V. A. Pletneva. M., 1998.
- Grazhdanskoe pravo: v 2 t.: ucheb. / otv. red. E. A. Suxanov. 2-e izd., pererab. i dop. M., 1998. T. 1.
- Gros' L. A.* Uchastie publichnykh obrazovaniy v grazhdanskikh pravootnosheniyakh – pravovykh i processual'nykh // *Ros. pravo*. 1999. № 3.
- Ioffe O. S.* Razvitie civilisticheskoy mysli v SSSR. L., 1975. Ch. 1.
- Kamalov O. A.* Grazhdanskaya pravosub"ektnost' municipal'nykh obrazovaniy: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Ekaterinburg, 2001.
- Kantor N. E.* O gosudarstvennykh organakh kak yuridicheskikh licax publichnogo prava // *Xozyajstvo i pravo*. 2005. № 4.
- Kechek'yan S. F.* Pravootnosheniya v socialisticheskom obshchestve. M., 1958.
- Komyagin D.* Pravovye mexanizmy nedopushheniya rosta zadolzhennosti byudzheta // *EhZh-Yurist*. 2000. № 10.
- Kozlova N. V.* Ponyatie i sushhnost' yuridicheskogo lica. Ocherk istorii i teorii: ucheb. posobie. M., 2003.
- Kozlova S. A.* Yavlyayutsya li organy gosudarstvennoj vlasti yuridicheskimi licami? // *Adm. pravo i process*. 2012. № 6.
- Krasavchikov O. A.* Yuridicheskie fakty v sovetskom grazhdanskom prave // *Krasavchikov O. A.* Kategorii nauki grazhdanskogo prava: izbr. tr.: v 2 t. 2-e izd. M., 2017. T. 2.
- Kurs sovetskogo grazhdanskogo prava / pod red. P. I. Stuchki. M., 1931. T. 2.
- Kuznecov S.* Kategoriya «yuridicheskoe lico publichnogo prava» v rossijskoj yurisprudencii // *Gos. sluzhba*. 2014. № 6.
- Mal'j A. F., Malaya T. N.* Ispolnitel'nye organy gosudarstvennoj vlasti kak yuridicheskie lica // *Konstitucionnye osnovy organizacii i funkcionirovaniya institutov publichnoj vlasti v Rossijskoj Federacii: materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. 20–21 aprelya 2000 goda*. Ekaterinburg, 2001.
- Mariyan V. G.* Nekotorye problemy pravosub"ektnosti publichno-pravovykh obrazovaniy: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2006.

- Martem'yanov V. S.* Mestnye Sovety i ix ispolnitel'nye organy kak yuridicheskie lica. M., 1975.
- Matancev I. V., Kamalov O. A.* Konstitucionnye principy realizacii grazhdanskoj pravosposobnosti municipal'nyx obrazovaniy // Konstitucionnye osnovy organizacii i funkcionirovaniya institutov publichnoj vlasti v Rossijskoj Federacii: materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. 20–21 aprelya 2000 goda. Ekaterinburg, 2001.
- Michoud L.* La Théorie De La Personnalité Morale Et Son Application Au Droit Français. P., 1924.
- Mickevich A. V.* Sub"ekty sovetskogo prava. M., 1962.
- Minx G. V.* Sootnoshenie publichno-pravovogo i chastnopravovogo v statuse federal'nyx organov ispolnitel'noj vlasti // Publichnoe i chastnoe pravo: problema razvitiya i vzaimodejstviya, zakonodatel'nogo vyrasheniya i yuridicheskoy praktiki: materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. 23–24 aprelya 1998 goda. Ekaterinburg, 1999.
- Mrevlishvili I. G.* Predmet i sistema sovetskogo socialisticheskogo grazhdanskogo prava // Sov. gosudarstvo i pravo. 1954. № 8.
- Namaev T. F.* Osobennosti pravovogo statusa publichno-pravovykh obrazovaniy kak sub"ektov grazhdanskogo prava // Soc.-polit. nauki. 2014. № 2.
- Oppengejm L.* Mezhdunarodnoe pravo. M., 1948. T. 1.
- Pipnik T. D.* Obzor praktiki peresmotra apellyacionnoj instanciej sudebnyx aktov po sporam s uchastiem organov gosudarstvennogo upravleniya i mestnogo samoupravleniya // Vestn. Vysshego Arbitrazhnogo Suda Ros. Federacii. 1999. № 11.
- Pravdin D. G.* Organy mestnogo samoupravleniya kak yuridicheskie lica // Probely v ros. zakonodatel'stve. 2011. № 2.
- Pushkin A. A.* Sub"ekty grazhdanskogo prava (tekst lekcij). Xar'kov, 1974.
- Pyatkov D. V.* Grazhdanskaya pravosub"ektnost' xozyajstvennyx publichnyx organizacij i ee realizaciya pri razgranichenii sobstvennosti: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Novosibirsk, 1999.
- Romanovskaya O. V.* Sovet municipal'nyx obrazovaniy – yuridicheskoe lico publichnogo prava // Ros. yusticiya. 2014. № 8.
- Shherbakova Yu. V.* K voprosu o ministerstve kak yuridicheskom lice // Advokat. 2003. № 12.
- Sovetskoe grazhdanskoe pravo: ucheb. dlya vuzov: v 2 t. / pod red. O. A. Krasavchikova. 3-e izd., ispr. i dop. M., 1985. T. 1.
- Tixonova M. M.* Genezis ponyatiya «yuridicheskoe lico» v nauke i zakonodatel'stve // Yuridicheskie nauki: problemy i perspektivy: materialy III mezhdunar. nauch. konf. Kazan', 2015.
- Tolstoj Yu. K.* O gosudarstvennyx yuridicheskix licax v SSSR // Vestn. Leningrad. gos. un-ta. 1955. № 3.
- Venediktov A. V.* Gosudarstvennaya socialisticheskaya sobstvennost'. M.; L., 1948.
- Venediktov A. V.* Gosudarstvennye yuridicheskie lica v SSSR // Sov. gosudarstvo i pravo. 1940. № 10.
- Yakushev V. S.* O samostoyatel'nosti instituta prava gosudarstvennoj socialisticheskoy sobstvennosti i ego gosudarstvenno-pravovoj prirode // Sb. nauch. tr. Sverdlov. yurid. in-ta. Sverdlovsk, 1970. Vyp. 13.
- Zhabreev M. V.* Publichnye obrazovaniya i ix organy: grazhdansko-pravovoj status i uchastie v grazhdanskix pravootnosheniyax // Civilisticheskie zapiski: mezhvuz. sb. nauch. tr. M., 2001.
- Zhabreev M. V.* Sposoby obrazovaniya yuridicheskix lic: teoriya, praktika i normativnoe regulirovanie // Ehlektron. pril. k «Rossijskomu yuridicheskomu zhurnalu». 2016. № 6; 2017. № 1.

ПРАВОВОЙ СТАТУС РАЗЪЯСНЕНИЙ ВЫСШИХ СУДОВ ПО ЧАСТНОПРАВОВЫМ СПОРАМ

Степкин Станислав Павлович

Кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
Российского государственного социального университета (Москва),
e-mail: stepkin.sciences@gmail.com

Статья посвящена роли разъяснений высших судебных органов в правовой системе Российской Федерации. Автор отстаивает мнение о недопустимости признания за разъяснениями, даваемыми судами высших инстанций, роли прецедента, утверждая тем самым, что эти разъяснения не могут иметь правовой статус источников права. На основе анализа правовой доктрины континентального и англосаксонского права автор делает вывод о невозможности экстраполирования институтов английского права на российскую правовую действительность.

Ключевые слова: прецедент, разъяснения суда, принципы судопроизводства, континентальная система прав, источник права, гражданское право, частное право

THE LEGAL STATUS OF HIGHER JUDICIAL BODIES' CLARIFICATIONS ON PRIVATE LEGAL DISPUTES

Stepkin Stanislav

Russian State Social University (Moscow),
e-mail: stepkin.sciences@gmail.com

The article is devoted to the role of clarifications of higher judicial bodies in the Russian legal system. The author assumes that the clarifications given by higher judicial bodies couldn't be considered as precedents. He analyzes the legal doctrine of continental and Anglo-Saxon law and, on this basis, makes a conclusion that the institutions of English law shouldn't be extrapolated to the Russian legal ground.

Key words: precedent, court clarification, principles of justice, continental rights system, source of law, civil law, private law

Среди как практикующих юристов, так и специалистов в области теории частного права, в первую очередь его процессуальных отраслей, продолжается дискуссия по вопросу о правовом статусе разъяснений высших судебных органов Российской Федерации в процессе рассмотрения и разрешения гражданских дел арбитражными судами и судами общей юрисдикции. Обоснованное беспокойство вызывает то, что суды все более свободны в трактовке норм закона и могут даже ее полностью трансформировать (исказить)¹. Мы не будем останавливаться на уже многочисленных фактах того, как выработанные Пленумом Верховного Суда РФ правила, по существу, реализуются на практике как новые нормы права. Их подробный анализ уже дан в литературе, где авторы пытаются уловить грань между толкованием Верховным Судом РФ действующих норм и созданием новых. Примечательно, что большинство склоняется к тому, что эта грань

¹ Один из типичных примеров – применение ч. 4 ст. 137 АПК РФ. На практике стороны заявляют ходатайство о нерассмотрении дела, но суд вопреки воле сторон его рассматривает, а «законность» такого подхода подтверждается в апелляционной инстанции.

«размыта, но она существует»¹. Такая виртуальность, однако, очевидно свидетельствует об отсутствии всяких границ.

Спор о признании актов высших судебных органов источниками гражданского права в отечественной цивилистике ведется на протяжении 60 лет. Так, в работе С. И. Вильнянского приводится полемика ведущих советских процессуалистов по вопросу признания разъяснений высших судебных органов источниками права². М. Д. Шаргородский, С. Ф. Кечекьян и др., относя постановления высших судов к источникам права, указывали, что разъяснения Пленума Верховного Суда СССР даются по наиболее общим вопросам и восполняют действующее право³.

М. С. Строгович и С. А. Голунский, напротив, утверждали, что пленарные разъяснения не являются источниками права, так как их функция – обобщение типичных ошибок в правоприменительной деятельности, указание на способы их преодоления и иные методические вопросы применения законодательства⁴. Однако сегодня деятельность высших судов не сводится исключительно к коррекции принятых нижестоящими судами решений. В частности, С. И. Вильнянский исходил из того, что функции высших судов не ограничиваются лишь надзором за нижестоящими судами. Это так, однако в современной практике решения вышестоящих судов, включая общие положения, обязательны к применению всеми судами, т. е. прямо отождествляются с источниками права.

Данный подход представляется ошибочным из-за неправильного понимания правовой природы судебного решения и источника права. Похожая ошибка допускается юристами при разрешении вопроса о соотношении закона и договора.

В цивилистической литературе существует концепция «трансформации» норм закона в нормы договора. В соответствии с ней правовые нормы, воздействуя на договор, сами превращаются в нормы договора⁵. Вместе с тем, как справедливо полагает М. Ф. Казанцев, нормы закона ни во что не трансформируются, а используются участниками договора, которые своим волеизъявлением избирают положения законодательства, соответствующие их экономическим интересам и способные урегулировать возникшие общественные отношения. В данном случае мы наблюдаем смешение понятий «объективное право» и «субъективное право», но никак не трансформацию.

В рамках вопроса о признании судебных актов источниками права также нередко наблюдается смешение понятий. В теории административного права используются понятия «управленческий акт», «руководящий нормативный акт», которые, как известно, обладают более узкой сферой реализации, принимаются в упрощенном порядке по сравнению с законами и применяются для регулирования управленческих отношений либо разрешения конкретного спора (дела)⁶. В связи с этим представляется, что для судебных органов разъяснения высших судебных инстанций являются разновидностью управленческих актов, но не источником права. Можно согласиться с М. Ф. Казанцевым в том,

¹ Лепихина Н. В. Толкование норм права в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации // Вестн. Перм. гос. науч. исследоват. ун-та. 2016. № 28. С. 128.

² Вильнянский С. И. Значение руководящих разъяснений Пленума Верховного суда СССР // Учен. зап. Харьков. юрид. ин-та / под ред. С. И. Вильнянского. Харьков, 1959. Вып. 13. С. 65.

³ Там же. С. 66.

⁴ Голунский С. А., Строгович М. С. Общая теория права. М., 1940. С. 185.

⁵ Казанцев М. Ф. Юридический механизм воздействия закона на содержание договора и договорного правоотношения // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отделения Рос. акад. наук, 2003. Екатеринбург, 2004. Вып. 4. С. 396–407.

⁶ Бахрах Д. Н., Россинский Б. В., Старилов Ю. Н. Административное право: учеб. для вузов. 2-е изд., изм. и доп. М., 2006. С. 353.

что такого рода акты издаются в форме постановлений для обеспечения единообразного применения законодательства Российской Федерации¹.

В современной процессуальной цивилистической литературе популярна точка зрения о переходе России к прецедентной системе как более эффективной, имеющей существенные преимущества перед нормативной и обеспечивающей стабильность правовых позиций судебных органов, последовательность развития права, фотографическое отображение проблем практики².

Вопрос о приемлемости первых англосаксонских процессуальных институтов на российской, традиционно романо-германской правовой почве требует пояснения. Историческое своеобразие формы выражения процессуальных и материальных источников права в Великобритании и ее доминионах обусловлено тем, что судебный прецедент и парламентский акт существуют здесь как два неразрывно связанных источника права³. Поэтому доводы сторонников прецедентного права о том, что судебское правотворчество возникает исключительно из самого себя, несостоятельны.

Изначально прецедентное право было похоже на римский гражданский процесс, где определяющую роль играла форма иска, а точнее формула, которую применял претор для защиты права истца. Несмотря на непризнание рецепции английским правом норм римского права, английский судебный процесс до судебной реформы 1873 г. чрезвычайно напоминал римский формулярный процесс⁴. По мере совершенствования английского процессуального права прецедентное право приобретало современные черты, а дело, рассмотренное апелляционной инстанцией для нижестоящих судебных органов, получало свойства источника права. Тем не менее полное отождествление судебного прецедента и руководящих разъяснений высших судебных органов, на которые уповают судьи как на российский аналог прецедента, представляется ошибочным по следующим причинам.

Использование прецедента означает не механическое следование позиции вышестоящих судов и применение законодательства в соответствии с постановлениями пленумов высших судов, основанными на обзоре практики, а разрешение спора путем выделения из судебного решения правовой позиции суда по делу и применения этой позиции к рассматриваемой ситуации. Доводы и логика судьи, ставшие основанием для вынесения решения, во внимание не принимаются⁵. Мы видим стремление руководствоваться именно нормой, т. е. оформленным мнением судьи. В свою очередь руководящие разъяснения судов высших инстанций в России представляют собой именно пространные обоснования применения тех или иных положений закона, а также критическую оценку решений, выносимых нижестоящими судами. Кроме того, постановления высших судебных органов выносятся на основании нормативных правовых актов, в связи с чем приобретают свойство законности, требуемое от всех судебных постановлений.

Судебное правотворчество выступает как акт применения аналогии закона, а не создания источника права, т. е. не является правотворчеством в общепринятом понимании. Распространено мнение, что к прецеденту в странах с кодифицированной системой права прибегают только в том случае, если спорное правоотношение, рассматриваемое судом, абсолютно уникально и не урегулировано ни одной из норм законодательства.

¹ О Верховном Суде Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ.

² Интервью А. А. Иванова // Законодательство. 2010. № 1. С. 8.

³ Кросс Р. Прецедент в английском праве. М., 1985. С. 11. Необходимо обратить внимание, что в доминионах действует прецедентная система права, отличная от собственно английской. Подробнее см.: Там же.

⁴ Давид Р. Основные правовые системы современности. М., 1988. С. 23.

⁵ Кросс Р. Указ. соч. С. 10.

Однако российское арбитражное и гражданское процессуальное законодательство, допуская аналогию закона, не разрешает применение решений иных судебных инстанций в качестве формы права. Согласно ст. 1 ГПК РФ, а также ст. 3 АПК РФ судопроизводство в соответствующих судах осуществляется сообразно законам. Аналогия закона представляет собой поиск и применение сходных норм, что очевидно свидетельствует о принадлежности российского права к романо-германской правовой семье, для которой характерны нормативность и кодификация.

Исторически развитие континентальной системы шло через рецепцию римского права, где в классический период (III в. до н. э. – IV в. н. э.) преобладал формулярный процесс, который, как было указано, напоминает прецедентное право. В свою очередь европейское право было реципировано именно из актов постклассического римского права, прежде всего из кодификации Юстиниана и разработанных по его поручению учебников для подготовки юристов Римской империи. Как известно, одной из задач кодификации, проведенной восточно-римскими юристами в период правления Юстиниана, была систематизация разрозненных норм римского права в единый кодифицированный правовой акт. Кроме того, при кодификации римского права необходимо было объединить две системы права: позитивного и естественного. На основе естественного права рассматривали дела, к сторонам которых применение национального позитивного права не допускалось. В итоге предпочтение было отдано именно позитивному праву, но в качестве основополагающих принципов в него вошли начала права естественного¹.

Похожий процесс наблюдался в англосаксонской системе права. Дуализм обычного и общего права привел к тому, что для англосаксонских судей в качестве общих начал ведения судебных дел выступали веления норманнских завоевателей, а также нормы общего права, возникшие на основе принятых судом, состоящим из коренных жителей британских островов, решений. Кроме этих норм, источником права, а именно процессуального, служила правовая доктрина, труды английского судьи Г. Брэктона (Брэттона), изложившего нормы обычного права в трактате «О законах и обычаях Англии»².

Вместе с тем в английском праве, повторим, нет прецедентов, возникших из самих себя. Решения судов функционируют, как правило, в качестве разъяснений парламентских актов, а не в качестве самостоятельного правотворчества судебных органов. Не следует игнорировать и то обстоятельство, что в англосаксонской правовой семье действует презумпция приоритета договора перед законом. Это означает, что стороны, руководствуясь общими началами права, имеют возможность формулировать условия договора, которые станут оригинальными, т. е. не будут встречаться в ранее рассмотренных судами делах. В данном случае прецедентное рассмотрение договорного спора позволяет разрешить его как вновь возникший казус³.

В подтверждение точки зрения о невозможности признания руководящих разъяснений высших судебных инстанций источниками права следует обратиться к общим принципам государственного устройства Российской Федерации, изложенным в Конституции. Так, самостоятельное правотворчество судебных инстанций вступает в явное противоречие со ст. 10 Конституции, декларирующей принцип самостоятельности и разделения ветвей государственной власти.

В советский период развития процессуального права суды подвергались справедливой критике за присвоение несвойственных им полномочий путем признания за их руководящими разъяснениями свойств закона. С наступлением «оттепели» партия об-

¹ Азаркин Н. М. Всеобщая история юриспруденции: курс лекций. М., 2003. С. 134.

² Джэнкс Э. Английское право. М., 1947. С. 21; Виноградов П. Г. Очерки по теории права. Римское право в средневековой Европе. М., 2010. С. 113.

³ Ансон В. Договорное право. М., 1984. С. 19.

ратила внимание на то, что Пленум Верховного Суда уполномочен только на дачу руководящих указаний по правильному применению законов или по применению права по аналогии, не выходя за пределы самого закона¹.

Полагаем, что одним из наиболее ценных свойств нормативного законодательства является его объективированность, т. е. существование в качестве источника права, принимаемого в установленных законом порядке и форме. Приобретение судебным прецедентом свойств и статуса источника права объясняется в литературе «неспособностью законодателя своевременно отслеживать меняющуюся действительность путем принятия абсолютно определенных норм», пробелами в праве, изменчивым подходом к праву как исключительно позитивному и, наконец, «неспособностью и невозможностью применения закона без однообразной, устойчивой судебной практики»². В связи с этим остро стоит вопрос «о реальности или виртуальности» судебной практики как источника российского права.

Так называемое судебное правотворчество³, как правило, конкретизировано и не обладает должной степенью абстрактности, в отличие от закона. Более того, в условиях объективно имеющегося, хотя и не закреплённого в позитивном праве разделения отраслей права на публичное и частное существование прецедентного права невозможно. Как известно, аналогия закона допускается только в частноправовых отраслях.

В настоящее время парадигма понимания правового статуса судебных органов кардинально изменилась. Неверно истолкованная независимость и несменяемость судей привела к их неоправданной «неуязвимости» перед действующим законодательством. Признание постановлений высших судебных органов источниками права, по нашему мнению, только усугубит сложившееся положение. Если ситуация не изменится, возьмем на себя смелость спрогнозировать не просто независимость судебных органов от закона, но и их отчуждение от общества.

Список литературы

Азаркин Н. М. Всеобщая история юриспруденции: курс лекций. М., 2003.

Ансон В. Договорное право. М., 1984.

Бахрах Д. Н., Россинский Б. В., Старилов Ю. Н. Административное право: учеб. для вузов. 2-е изд., изм. и доп. М., 2006.

Васильева Т. А. Судебное правотворчество в Российской Федерации // Вестн. Волжского ун-та им. В. Н. Татищева. 2009. № 70.

Вильнянский С. И. Значение руководящих разъяснений Пленума Верховного суда СССР // Учен. зап. Харьков. юрид. ин-та. / под ред. С. И. Вильнянского. Харьков, 1959. Вып. 13.

Виноградов П. Г. Очерки по теории права. Римское право в средневековой Европе. М., 2010.

Голунский С. А., Строгович М. С. Общая теория права. М., 1940.

Давид Р. Основные правовые системы современности. М., 1988.

Джэнкс Э. Английское право. М., 1947.

Интервью А. А. Иванова // Законодательство. 2010. № 1.

Казанцев М. Ф. Юридический механизм воздействия закона на содержание договора и договорного правоотношения // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отделения Рос. акад. наук, 2003. Екатеринбург, 2004. Вып. 4.

Кросс Р. Прецедент в английском праве. М., 1985.

Лепихина Н. В. Толкование норм права в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации // Вестн. Перм. гос. науч. исследоват. ун-та. 2016. № 28.

¹ Укрепление социалистической законности и юридическая наука // Коммунист. 1956. № 11. С. 19.

² Васильева Т. А. Судебное правотворчество в Российской Федерации // Вестн. Волжского ун-та им. В. Н. Татищева. 2009. № 70. С. 63.

³ О понятии «судебное правотворчество», в том числе о его соотношении с понятием «правотворчество» подробнее см.: Лившиц Р. З. Судебная практика как источник права. М., 1997. С. 14.

Лившиц Р. З. Судебная практика как источник права. М., 1997.

Укрепление социалистической законности и юридическая наука // Коммунист. 1956. № 11.

References

Anson V. Dogovornoe pravo. M., 1984.

Azarkin N. M. Vseobshhaya istoriya yurisprudencii: kurs lekcij. M., 2003.

Baxrax D. N., Rossinskij B. V., Starilov Yu. N. Administrativnoe pravo: ucheb. dlya vuzov. 2-e izd., izm. i dop. M., 2006.

David R. Osnovnye pravovye sistemy sovremennosti. M., 1988.

Dzhehnks Eh. Anglijskoe pravo. M., 1947.

Golunskij S. A., Strogovich M. S. Obshhaya teoriya prava. M., 1940.

Interv'yu A. A. Ivanova // Zakonodatel'stvo. 2010. № 1.

Kazancev M. F. Yuridicheskij mexanizm vozdejstviya zakona na sodержание dogovora i dogovornogo pravootnosheniya // Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. otdeleniya Ros. akad. nauk, 2003. Ekaterinburg, 2004. Vyp. 4.

Kross R. Precedent v anglijskom prave. M., 1985.

Lepixina N. V. Tolkovanie norm prava v postanovleniyax Plenuma Verxovnogo Suda Rossijskoj Federacii // Vestn. Perm. gos. nauch. issledovat. un-ta. 2016. № 28.

Livshic R. Z. Sudebnaya praktika kak istochnik prava. M., 1997.

Ukreplenie socialisticheskoy zakonnosti i yuridicheskaya nauka // Kommunist. 1956. № 11.

Vasil'eva T. A. Sudebnoe pravotvorchestvo v Rossijskoj Federacii // Vestn. Volzhskogo un-ta im. V. N. Tatishheva. 2009. № 70.

Vil'nyanskij S. I. Znachenie rukovodyashhix raz'yasnenij Plenuma Verxovnogo suda SSSR // Uchen. zap. Xar'kov. yurid. in-ta / pod red. S. I. Vil'nyanskogo. Xar'kov, 1959. Vyp. 13.

Vinogradov P. G. Ocherki po teorii prava. Rimskoe pravo v srednevekovoj Evrope. M., 2010.

**АТТЕСТАЦИЯ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ:
ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА****Елфимова Елена Владимировна**

Кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права
Уральского государственного экономического университета (Екатеринбург), e-mail: Elfimovaav@mail.ru

Софронова Анастасия Юрьевна

Психолог отдела по работе с личным составом Курганского линейного отдела
МВД России на транспорте (Курган), e-mail: nas59681@yandex.ru

С учетом особенностей правового регулирования службы в органах внутренних дел предложено определение понятия «аттестация сотрудника органов внутренних дел». Сформулированы предложения о необходимости проведения аттестации в случае исключения сотрудника органов внутренних дел из кадрового резерва за ненадлежащее исполнение своих должностных обязанностей; об обеспечении единства требований к порядку зачисления и исключения из кадрового резерва; об уточнении срока проведения аттестации в отношении ранее прикомандированного сотрудника органов внутренних дел, прибывшего по месту постоянной службы по истечении срока прикомандирования; об обеспечении согласованности и непротиворечивости законодательства при применении некоторых мер поощрения сотрудников органов внутренних дел; о целесообразности представления на заседание аттестационной комиссии заключения психолога, что позволит всесторонне оценить личность аттестуемого сотрудника органов внутренних дел.

Ключевые слова: аттестация, мотивированный отзыв, прохождение службы в органах внутренних дел, прикомандирование сотрудника органов внутренних дел, меры поощрения, личные и деловые качества сотрудника органов внутренних дел

**CERTIFICATION OF THE INTERNAL AFFAIRS STAFF:
ISSUES OF LEGISLATION IMPROVEMENT****Elfimova Elena**

Ural State Economic University (Yekaterinburg), e-mail: Elfimovaav@mail.ru

Sofronova Anastasiya

Kurgan Line Department of the Ministry of the Interior of Russia on Transport (Kurgan),
e-mail: Nas59681@yandex.ru

In the light of specific features of the legal regulation of the service in internal affairs bodies the authors propose their own definition of the concept of certification of the internal affairs staff. They point out the necessity of certification when an employee of internal affairs bodies was excluded from the staff reserve for improper performance of his duties; of ensuring the unified requirements for the procedure of enrollment and expulsion from the staff reserve; of specifying the term of certification for a previously seconded employee of internal affairs bodies arrived at the place of permanent service upon the expiration of the term of secondment; of ensuring the coherence of laws on certain measures to encourage employees of internal affairs bodies; of presenting a psychologist's conclusion to a meeting of the certification commission, which would help assess comprehensively the personal characteristics of a certified employee.

Key words: certification, motivated feedback, service in internal affairs bodies, secondment of an employee of internal affairs bodies, encouraging measures, personal and business characteristics of an employee of internal affairs bodies

Аттестация – обязательный элемент прохождения любого вида государственной службы, в том числе службы в органах внутренних дел (далее – ОВД). В соответствии со ст. 33 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342 «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты» (далее – Закон о службе в ОВД) цель проведения аттестации заключается в определении соответствия сотрудника ОВД замещаемой им должности в ОВД. Аттестация является обязательной и проводится планово раз в четыре года, а в некоторых случаях – вне очереди, например если сотрудник не прошел проверку на профессиональную пригодность к действиям в условиях, связанных с применением физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия (ч. 2, п. 4 ч. 4 ст. 33 Закона о службе в ОВД).

В науке административного права большое внимание уделяется государственной гражданской службе, о чем свидетельствует количество диссертаций и публикаций на эту тему в ведущих рецензируемых журналах, а военная или иные виды государственной службы, как правило, не пользуются таким интересом научного сообщества. Так, к вопросам аттестации государственных гражданских служащих обращались видные ученые-административисты¹. Понятие аттестации в основном определяется ими через указание на цели ее проведения. А. А. Гришковец считает, что «аттестация гражданского служащего – это административно-правовая форма периодической оценки его профессиональных и личностных качеств, процессов и результатов профессиональной и служебной деятельности, проводимой в целях определения соответствия гражданского служащего замещаемой должности гражданской службы, выявления возможности замещения им вышестоящей должности, а также в целях повышения эффективности и результативности профессиональной служебной деятельности гражданского служащего».

Непосредственно понятию «аттестация сотрудника ОВД» должного внимания в юридической литературе не уделяется. Учитывая приведенное выше определение понятия аттестации гражданского служащего и особенности аттестации в ОВД, предлагаем понимать под аттестацией сотрудника ОВД регламентированную Законом о службе в ОВД и нормативными правовыми актами МВД России процедуру, осуществляемую специально созданным коллегиальным органом (аттестационной комиссией) для определения соответствия сотрудника замещаемой должности в ОВД, проводимую на основе принципов исключения возможности возникновения конфликта интересов, всесторонности, объективности, коллегиальности, полноты, завершающуюся вынесением аттестационной комиссией рекомендаций, на основе которых уполномоченный руководитель принимает решение о дальнейшем прохождении службы аттестуемым сотрудником ОВД. Проведение аттестации позволяет снизить влияние субъективного фактора в оценке кадров ОВД, расторгнуть контракт с нерадивыми сотрудниками, не соответствующими занимаемой должности, выявить сотрудников, работающих результативно и с максимальной отдачей, рекомендовать их к поощрению, перемещению на вышестоящую должность².

Законодательство, регламентирующее правовые основы деятельности правоохранительных органов и прохождения службы в них, далеко от совершенства, и хотя степень урегулированности служебных правоотношений во всех видах государственной службы с каждым годом повышается, принимаются новые законы, исправляются действующие, по-прежнему немало вопросов требует разрешения. Не будем утверждать, что от определенности, ясности и непротиворечивости законодательства о службе в правоохрани-

¹ Овсянко Д. М. Государственная служба Российской Федерации: учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2002. С. 123; Гришковец А. А. Государственная гражданская служба: учеб. курс / отв. ред. Н. Ю. Хаманева. М., 2014. С. 397.

² Занина Т. М., Набиев В. В. Проблемы правового регулирования проведения аттестации сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации // Адм. право и процесс. 2016. № 9. С. 30–32.

тельных органах напрямую зависит правопорядок в стране, но некоторое влияние здесь присутствует. Поэтому правовые нормы, регламентирующие аттестацию сотрудников ОВД, нуждаются в дальнейшем совершенствовании.

Следует разрешить вопрос, связанный с отсутствием в законодательстве требования о необходимости проведения аттестации в случае исключения сотрудника ОВД из кадрового резерва за ненадлежащее исполнение своих должностных обязанностей.

Напомним, что кадровый резерв в ОВД формируется для замещения должностей высшего начальствующего состава и руководителей (начальников) из числа среднего и старшего начальствующего состава (ч. 1 ст. 78 Закона о службе в ОВД). При принятии решения о включении сотрудника в кадровый резерв предусмотрено проведение его аттестации, по итогам которой выносится рекомендация о соответствии сотрудника замещаемой должности и целесообразности включения его в кадровый резерв для замещения должности руководителя (начальника) (п. 3 ч. 13 ст. 33 Закона о службе в ОВД). Указанная рекомендация выступает основанием для принятия уполномоченным руководителем решения о включении сотрудника в кадровый резерв для замещения вышестоящей должности в ОВД (п. 1 ч. 16 ст. 33 Закона о службе в ОВД).

Согласно Порядку формирования кадровых резервов МВД России, его территориальных органов и подразделений, утвержденному приказом МВД России от 30 августа 2012 г. № 827 (далее – Порядок формирования кадровых резервов МВД России), сотрудник ОВД подлежит исключению из кадрового резерва за неудовлетворительное выполнение своих служебных обязанностей, снижение уровня и результатов служебной деятельности. Однако законодательством не устанавливается процедура исключения сотрудника ОВД из кадрового резерва по указанному основанию.

Вместе с тем вопросы, касающиеся профессионализма и компетентности, качества выполнения служебных обязанностей, оценки результатов служебной деятельности сотрудников ОВД (ч. 2 ст. 75 Закона о службе в ОВД) являются предметом рассмотрения на заседании аттестационной комиссии. При этом непосредственный руководитель вправе инициировать проведение внеочередной аттестации, указав в мотивированном отзыве¹ конкретные упущения и недостатки, послужившие основанием для проведения аттестации.

В ч. 13 ст. 33 Закона о службе в ОВД законодатель перечисляет рекомендации, которые вправе принять аттестационная комиссия по итогам проведения аттестации. Среди них нет той, которая позволяла бы исключить сотрудника из кадрового резерва за неудовлетворительное выполнение своих служебных обязанностей, снижение уровня и результатов служебной деятельности, несмотря на то что п. 23 Порядка формирования кадровых резервов МВД России устанавливает такие отрицательные последствия для сотрудника ОВД.

Изложенное свидетельствует о необходимости дополнить ч. 4 ст. 33 Закона о службе в ОВД следующим основанием внеочередной аттестации сотрудника ОВД: «Неудовлетворительное выполнение своих служебных обязанностей сотрудником, снижение уровня и результатов его служебной деятельности в целях решения вопроса о необходимости его исключения из кадрового резерва, а также определения соответствия сотрудника замещаемой должности». Помимо этого, надлежит дополнить перечень рекомендаций по результатам проведения аттестации, закрепленный в ч. 13 ст. 33 Закона о службе в ОВД и в п. 13 Порядка проведения аттестации сотрудников ОВД, рекомендацией следующего содержания: «Сотрудник подлежит исключению из кадрового резерва и повторному

¹ Приказ МВД России от 14 марта 2012 г. № 170 «О порядке проведения аттестации сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации» (далее – Порядок проведения аттестации сотрудников ОВД).

рассмотрению на заседании аттестационной комиссии в течение года в целях подтверждения устранения недостатков и упущений в служебной деятельности, указанных в отзыве его непосредственного руководителя». Одновременно необходимо внести дополнения в п. 23.8 Порядка формирования кадровых резервов МВД России, а именно указать, что в случае исключения из кадрового резерва по основанию, предусмотренному п. 23.2, рекомендация об исключении из кадрового резерва принимается на аттестационной комиссии. Это позволит обеспечить единство требований к порядку зачисления и исключения сотрудников из кадрового резерва.

В совокупности изложенные предложения помогут объективно оценивать целесообразность исключения сотрудника ОВД из кадрового резерва, в том числе, в целях предотвращения возможного конфликта интересов уполномоченного руководителя, принимающего решение об исключении из кадрового резерва, и лица, находящегося в кадровом резерве для замещения руководящей должности.

Разрешения требует и вопрос о необходимости уточнения срока проведения аттестации в отношении ранее прикомандированного сотрудника ОВД, прибывшего по месту постоянной службы по истечении срока прикомандирования. В настоящее время сотрудник ОВД со своего согласия может быть прикомандирован к другому федеральному органу государственной власти, иному государственному органу или к организации с оставлением в кадрах МВД России для выполнения задач, связанных непосредственно с деятельностью МВД России (ст. 32 Закона о службе в ОВД). Порядок прикомандирования должен быть установлен Президентом России, но до настоящего времени он так и не определен.

В соответствии со ст. 33 Закона о службе в ОВД сотрудник ОВД после окончания срока прикомандирования обязан проходить очередную аттестацию в общем порядке, несмотря на то что он, хотя и был прикомандирован к федеральному органу государственной власти, иному государственному органу «для выполнения задач, связанных непосредственно с деятельностью МВД России», проходил службу на должностях в органе государственной власти (а не в ОВД)¹ и обязанности по замещаемой должности не выполнял. Такая ситуация противоречит принципу профессионализма и компетентности государственных служащих². Очевидно, что ранее прикомандированному сотруднику следует предоставить время для возврата к уровню знаний, умений и навыков, необходимых для выполнения обязанностей по замещаемой должности, который имелся до прикомандирования. Таким образом, целесообразно внести дополнение в ч. 2 ст. 33 Закона о службе в ОВД, предусмотрев для данной категории сотрудников те же сроки аттестации, что и для сотрудников ОВД в случае их назначения на другую должность (ч. 2 ст. 33 Закона о службе в ОВД), т. е. не ранее чем через один год после окончания срока прикомандирования.

Совершенствования также требует процедура применения некоторых мер поощрения сотрудников ОВД по результатам аттестации. В частности, ч. 1 ст. 44 Закона о службе в ОВД предусматривает в качестве меры поощрения присвоение сотруднику ОВД специального звания досрочно или на одну ступень выше специального звания, предусмотренного по замещаемой должности. Положение о порядке присвоения сотруднику органов внутренних дел Российской Федерации специального звания досрочно или на одну ступень выше специального звания, предусмотренного по замещаемой должности в органах внутренних дел Российской Федерации, утвержденное Указом Президента РФ от 22 ноября 2012 г. № 1575 «Вопросы прохождения службы сотрудниками органов вну-

¹ Апелляционное определение Свердловского областного суда от 3 марта 2017 г. по делу № 33-2014/2017.

² См.: ст. 3 Федерального закона от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации».

тренних дел Российской Федерации» (далее – Положение), устанавливает, что до принятия решения о применении к сотруднику указанной меры поощрения соответствующее представление рассматривается аттестационной комиссией, а в п. 13 Положения содержатся рекомендации аттестационной комиссии, которые могут быть приняты в этом случае. Однако в ст. 33 Закона о службе в ОВД, содержащей перечень рекомендаций, которые могут быть приняты аттестационной комиссией по результатам аттестации, не упоминается возможность вынесения такого решения. В связи с чем в целях обеспечения согласованности и непротиворечивости Положения и Закона о службе в ОВД нужно дополнить ч. 13 ст. 33 последнего нормами, позволяющими аттестационной комиссии рекомендовать или не рекомендовать аттестуемого сотрудника к присвоению специального звания досрочно или на одну ступень выше специального звания, предусмотренного по замещаемой должности.

Для действительной реализации принципов всесторонности, объективности и полноты аттестации сотрудников ОВД необходимо совершенствование процедуры ее проведения. Так, в соответствии с пп. 24.2 и 24.4 Порядка проведения аттестации сотрудников ОВД в зависимости от замещаемой аттестуемым сотрудником должности, а также основания проведения аттестации в мотивированном отзыве непосредственный руководитель (начальник) отражает отношение сотрудника к выполнению служебных обязанностей и характеристику личных и деловых качеств сотрудника. Согласно п. 34 Порядка проведения аттестации сотрудников ОВД обсуждение личных и деловых качеств сотрудника должно быть объективным. В целях обеспечения объективности оценки личных и деловых качеств сотрудника на заседание аттестационной комиссии могут приглашаться непосредственный руководитель (начальник) сотрудника, составивший мотивированный отзыв, и – по просьбе аттестуемого сотрудника – другие сотрудники.

Формально задача по всестороннему и глубокому изучению личных качеств сотрудников, их интересов, потребностей, способностей, особенностей характера и темперамента возлагается на руководителей (начальников) всех уровней¹. Однако, как показывает практика, руководители (начальники) служб и подразделений полиции, не имея в подавляющем большинстве специального образования в сфере психологии, к морально-психологической работе относятся недостаточно ответственно и зачастую оценивают личность подчиненного сотрудника с позиции его отношения к службе, которое проявляется в результатах оперативно-служебной деятельности подчиненного сотрудника, а также с позиции соблюдения сотрудником служебной дисциплины и законности. Это не всегда позволяет объективно оценить все многогранные свойства личности подчиненного сотрудника, скрытые за формулировкой «личные и деловые качества».

Общеизвестно, что в каждом территориальном органе МВД России существуют подразделения морально-психологического обеспечения (п. 4.1 Руководства по МПО), где проходят службу сотрудники, имеющие, как правило, высшее образование по профилю деятельности, т. е. чаще психологическое. В числе задач психологической работы – изучение индивидуально-психологических особенностей личности сотрудников ОВД, в том числе перемещаемых по службе на другие должности в системе МВД России, прогнозирование успешности их профессиональной деятельности (п. 65 Руководства по МПО). Именно психологи ОВД путем непосредственной работы с личным составом методами наблюдения, интервьюирования, консультации, психологического анализа документов, психологического анализа результатов деятельности, опроса, обследования, тестирова-

¹ См.: пп. 5, 41 Руководства по морально-психологическому обеспечению оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел Российской Федерации, утвержденного приказом МВД России от 11 февраля 2010 г. № 80 «О морально-психологическом обеспечении оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел Российской Федерации» (далее – Руководство по МПО).

ния, социометрии, эксперимента, тренинга (п. 66 Руководства по МПО) получают объективные сведения о личности сотрудника любого подразделения ОВД.

В настоящее время сведения о результатах последнего психологического (психофизиологического) обследования аттестуемого сотрудника, социально-психологического исследования в служебном коллективе могут быть представлены только по запросу аттестационной комиссии в течение пяти рабочих дней (п. 38 Порядка проведения аттестации сотрудников ОВД). При этом о необходимости представления этих сведений в отношении аттестуемого в Порядке проведения аттестации сотрудников ОВД не упоминается. На наш взгляд, на заседание аттестационной комиссии наряду с представлением мотивированного отзыва непосредственным руководителем целесообразно представлять заключение психолога, позволяющее всесторонне оценить личность сотрудника. Помимо этого, заслуживает внимания предложение о введении в состав аттестационной комиссии представителя психологической службы, поскольку сотрудники полиции испытывают ежедневные психологические стрессы, психоэмоциональное напряжение и только квалифицированный психолог может определить пригодность конкретного сотрудника для дальнейшего прохождения службы¹.

Таким образом, имеющиеся недостатки правового регулирования аттестации сотрудников ОВД позволяют предложить меры по совершенствованию института аттестации для всесторонней, объективной, полной оценки соответствия сотрудника замещаемой должности в ОВД в целях выполнения им стоящих перед МВД России стратегических задач на высоком профессиональном уровне.

Список литературы

- Гришковец А. А. Государственная гражданская служба: учеб. курс / отв. ред. Н. Ю. Хаманева. М., 2014.
Занина Т. М., Набиев В. В. Проблемы правового регулирования проведения аттестации сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации // Адм. право и процесс. 2016. № 9.
Овсянко Д. М. Государственная служба Российской Федерации: учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2002.

References

- Grishkovec A. A. Gosudarstvennaya grazhdanskaya sluzhba: ucheb. kurs / otv. red. N. Yu. Xamaneva. M., 2014.
Ovsyanko D. M. Gosudarstvennaya sluzhba Rossijskoj Federacii: ucheb. posobie. 2-e izd., pererab. i dop. M., 2002.
Zanina T. M., Nabiev V. V. Problemy pravovogo regulirovaniya provedeniya attestacii sotrudnikov organov vnutrennix del Rossijskoj Federacii // Adm. pravo i process. 2016. № 9.

¹ Занина Т. М., Набиев В. В. Указ. соч. С. 30–32.

ДОСУДЕБНОЕ СОГЛАШЕНИЕ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ ИЛИ ДОГОВОР НА ОГОВОР?

Козубенко Юрий Вячеславович

Кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург), e-mail: yuri.kozubenko@usla.ru

Внимание автора представленного в статье научного заключения сосредоточено на содержании заключенных с двумя соучастниками незаконного сбыта наркотических средств досудебных соглашений о сотрудничестве, единственным условием которых стало изобличение третьего не признающего вину установленного подозреваемого по делу. Сделан вывод о том, что судом были допущены существенные нарушения уголовного и уголовно-процессуального закона, повлиявшие на исход дела.

Ключевые слова: досудебное соглашение о сотрудничестве, договор на оговор, особый порядок судебного разбирательства

A PRE-TRIAL COOPERATION AGREEMENT OR A SLANDER CONTRACT?

Kozubenko Yuriy

Ural State Law University (Yekaterinburg), e-mail: yuri.kozubenko@usla.ru

The article, which contains a scientific opinion on the criminal case, focuses on pre-trial cooperation agreements with two of three collaborators in illegal drug selling, when the condition about incrimination of third collaborator is the only subject of a pre-trial cooperation agreement with two other collaborators. The author concludes that the court essentially violated criminal and criminal procedural rules, and this had affected the outcome of criminal case.

Key words: pre-trial cooperation agreement, slander contract, specific trial proceeding

12 мая 2017 г. Кировский районный суд г. Екатеринбурга постановил приговор в отношении П., признав ее виновной в незаконном сбыте наркотических средств в группе лиц по предварительному сговору. Несмотря на то что действующая редакция ст. 90 УПК РФ исключает преюдициальное значение приговора, постановленного в особом порядке (гл. 40¹ УПК РФ), выводы суда первой инстанции о виновности П. в незаконном сбыте наркотиков в группе лиц были основаны исключительно на изобличающих П. показаниях двух подсудимых А. и Ю., в отношении каждого из которых были постановлены обвинительные приговоры в порядке гл. 40¹ УПК РФ, т. е. в связи с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве. Вместе с тем совокупность собранных по уголовному делу в отношении П. доказательств не позволяла установить ее причастность к совершению указанного преступления. Особое внимание обращает на себя содержание заключенных соглашений с А. и Ю., единственным условием которых было изобличение П. в совершении совместно с А. и Ю. преступления (при этом за скобками оставлялось изобличение иных возможных соучастников).

Научное заключение дано на момент вступления постановленного в отношении П. приговора в законную силу, поэтому в заключении предложены рекомендации с учетом процессуальных возможностей осужденного и его защитника в стадиях пересмотра вступившего в законную силу приговора суда первой инстанции.

Приведем вопросы, поставленные в запросе адвоката, и ответы на них:

1. Соответствуют ли условия досудебных соглашений, заключенных с Ю. и А., условиям заключения досудебного соглашения о сотрудничестве, предусмотренным УПК РФ?

В целом нет. Данный вывод вытекает из ответов на следующие вопросы.

2. Может ли изобличение не признающего вину установленного подозреваемого по делу быть единственным условием досудебного соглашения с остальными обвиняемыми?

Нет. По общему смыслу уголовно-процессуальный закон требует от таких обвиняемых при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве давать показания в суде не только в отношении соучастников преступления, но и иных лиц, совершивших преступления, а также не сообщать ложные сведения или умышленно не скрывать от следствия какие-либо существенные сведения (ч. 2.1 ст. 317³ УПК РФ).

К тому же приказ Генерального прокурора РФ от 15 марта 2010 г. № 107 «Об организации работы по реализации полномочий прокурора при заключении с подозреваемыми (обвиняемыми) досудебных соглашений о сотрудничестве по уголовным делам» указывает именно на комплекс действий (а не на единичные мероприятия) по содействию следствию в раскрытии и расследовании преступления, изобличению и уголовном преследовании других соучастников преступления, розыску имущества, добытого в результате преступления. В число этих действий входит добровольное участие в следственных действиях, проводимых как по возбужденному в отношении лица уголовному делу, так и по другим уголовным делам, в проведении оперативно-розыскных мероприятий, способствующих выявлению готовящегося, совершаемого или совершенного преступления, а также сообщение сведений о месте нахождения разыскиваемого лица, имуществе, добытом преступным путем, о структуре преступной организации, ее руководителях, месте нахождения и т. п.

Очевидно, что заключение досудебного соглашения, в котором содержится единственное условие об изобличении исключительно П. и оставлено за скобками изобличение иных известных Ю. и А. лиц, не соответствует уголовно-процессуальному закону и, как минимум, влечет прекращение действия досудебного соглашения о сотрудничестве, а также обжалование постановленного в особом порядке приговора иными лицами в той части, в которой данный приговор затрагивает их права и законные интересы (ч. 1 ст. 401² УПК РФ).

Необходимо также отметить, что с учетом того, что разбирательство дела в суде производится только в отношении подсудимых, использование в приговоре формулировок, свидетельствующих о виновности в совершении преступления других лиц, не допускается (п. 24 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре»). Этот недостаток имеется у всех трех приговоров (в отношении П., Ю., А.), и все они подлежат отмене по данному основанию в кассационном порядке.

Кроме того, по обвинительному приговору в отношении П., фактически основанному на показаниях лиц, с которыми были заключены досудебные соглашения об изобличении П., легко можно установить так называемых неустановленных лиц, якобы действовавших по предварительному сговору с подсудимой.

Получается, что органы предварительного следствия заключили с Ю. и А. не соглашения о сотрудничестве, а соглашения об оговоре П. с целью ее осуждения.

Вместе с тем нужно отметить верный вывод органов предварительного следствия о непричастности так называемых неустановленных лиц, периодически входивших в круг общения с Ю. и А.

3. Имеют ли показания Ю. и А., данные ими на следствии и в суде во исполнение досудебного соглашения и используемые судом как доказательства, такой порок, как заинтересованность лиц?

Уголовно-процессуальный закон напрямую не использует понятие «заинтересованность лиц», а применительно к участникам уголовного судопроизводства употребляет сходное понятие «обстоятельства, дающие основание полагать, что они лично, прямо или косвенно, заинтересованы в исходе данного уголовного дела» (ст. 61 УПК РФ); при наличии таких обстоятельств исключается участие в производстве по уголовному делу конкретного лица. Несмотря на то что данное правило касается только участников уголовного судопроизводства, ведущих производство по уголовному делу, аналогия закона к участникам, подозреваемым или обвиняемым в совершении преступления в соучастии, вполне применима.

Безусловно, подозреваемый, обвиняемый, с которым заключается досудебное соглашение о сотрудничестве, заинтересован в получении «процессуальных льгот», предусмотренных ст. 317⁷, и уж точно не заинтересован в прекращении действия такого досудебного соглашения, влекущем переход производства по уголовному делу в производство в общем порядке (ч. 5 ст. 317⁴ УПК РФ).

При этом ч. 5 ст. 317⁴ УПК РФ сформулирована таким образом, что не предоставляет подозреваемому или обвиняемому другого варианта действий, кроме как дать показания, изобличающие иных соучастников преступления. Но в этом случае возникает вопрос о достоверности подобных показаний, потому что суд не проводит в общем порядке исследование и оценку показаний такого подозреваемого, обвиняемого (п. 16 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 16 «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве»), причем как в силу закона, так и по факту.

В результате при производстве по основному делу, в данном случае в отношении П., у последней не оказалось возможности защищаться всеми средствами, предусмотренными законом (ч. 2 ст. 45 Конституции РФ).

В соответствии с подп. «е» п. 3 ст. 14 Пакта о гражданских и политических правах 1966 г. и подп. «d» п. 3 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления имеет право допрашивать показывающих против него лиц или право на то, чтобы эти лица были допрошены в судебном заседании. Более того, и суд, постановляющий приговор в отношении П., был лишен возможности полноценно и непосредственно проверить показания Ю. и А., в том числе на предмет их достоверности (ст. 87, 88, 240 УПК РФ), например допросить указанных подозреваемых, обвиняемых, так как они уже не участники данного уголовного дела (дела в отношении них выделены в отдельные производства в связи с заключением с ними досудебных соглашений о сотрудничестве).

Общеизвестно, что в случае изменения обвиняемыми (в данном случае Ю. и А.) показаний суд обязан выяснить причины, по которым они отказались от ранее данных (изменили ранее данные) при производстве предварительного расследования, тщательно проверить все показания таких обвиняемых и оценить их достоверность, сопоставив с иными исследованными в судебном разбирательстве доказательствами (п. 11 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре»). Однако суд, постановлявший приговор в отношении П., вынужден был довольствоваться показаниями «соучастников», данными на предварительном следствии. Но в досудебном производстве следствие по уголовному делу именно предварительное, как и вывод органов предварительного следствия о виновности лица, а признание обвиняемым своей вины в совершении преступления может быть положено в основу обвинения

лишь при подтверждении его виновности совокупностью имеющихся по уголовному делу доказательств (ч. 2 ст. 77 УПК РФ).

В этом смысле при производстве в общем порядке по уголовному делу в отношении П. и при отсутствии иных (кроме как полученных под угрозой прекращения действия досудебного соглашения о сотрудничестве) доказательств причастности подсудимой к совершению преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 4 ст. 228¹ УК РФ, были допущены нарушения основных принципов уголовного судопроизводства (ст. 14, 16, 17 УПК РФ).

Суд оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью. Никакие доказательства не обладают заранее установленной силой (ст. 17 УПК РФ). Вместе с тем совокупность доказательств, имеющихся в уголовном деле в отношении П., не дает оснований для вывода о причастности П. к совершению преступления в соучастии с Ю. и А.

Согласно п. 20 ст. 5 УПК РФ непричастность – это неустановленная причастность либо установленная непричастность лица к совершению преступления. Это означает, что причастность П. к совершению преступления в соучастии с Ю. и А. необходимо установить на основе имеющихся в деле доказательств. Все сомнения в виновности обвиняемого, которые не могут быть устранены в предусмотренном законом порядке, толкуются в пользу обвиняемого. Обвинительный приговор не может быть основан на предположениях (чч. 3, 4 ст. 14 УПК РФ), он может быть основан лишь на тех доказательствах, которые были исследованы в судебном заседании (ч. 3 ст. 240 УПК РФ). Нужно иметь в виду, что сведения, содержащиеся в оглашенных показаниях, как и другие доказательства, могут быть положены в основу выводов суда лишь после их проверки и оценки по правилам, установленным ст. 87, 88 УПК РФ. При этом суд не вправе ссылаться в подтверждение своих выводов на имеющиеся в уголовном деле доказательства, если они не были исследованы судом и не нашли отражения в протоколе судебного заседания (п. 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре»).

Как следует из материалов уголовного дела, например из текста обвинительного заключения, обвинение в отношении П. основано исключительно на таких доказательствах, как рапорты и показания сотрудников органов предварительного следствия, протоколы осмотров мест происшествий (осмотров предметов), справки об исследовании наркотических средств, заключения экспертов. Очевидно, что причастность подсудимой не может быть подтверждена совокупностью такого рода доказательств. Установленная Кировским районным судом причастность П. базируется исключительно на показаниях Ю. и А., данных ими на предварительном следствии, причем только после заключения досудебных соглашений о сотрудничестве.

Между тем предварительным следствием не устранены, а судом при постановлении приговора не учтены имеющиеся противоречия в материалах дела. Так, в показаниях подозреваемого А., данных 19 мая 2016 г. и впоследствии им подтвержденных, указывается, что после того, как А. и Ю. расфасовали и употребили наркотики, они поехали на ул. Большакова, 7, где Ю. пояснил, что необходимо дождаться девушек, которые должны были туда прийти для совместного времяпрепровождения. Указанная цель никак не соответствует ст. 35 УК РФ и не может расцениваться как предварительный сговор на покушение на незаконный сбыт наркотических средств, совершенный с использованием электронных и информационно-телекоммуникационных сетей (включая Интернет) в крупном размере. В целом в материалах дела нет доказательств того, что подсудимая П. заранее договорилась с А. и Ю. о совместном совершении преступления (ч. 2 ст. 35 УК РФ). Очевидно, что она просто попала в плохую компанию, которая использовала ее

в своих преступных целях, а догадалась она об этом только в момент производства по уголовному делу.

Материалами дела также не подтверждается корыстная цель П. на совершение преступления, вмененная ей в обвинительном заключении. В этой части предъявленное обвинение, по сути, ничем не обосновано (ст. 7, 172, 220 УПК РФ). Между тем, признавая подсудимого виновным в совершении преступления по определенным признакам, суд не должен ограничиваться ссылкой на данный признак, а обязан привести в описательно-мотивировочной части приговора обстоятельства, послужившие основанием для вывода о наличии в содеянном корыстной цели (п. 19 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре»).

Единственная проведенная очная ставка с целью устранения противоречий между показаниями Ю. и П. выявила, что Ю. не ответил ни на один вопрос адвоката, несмотря на то что вопросы фактически были направлены на установление причастности П. к совместному сбыту наркотических средств. В результате Ю. не смог подтвердить совместное с П. употребление наркотических средств и назвать присутствующих при этом лиц, указать, когда и где была достигнута договоренность с П. по поводу сбыта наркотических средств и кто при этом присутствовал и т. д. Интересно, что по результатам психолого-психиатрической экспертизы установлено, что П. признаков наркомании не имеет, тогда как Ю. после заключения с ним 15 ноября 2016 г. досудебного соглашения заявил, что она регулярно употребляла наркотики совместно с ним. Но в таком случае П. должна была, как и Ю., обнаруживать признаки синдрома зависимости от сочетанного употребления психоактивных веществ второй стадии, как это установлено приговором Кировского районного суда г. Екатеринбурга от 23 марта 2017 г., постановленного в отношении Ю.

Изложенное указывает не на заинтересованность (как об этом корректно говорит адвокат в своем запросе), а на попытку оговора, совершенного А. и Ю. в отношении П., чтобы тем самым облегчить свою участь.

Очевидно, что более подробный и детальный анализ доказательств по делу позволит возобновить по нему производство в порядке гл. 49 УПК РФ с последующей отменой приговора в отношении П. ввиду оговора последней.

4. Имеет ли суд, рассматривающий уголовное дело по обвинению П., в соответствии с УПК РФ возможность давать оценку законности досудебных соглашений, находящихся в выделенных уголовных делах?

В силу ч. 1 ст. 317⁷ УПК РФ судебное заседание и постановление приговора в отношении подсудимого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, проводятся в порядке, установленном ст. 316 УПК РФ. На это также прямо указано в п. 16 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 16 «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве».

Это означает, что в судебном разбирательстве по уголовному делу в отношении подсудимого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, суд не проводит в общем порядке исследование и оценку доказательств, собранных по уголовному делу (ч. 5 ст. 316 УПК РФ). В связи с этим приговоры, постановленные в таком порядке, не имеют преюдициального значения и, исходя из смысла ст. 90 УПК РФ, требуют дополнительной проверки. Поэтому суд, рассматривающий уголовное дело по обвинению П., имеет возможность давать оценку досудебным соглашениям, находящимся в выделенных уголовных делах.

Итак, в данном случае допущены существенные нарушения уголовного и уголовно-процессуального закона, повлиявшие на исход дела.

УЧРЕЖДЕНИЯ

ДЛЯ ИНОСТРАННЫХ ВОЕННОПЛЕННЫХ И ИНТЕРНИРОВАННЫХ
В БАШКИРСКОЙ АССР В 1944–1949 гг.

(численность, дислокация, смертность контингента)

Мотревич Владимир Павлович

Доктор исторических наук, профессор кафедры истории государства и права
Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург),
e-mail: vladimir.motrevich@mail.ru

Исследована численность и дислокация находившихся в Башкирской АССР лагерей для иностранных военнопленных, отдельных рабочих батальонов и спецгоспиталей. Установлено, что в военные и первые послевоенные годы на территории Республики размещались 18 отделений пяти лагерей для военнопленных, 7 рабочих батальонов и 2 спецгоспиталя. Определена приблизительная численность умерших в них иностранных граждан, охарактеризовано современное состояние иностранных воинских захоронений, приведены данные об их благоустройстве в соответствии с международными соглашениями РФ.

Ключевые слова: Башкирская АССР, Великая Отечественная война, военнопленные, интернированные, лагерь, отделение, спецгоспиталь, смертность, захоронение, благоустройство

INSTITUTIONS

FOR FOREIGN PRISONERS OF WAR AND INTERNEES
IN THE BASHKIR ASSR IN 1944–1949

(number, dislocation, death rate of the contingent)

Motrevich Vladimir

Ural State Law University (Yekaterinburg), e-mail: vladimir.motrevich@mail.ru

The article investigates the number and location of camps for foreign prisoners of war, individual workers' battalions and special hospitals that were located in the Bashkir Autonomous Soviet Socialist Republic. It reveals that in the wartime and first post-war years there were 18 branches of five camps for prisoners of war, 7 workers' battalions and 2 special hospitals. The approximate number of foreign citizens died in them is determined, the current state of foreign military burial places is described, some information about their landscaping in accordance with international agreements of the Russian Federation is given.

Keywords: Bashkir ASSR, Great Patriotic War, prisoners of war, internees' camp, branch, special hospital, mortality, burial, landscaping

В ходе Великой Отечественной войны и после ее окончания значительное число иностранных военнопленных и интернированных были размещены на Урале, в том числе в Башкирской АССР (далее также – БАССР). Это было обусловлено перебазированием в регион части промышленного потенциала из оккупированных советских территорий и возникшей в результате острой потребностью в трудовых ресурсах. Проблема нахождения на Урале иностранных военнопленных и интернированных достаточно глубоко исследована в ряде публикаций¹. Что же касается Башкирской АССР, то в историографии

¹ Мотревич В. П. Иностранные воинские захоронения Второй мировой войны на Урале: численность, правовой статус, благоустройство // Электрон. прил. к «Российскому юридическому журналу». 2011. № 5;

имеется лишь одна публикация малых форм, посвященная данному вопросу¹. В связи с этим важными направлениями исследовательской работы являются определение численности, времени существования и дислокации в Башкирской АССР учреждений, в которых находились иностранные граждане, анализ данных о смертности содержащегося в них контингента. До настоящего времени не изучен и вопрос о численности находившихся в Башкирии иностранных граждан, их смертности и состоянии мест захоронения. В данной статье представлены результаты исследования проблемы на основе опубликованных и неопубликованных документальных материалов Российского государственного военного архива (РГВА), главного хранилища информации о нахождении иностранных военнопленных в СССР.

На территорию Урала иностранных военнопленных стали направлять уже весной 1942 г. В мае пленных разместили в Свердловской области, где для них отвели специальные зоны в лагерях для советских заключенных. В сентябре 1942 г. лагеря Главного управления по делам военнопленных и интернированных (ГУПВИ) НКВД СССР организовали в Удмуртии, Молотовской (Пермской) и Челябинской областях. После Сталинградской битвы численность военнопленных в Союзе ССР значительно возросла. В результате к концу 1943 г. в стране насчитывалось 52 лагеря ГУПВИ НКВД СССР². По воспоминаниям современников, военнопленные из-под Сталинграда прибыли в г. Уфу зимой 1942/1943 г.³ Однако подтверждающие этот факт документальные материалы пока не обнаружены. Выявленные и изученные документы свидетельствуют о появлении иностранных военнопленных в Башкирии только в 1944 г.

В 1944 г. система ГУПВИ НКВД СССР продолжала расширяться, к концу года число лагерей для военнопленных в стране достигло 156. 5 сентября 1944 г. в г. Уфе был организован лагерь № 236 ГУПВИ НКВД СССР. Однако он недолго находился в республиканском центре и 30 ноября 1944 г. был переведен в Грузию, где и существовал вплоть до 30 мая 1949 г. В результате лагерь № 236 получил свое название по последнему месту своего пребывания – Авчалыский (Навтлугский)⁴. В ноябре 1944 г. в Башкирии, на территории Белорецкого района, началось формирование лагеря № 208 ГУПВИ НКВД СССР. В его составе были три отделения (табл. 1). Первое из них находилось в районном центре, второе – в дер. Нукатово, третье – в пос. Инзер. Вскоре на ст. Карламан Кармаскалинского района было создано и четвертое отделение (27 февраля – 6 марта 1945 г.).

Лагерь № 208 просуществовал всего три месяца и в марте 1945 г. был реорганизован в лагерь № 508 (6 марта – 10 октября 1945 г.) в составе семи отделений. Управление лагеря размещалось в пос. Инзер. Первые четыре отделения лагеря № 508 составляли отделения бывшего лагеря № 208, 16 марта 1945 г. к ним добавились остальные. Пятое отделение открыли в г. Белорецк, шестое – на ст. Карламан, седьмое – в Белорецком районе. Справочник «Orte des Gewahrsams von deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion (1941–1956)»

Перевоицков Д. В. Лагеря для иностранных военнопленных в Удмуртии в 1942–1948 годах // Вестн. Северного (Арктич.) федер. ун-та. Гуманитар. и соц. науки. 2017. № 3. С. 15–22; Потемкина М. Н., Любецкий А. Е. Проблемы размещения и содержания иностранных военнопленных на территории Челябинской области // Проблемы истории, филологии, культуры. 2017. № 2. С. 159–169 и др.

¹ Мотревич В. П. Захоронения военнопленных Второй мировой войны и интернированных на территории Республики Башкортостан // Научное, педагогическое и просветительское наследие М. К. Любавского и актуальные проблемы социально-экономической и политической истории России и ее регионов XVI–XX вв. Уфа, 2010. С. 240–243.

² Военнопленные в СССР, 1939–1956. Документы и материалы. М., 2000. С. 1039.

³ К 9 мая в Уфе переписут солдатские захоронения и могилы военнопленных // URL: <http://ufa.mk.ru/articles/2015/04/29/k> (дата обращения: 30.11.2017).

⁴ Военнопленные в СССР, 1939–1956. С. 1033, 1039.

определяет место нахождения седьмого отделения в районе горного хребта Беягуш¹. Лагерь № 508 ГУПВИ НКВД СССР также просуществовал недолго и спустя семь месяцев был закрыт.

Весной 1945 г. Великая Отечественная война шла к завершению и количество иностранных военнопленных в Союзе ССР быстро увеличивалось. Расширялась и лагерная система ГУПВИ, в которой к концу года насчитывалось уже 267 учреждений. Для улучшения руководства ими в январе 1945 г. в республиках и областях Советского Союза были созданы специальные управления и отделы. В соответствии с приказом НКВД СССР от 11 января 1945 г. № 0014 «Об улучшении руководства работой лагерей НКВД для военнопленных и батальонов интернированных» отдел по делам о военнопленных и интернированных (ОПВИ) был организован и при НКВД БАССР².

Таблица 1

Лагеря ГУПВИ НКВД СССР в Башкирской АССР³

Номер лагеря	Годы существования	Место нахождения Управления лагеря	Номера лагерных отделений
130	1944–1946	г. Уфа	10, 11
208	1944–1945	–	1–4
236	1944	г. Уфа	–
319	1945–1946	г. Уфа	1–5
508	1946	пос. Инзер	1–7

В 1944–1946 гг. на территории БАССР существовало и два отделения Ашинского лагеря № 130. Лагерь был создан в 1943 г. в Челябинской области, а в 1944 г. его Управление перевели в г. Уфу. Однако большинство многочисленных отделений Ашинского лагеря по-прежнему находились в Челябинской области⁴. В Башкирии непродолжительное время функционировало только два отделения этого лагеря (см. табл. 1). Десятое отделение (16 марта – 27 ноября 1945 г.) размещалось в г. Уфе, а одиннадцатое (16 марта – 27 ноября 1945 г.) – в г. Бирск.

В то же время в г. Уфе находилось и Управление лагеря № 319 (14 мая 1945 г. – 2 августа 1946), состоящего из пяти отделений. В годы войны в город было эвакуировано значительное количество учреждений и промышленных предприятий, для которых необходимо было создать соответствующую инфраструктуру. Второе (14 мая 1945 г. – 2 августа 1946 г.) и третье (14 мая 1945 г. – 2 августа 1946 г.) лагерные отделения располагались непосредственно в республиканском центре, первое (14 мая 1945 г. – 2 августа 1946 г.) и пятое (24 декабря 1945 г. – 2 августа 1946 г.) отделения дислоцировались в г. Черниковск⁵. Этот город был образован в декабре 1944 г. путем выделения в отдельную административную единицу Сталинского района г. Уфы. В новом городе строили крекинг-завод (будущий Ново-Уфимский), для его эксплуатационников возводили Соцгород, и строительство испытывало огромную потребность в рабочей силе. Четвертое отделение (25 августа 1945 г. – 2 августа 1946 г.) лагеря находилось на ст. Карламан. Необходимо

¹ Orte des Gewahrsams von deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion (1941–1956). Findbuch. Dresden; Kassel; Moskau; München, 2010. S. 44, 45.

² Военнопленные в СССР, 1939–1956. С. 121, 1033.

³ Orte des Gewahrsams von deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion (1941–1956). S. 44–45; ПГВА. Ф. 1а. Оп. 1е. Д. 96. Л. 32–34.

⁴ Мотревич В. П. Лагеря ГУПВИ НКВД (МВД) СССР в Челябинской области в 1942–1950 гг. (численность и дислокация) // Genesis: истор. исследования. 2016. № 6. С. 163–164.

⁵ Orte des Gewahrsams von deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion (1941–1956). S. 44, 45.

отметить, что с названием лагеря № 319 существует некоторая путаница: в документах ГУПВИ за 1945 г. он называется Черниковским, а за 1946 г. – Уфимским¹.

С осени 1945 г. в связи с массовой репатриацией численность иностранных военнопленных в Советском Союзе уменьшилась. В результате началось постепенное расформирование лагерей ГУПВИ НКВД СССР. Сокращалась лагерная сеть и в Башкирской АССР. В октябре 1945 г. закрывался лагерь № 508, а в 1946 г. – лагеря № 130 и 319. Таким образом, в Республике больше не осталось лагерей для военнопленных. Вместе с тем представляется, что в августе 1946 г. в УНКВД по БАССР была сформирована новая структура управления лагерями для военнопленных, и после расформирования лагеря № 319 его отделения остались. Просто они получили новую единую сквозную нумерацию и стали существовать под номерами ОПВИ УНКВД по БАССР. В результате в г. Аша функционировали первое и третье отделения, в г. Уфа – второе (2 августа 1946 г. – 2 июня 1947 г.) и пятое (2 августа 1946 г. – 27 ноября 1948 г.) а в г. Черниковск – четвертое (2 августа 1946 г. – 19 июля 1948 г.) и восьмое (2 августа 1946 г. – 4 апреля 1949 г.). В Стерлитамакском районе в 1946–1947 гг. размещалось шестое отделение, а в г. Белорецк в эти же годы – седьмое отделение ОПВИ УНКВД по БАССР².

Помимо лагерей ГУПВИ НКВД СССР, часть иностранных военнопленных и интернированных находились в составе отдельных рабочих батальонов (ОРБ) Народного комиссариата обороны СССР. Постановлением от 16 декабря 1944 г. № 7161сс ГКО обязал НКВД СССР мобилизовать и интернировать с направлением на работы в СССР всех трудоспособных немцев, находившихся на освобожденной Красной армией территории Болгарии, Венгрии, Румынии, Чехословакии и Югославии. Мобилизации подлежали немцы, граждане как Германии, так и названных стран. Во исполнение постановления ГКО в январе – апреле 1945 г. в СССР было завезено 208,2 тыс. мобилизованных немцев и лиц других национальностей. Прибывшую иностранную рабочую силу начали интенсивно использовать предприятия Наркомуголя, Наркомчермета, Наркомцветмета, Наркомстроя и др. В 1945 г. часть пленных из ГУПВИ НКВД СССР были переданы в ведение НКО СССР для трудового использования на хозяйственных работах. В результате в начале 1946 г. в строительстве и на хозяйственных работах были задействованы 146 ОРБ, в которых содержались 142,6 тыс. военнопленных западных национальностей, и 54 ОРБ, в которых находились 67,8 тыс. военнопленных японцев³.

В Башкирской АССР ОРБ № 361 (9 июня 1945 г. – ?) размещался в г. Давлеканово, ОРБ № 1701 (1 марта 1947 г. – 26 декабря 1949 г.) – в г. Октябрьский, ОРБ № 1084 (5 сентября 1945 г. – 15 октября 1949 г.) – в пос. Инзер Белорецкого района (табл. 2). Кроме того, пять рабочих батальонов находились в составе первой дорожно-строительной дивизии МВД СССР (25 января 1947 г. – ?). Три дорожно-строительных батальона (ДСБ) дислоцировались в г. Октябрьский и по одному – в г. Туймазы и пос. Уруссу. Вопрос о нахождении в пос. Уруссу ОРБ № 1852 (5 марта – 1 июня 1945 г.) и дорожно-строительного батальона первой дорожно-строительной дивизии МВД СССР требует дальнейшего исследования. Составители фундаментального справочника о военнопленных Второй мировой войны в СССР считают, что они размещались в Башкирии, хотя пос. Уруссу располагался в Ютазинском районе Татарской АССР⁴.

¹ Военнопленные в СССР, 1939–1956. С. 1034.

² Orte des Gewahrsams von deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion (1941–1956). S. 252; РГВА. Ф. 1а. Оп. 1е. Д. 96. Л. 32–34.

³ Военнопленные в СССР, 1939–1956. С. 33, 34, 48.

⁴ Orte des Gewahrsams von deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion (1941–1956). S. 252.

Таблица 2

**Отдельные рабочие батальоны НКО СССР и НКВД (МВД) СССР
в Башкирской АССР¹**

Номер	Годы работы	Место нахождения	Число умерших
ДСБ-1	1947–1948	г. Октябрьский	21
ДСБ-2	1947–1949	г. Октябрьский	41
ДСБ-3	1947–1949	г. Октябрьский	38
ДСБ	1947	г. Туймазы	–
361	1945	г. Давлеканово	–
1701	1946–1948	г. Октябрьский	17
1084	1945–1949	пос. Инзер	–

Сохранилась и опубликована датированная 20 марта 1948 г. докладная записка заместителю министра МВД СССР В. С. Рясному о содержании и трудовом использовании военнопленных в рабочих батальонах первой дорожно-строительной дивизии МВД СССР. В записке указывалось, что в феврале 1948 г. органами цензуры было задержано коллективное заявление военнопленных рабочих названных батальонов. В письме на имя Маршала Советского Союза В. Д. Соколовского говорилось о тяжелых бытовых условиях жизни военнопленных и многочисленных нарушениях со стороны администрации. Комиссия в составе трех генералов МВД провела проверку и установила, что военнопленные содержатся в недопустимых антисанитарных условиях. В частности, постельное белье не менялось с момента образования батальонов, имелась завшивленность; военнопленные жили в землянках при большой скученности, у них отсутствовала вода; их внешний вид также был неряшливый и грязный; пищеблоки рабочих батальонов были оборудованы плохо, а питание организовано нерегулярно; имелись перебои в снабжении основными продуктами. Военнопленными было подано большое количество жалоб на грубое обращение и избиение со стороны личного состава рабочих батальонов. О фактах избиения командованию батальонов было известно, но мер к их прекращению принято не было, а командир батальона № 9 капитан Гнидо сам избивал военнопленных. Судя по резолюции заместителя министра, виновные в избиении военнопленных были привлечены к уголовной ответственности².

Следует отметить, что в размещенных в БАССР в 1948–1949 гг. рабочих батальонах часто находился особый контингент. Дело в том, что с лета 1945 г. в СССР массово отправлялись на родину оказавшиеся в плену иностранные граждане. Однако Директива МВД СССР от 3 декабря 1946 г. № 285 нацелила оперативное управление ГУПВИ на выявление среди военнопленных и интернированных военных преступников, которые не могли быть репатриированы без особого разрешения. В октябре 1949 г. было принято решение МВД СССР, МГБ СССР и Генеральной прокуратуры СССР о создании и порядке деятельности комиссий по рассмотрению материалов на военнопленных и интернированных, отставленных от репатриации в лагерях МВД. В БАССР такая комиссия была сформирована на базе дорожно-строительной дивизии МВД³. Отставленные и осужденные военными трибуналами войск МВД СССР иностранные граждане были переведены из Башкирии в специальные лагеря. 26 декабря 1949 г. прекратил свое существование ОРБ № 1701 в г. Октябрьском. Это было последнее пенитенциарное учреждение для

¹ Orte des Gewahrsams von deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion (1941–1956). S. 252, 293; ПГВА. Ф. 1а. Оп. 1е. Д. 96. Л. 32–34.

² Военнопленные в СССР, 1939–1956. С. 712, 713.

³ Там же. С. 744, 778.

иностранцев на территории БАССР. Для содержания осужденных иностранцев в системе ГУПВИ МВД СССР было создано 11 особорежимных лагерей.

Многие военнопленные и интернированные в БАССР находились на лечении в спецгоспиталях. Проблема функционирования спецгоспиталей только начинает исследоваться в отечественной историографии, первые работы о них опубликованы, в частности, на Урале¹. Спецгоспитали для лечения больных и раненых военнопленных стали формироваться в соответствии с Положением о военнопленных, утвержденным Постановлением СНК СССР от 1 июля 1941 г. № 1798-800с. Согласно Положению для обслуживания нуждающихся в госпитализации больных и раненых военнопленных Наркомздраву СССР и Главному военно-санитарному управлению Красной армии поручалось выделить сеть госпиталей. Установление режима, охрана и учет военнопленных интернированных в них осуществлялись НКВД².

Во исполнение постановления в Чкаловской (Оренбургской) области было размещено десять спецгоспиталей, по два – в Молотовской и Свердловской областях, по одному – в Курганской и Челябинской областях³. В 1945–1947 гг. два спецгоспиталя работали и в Башкирии. Один из них дислоцировался в г. Ишимбай, другой – в пос. Баланово Уфимского района (табл. 3).

Таблица 3

Спецгоспитали Наркомздрава (Минздрава) СССР в Башкирской АССР⁴

Номер госпиталя	Годы работы	Место нахождения	Число умерших
5918	1945–1947	пос. Баланово	142
5920	1945–1947	г. Ишимбай	354

Что касается численности находившихся в БАССР иностранных военнопленных и интернированных, то определить ее достаточно сложно, поскольку количество иностранных граждан в Республике менялось практически ежедневно. К тому же обнаруженные в настоящее время данные содержат сведения о контингенте на разные даты и только по национальному признаку. Так, в марте 1946 г. в Башкирской АССР в лагерях, рабочих батальонах и спецгоспиталях содержалось 6920 немцев, в апреле 1946 г. было учтено 1138 венгров, а в феврале 1947 г. – 707 японцев⁵.

Во время войны и после ее окончания пленные по разным причинам умирали и были захоронены на территории БАССР. Сведения по многим лагерным отделениям и рабочим батальонам либо не сохранились, либо по-прежнему не обнаружены. Поэтому приводимые нами данные о смертности иностранных граждан в Республике в те годы не полные. В частности, отсутствуют сведения о смертности в лагерях № 208 и 236. Усложняет подсчет численности умерших произошедшее в 1946 г. изменение нумерации лагерных отделений. Это не позволяет достоверно определить, вошла ли статистика смертности ликвидированных лагерей во вновь созданные учреждения. В целом по далеко не полным данным за время нахождения в плену в Башкирии умерли 2805 иностранных военнопленных и интернированных граждан. Из них в Белорецком районе – 1388 интер-

¹ Перевоицков Д. В. Госпитали для иностранных военнопленных на территории Удмуртии в 1943–1949 гг. // Вопр. истории. 2016. № 10. С. 139–144; Рожкова Е. К. Организация спецгоспиталей в годы Великой Отечественной войны // Вестн. ОГПУ. 1999. № 3. С. 125–131.

² Военнопленные в СССР, 1939–1956. С. 66, 443.

³ Мотревич В. П. Учреждения для военнопленных и интернированных в Чкаловской области в 1943–1949 гг. (численность и дислокация) // Вестник ОГПУ. 2017. № 1. С. 141.

⁴ Orte des Gewahrsams von deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion (1941–1956). S. 293; РГВА. Ф. 1а. Оп. 1е. Д. 96. Л. 32–34.

⁵ Военнопленные в СССР, 1939–1956. С. 260, 292, 654.

нированных, в г. Уфе (вместе с г. Черниковск) – 919 военнопленных и интернированных, в г. Ишимбай – 253 военнопленных и 102 интернированных, в Стерлитамакском районе – 25 военнопленных и 1 интернированный, в г. Октябрьский – 100 военнопленных и 17 интернированных¹.

В г. Уфе военнопленные и интернированные захоронены на трех гражданских кладбищах: Сергиевском, Лопатинском и Демском. На Сергиевском кладбище числятся 411 человек, среди которых – австрийцы, венгры, немцы, чехи; национальность 320 захороненных в документах не указана. Участок захоронения иностранных граждан на Сергиевском кладбище в настоящее время благоустроен Венгрией. На Лопатинском кладбище похоронены 366 человек из первого и пятого отделений лагеря № 319 (г. Черниковск). Участок захоронения благоустроен Народным союзом Германии по уходу за военными могилами, и автор данной статьи по поручению немецкой стороны осуществляет за ним регулярный уход. На Лопатинском кладбище Венгрией также установлен памятный знак.

Участок захоронения военнопленных на Лопатинском кладбище (г. Уфа, 27 сентября 2017 г.)

Захоронение умерших в спецгоспитале № 5918 Наркомздрава СССР производилось на кладбище с. Баланово Уфимского района (ныне Демское кладбище г. Уфы). Среди 142 погребенных было 107 немцев, 7 австрийцев, столько же венгров, двое румын и 19 японцев. В настоящее время место захоронения не сохранилось. Как известно, в соответствии с межправительственным соглашением Япония осуществляет эксгумацию и отправку на родину останков своих военнослужащих. По поручению японской стороны подобная

¹ РГВА. Ф. 1а. Оп. 1е. Д. 96. Л. 32–34.

эксгумация была проведена Ассоциацией «Военные мемориалы» на Лопатинском кладбище. На Демском же кладбище в силу указанной выше причины проведение эксгумации умерших японцев оказалось невозможным. В память о военнопленных при входе на Демское кладбище венгерской стороной установлен памятный знак. Ею же благоустроено и кладбище спецгоспиталя № 5920 в г. Ишимбай¹.

Таким образом, можно считать установленным, что на территории Башкирской АССР иностранные военнопленные и интернированные граждане находились с сентября 1944 г. по конец декабря 1949 г. Они содержались в 18 отделениях пяти лагерей ГУПВИ НКВД СССР, а также в 7 рабочих батальонах и 2 спецгоспиталях. Лагерь существовали в 1944–1946 гг. После расформирования лагерей часть их отделений стали отделениями ОПВИ УНКВД по БАССР. Спецгоспитали Наркомздрава СССР работали с 1945 по 1947 г., а рабочие батальоны НКО и МВД СССР существовали с 1945 по 1949 г. Основная часть военнопленных находилась в районе г. Уфы, интернированные преимущественно размещались в Белорецком районе. В г. Октябрьский дислоцировались 4 из 7 рабочих батальонов, имевших смешанный состав. За время нахождения в системе пенитенциарных учреждений в Башкирии умерли 2,8 тыс. иностранных граждан. Они были захоронены на специально отведенных участках, наделенных в настоящее время статусом воинских кладбищ. В соответствии с межправительственными соглашениями Германией благоустроен участок захоронения иностранных граждан на Лопатинском кладбище, Венгрией – место захоронения на Сергиевском кладбище и в г. Ишимбай. На Демском и Лопатинском кладбищах в г. Уфа Венгрией установлены памятные знаки.

Список литературы

Orte des Gewahrsams von deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion (1941–1956). Findbuch. Dresden; Kassel; Moskau; München, 2010.

Военнопленные в СССР, 1939–1956. Документы и материалы. М., 2000.

К 9 мая в Уфе переписут солдатские захоронения и могилы военнопленных // URL: <http://ufa.mk.ru/articles/2015/04/29/k>.

Каталог иностранных воинских захоронений на территории Российской Федерации. М., 2014.

Мотревич В. П. Захоронения военнопленных Второй мировой войны и интернированных на территории Республики Башкортостан // Научное, педагогическое и просветительское наследие М. К. Любавского и актуальные проблемы социально-экономической и политической истории России и ее регионов XVI–XX вв. Уфа, 2010.

Мотревич В. П. Иностранные воинские захоронения Второй мировой войны на Урале: численность, правовой статус, благоустройство // Электрон. прил. к «Российскому юридическому журналу». 2011. № 5.

Мотревич В. П. Лагерь ГУПВИ НКВД (МВД) СССР в Челябинской области в 1942–1950 гг. (численность и дислокация) // Genesis: истор. исследования. 2016. № 6.

Мотревич В. П. Учреждения для военнопленных и интернированных в Чкаловской области в 1943–1949 гг. (численность и дислокация) // Вестн. ОГПУ. 2017. № 1.

Перевоицков Д. В. Госпитали для иностранных военнопленных на территории Удмуртии в 1943–1949 гг. // Вопр. истории. 2016. № 10.

Перевоицков Д. В. Лагерь для иностранных военнопленных в Удмуртии в 1942–1948 годах // Вестн. Северного (Арктич.) федер. ун-та. Гуманитар. и соц. науки. 2017. № 3.

Потемкина М. Н., Любецкий А. Е. Проблемы размещения и содержания иностранных военнопленных на территории Челябинской области // Проблемы истории, филологии, культуры. 2017. № 2.

РГВА (Российский государственный военный архив). Ф. 1а. Оп. 1е. Д. 96. Л. 32–34.

Рожкова Е. К. Организация спецгоспиталей в годы Великой Отечественной войны // Вестн. ОГПУ. 1999. № 3.

¹ Каталог иностранных воинских захоронений на территории Российской Федерации. М., 2014. С. 19–23; Orte des Gewahrsams von deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion (1941–1956). S. 293.

References

К 9 мая в Уфе перепишут солдатские захоронения и могилы военнопленных // URL: ufa.mk.ru/articles/2015/04/29/k.

Katalog inostrannykh voinskix zaxoronenij na territorii Rossijskoj Federacii. M., 2014.

Motrevich V. P. Inostrannye voinskie zaxoroneniya Vtoroj mirovoj vojny na Urale: chislennost', pravovoj status, blagoustrojstvo // *Elektron. pril. k «Rossijskomu yuridicheskomu zhurnalu»*. 2011. № 5.

Motrevich V. P. Lagerya GUPVI NKVD (MVD) SSSR v Chelyabinskoj oblasti v 1942–1950 gg. (chislennost' i dislokaciya) // *Genesis: istor. issledovaniya*. 2016. № 6.

Motrevich V. P. Uchrezhdeniya dlya voennoplennykh i internirovannykh v Chkalovskoj oblasti v 1943–1949 gg. (chislennost' i dislokaciya) // *Vestn. OGPU*. 2017. № 1.

Motrevich V. P. Zaxoroneniya voennoplennykh Vtoroj mirovoj vojny i internirovannykh na territorii Respubliki Bashkortostan // *Nauchnoe, pedagogicheskoe i prosvetitel'skoe nasledie M. K. Lyubavskogo i aktual'nye problemy social'no-ehkonomicheskoy i politicheskoy istorii Rossii i ee regionov XVI–XX vv.* Ufa, 2010.

Orte des Gewahrsams von deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion (1941–1956). Findbuch. Dresden; Kassel; Moskau; München, 2010.

Perevoshnikov D. V. Gospitali dlya inostrannykh voennoplennykh na territorii Udmurtii v 1943–1949 gg. // *Vopr. istorii*. 2016. № 10.

Perevoshnikov D. V. Lagerya dlya inostrannykh voennoplennykh v Udmurtii v 1942–1948 godax // *Vestn. Severnogo (Arktich.) feder. un-ta. Gumanitar. i soc. nauki*. 2017. № 3.

Potemkina M. N., Lyubeckij A. E. Problemy razmeshheniya i sodержaniya inostrannykh voennoplennykh na territorii Chelyabinskoj oblasti // *Problemy istorii, filologii, kul'tury*. 2017. № 2.

RGVA (Rossijskij gosudarstvennyj voennyj arxiv). F. 1a. Op. 1e. D. 96. L. 32–34.

Rozhkova E. K. Organizaciya spetsgospitalej v gody Velikoj Otechestvennoj vojny // *Vestn. OGPU*. 1999. № 3. Voennoplennye v SSSR, 1939–1956. Dokumenty i materialy. M., 2000.

АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКИЕ ОПЕРАЦИИ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ГУМАНИТАРНОЕ ПРАВО

Почепнев Константин Евгеньевич

Студент юридического факультета Уральского института управления – филиал РАНХиГС (Екатеринбург), e-mail: pochepnev2011@mail.ru

Автор рассматривает вопрос о взаимосвязи антитеррористических операций и международного гуманитарного права. Анализируются имеющиеся определения понятий терроризма и антитеррористических операций. Критически оцениваются вопросы проведения антитеррористических операций в Украине и Сирии. Предпринимается попытка обозначить правовой статус террористов в рамках международного гуманитарного права путем распространения на них специального правового режима.

Ключевые слова: антитеррористические операции, международное гуманитарное право, терроризм

ANTI-TERRORIST OPERATIONS AND INTERNATIONAL HUMANITARIAN LAW

Pochepnev Konstantin

Ural Institute of Management – branch of RANEP (Yekaterinburg), e-mail: pochepnev2011@mail.ru

The author considers the relationship between anti-terrorist operations and international humanitarian law. He analyzes the existent definitions of terrorism and anti-terrorist operations. There is a critical evaluation of problematic issues of antiterrorist operations in Ukraine and Syria. The author tries to determine the legal status of terrorists within international humanitarian law by extending a special legal regime to them.

Key words: anti-terrorist operations, international humanitarian law, terrorism

Проблема терроризма является одной из глобальных проблем человечества, которая в последнее время приобрела особое значение. Это связано с тем, что масштаб данного явления становится все больше, охватывая порой целые государства. Естественно, что страны, подвергшиеся террористическим атакам, вынуждены применять иногда и военную силу для того, чтобы сохранить свой суверенитет и защитить проживающее на их территории население. Но любое применение государством оружия приводит к возникновению вооруженного конфликта, различные проявления которого входят в сферу регулирования международного гуманитарного права.

На практике возникает множество вопросов, связанных с пределами действия права вооруженных конфликтов на антитеррористические операции и лиц, осуществляющих действия террористической направленности. В рамках данной работы постараемся ответить на некоторые из них.

Для начала стоит разобраться в сути рассматриваемых понятий. Следует сказать, что общепризнанного универсального определения понятий международного терроризма и антитеррористической операции пока не выработано.

Что касается терроризма, то в системе международных правовых актов имеется комплекс универсальных и региональных договоров и соглашений, посвященных международному терроризму, в которых он определяется казуистически. Так, Международная

конвенция о борьбе с захватом заложников от 17 декабря 1979 г. (п. 1 ст. 1) в качестве террористических рассматривает различные действия, связанные с захватом и удержанием лиц и сопряженные в то же время с угрозами убить или нанести вред. В Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 14 июня 2001 г. (подп. 1 п. 1 ст. 1) под терроризмом понимаются какое-либо деяние, признаваемое как преступление в одном из договоров, перечисленных в Приложении к настоящей Конвенции, и как оно определено в этом договоре, а также любое другое деяние, направленное на то, чтобы вызвать смерть какого-либо гражданского лица или любого другого лица, не принимающего активного участия в военных действиях в ситуации вооруженного конфликта, или причинить ему тяжкое телесное повреждение, а также нанести значительный ущерб какому-либо материальному объекту, равно как организация, планирование такого деяния, пособничество его совершению, подстрекательство к нему, когда цель такого деяния в силу его характера или контекста заключается в том, чтобы запугать население, нарушить общественную безопасность или заставить органы власти либо международную организацию совершить какое-либо действие или воздержаться от его совершения.

Антитеррористическую операцию Т. В. Вербицкая определяет как применение вооруженных сил государств для пресечения преступных актов «террора»¹.

Изложенное свидетельствует о том, что рассматриваемая проблема получила теоретическое осмысление. Для ее практического исследования приведем два примера проведения антитеррористических операций.

Указом Президента Украины от 14 апреля 2014 г. была санкционирована антитеррористическая операция против самопровозглашенных ДНР и ЛНР, которая обострила существующий конфликт, окончательно трансформировав его в немеждународный вооруженный конфликт. Соответственно, на каждую находящуюся в конфликте сторону должны распространяться положения ст. 3 Женевских конвенций 1949 г., предоставляющих минимальные гарантии, связанные с правами человека. Однако Правительственными войсками Украины данные положения не раз нарушались грубейшим образом. Так, И. И. Котляров, анализируя действия властей Украины с точки зрения соответствия Женевским конвенциям и протоколам к ним, отмечает, что на Украине «проявляют жестокость в отношении мирного населения Донбасса посредством использования таких запрещенных средств ведения войны, как зажигательное оружие против гражданского населения или гражданских объектов»².

В связи с этим может сложиться впечатление, что при ведении военных действий против вооруженных формирований ДНР и ЛНР вооруженные силы Украины не связывают себя положениями международного гуманитарного права, рассматривая противоборствующую сторону в качестве явной и действительной террористической угрозы. Все это позволяет задать риторический вопрос: является ли операция по уничтожению мирного населения Юго-Востока Украины антитеррористической операцией или это прямое нарушение международного права и причина сложившегося там гуманитарного кризиса?

Обратимся к менее дискуссионной антитеррористической операции в Сирии, проведение которой легализовано Соглашением между Российской Федерацией и Сирийской Арабской Республикой о размещении авиационной группы Вооруженных Сил Российской Федерации на территории Сирийской Арабской Республики от 26 августа 2015 г.

¹ Вербицкая Т. В. Соотношение понятий международной контртеррористической операции и миротворческой операции // Юрид. наука и правоохранит. практика. 2017. № 2.

² Котляров И. И. Вооруженный конфликт в Украине // URL: http://www.ng.ru/ideas/2014-08-08/5_conflict.html (дата обращения: 12.11.2017).

Противоборствующая сторона – организация «Исламское государство», террористическая направленность действий которой уже признана международным сообществом. В каких же пределах распространяется международное гуманитарное право на лиц, воюющих на стороне «Исламского государства»?

По нашему мнению, на них следует распространить специальный правовой режим, т. е. юридически оформить в рамках международного гуманитарного права такую категорию, как «террорист», по аналогии с наемником. Наемники относятся к иным участникам военных действий, на которых не распространяется статус комбатантов и некомбатантов, поскольку они являются лицами, незаконно принимающими участие в военных действиях, как и собственно «террористы» (согласно п. 2 ст. 51 Дополнительного протокола к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающегося защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I) «запрещены любые акты и действия, связанные с терроризированием гражданского населения»). Участие в военных действиях в качестве наемников, их вербовка, использование и финансирование являются преступлением и подлежат наказанию в соответствии с законодательством государств (ст. 2, п. 3 ст. 5 Международной конвенции о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников от 4 декабря 1989 г.). На наемников в том случае, если они попадут во власть неприятеля, не распространяется статус военнопленного. В связи с изложенным на лиц, задействованных в наемничестве, не будут распространяться положения Женевских конвенций и протоколов к ним.

При таком подходе «террористы» смогут воспользоваться международной защитой только в части гарантии абсолютных прав, например права на жизнь, что адекватно и соразмерно осуществляемой ими деятельности. Кроме того, для подобных лиц возможно предусмотреть определенные изъятия и ограничения из сферы прав человека: временное ограничение свободы, изъятие имущества, временный запрет коммуникации и др. Также стоит установить перечень прав и свобод граждан, от которых государства не должны отступать ни при каких обстоятельствах: право на жизнь; запрет пыток либо бесчеловечного или унижающего достоинство человека обращения или наказания; принцип законности применяемых мер и наказаний; запрет придания обратной силы уголовным законам; запрет отступлений от императивных норм международного права.

Аналогичной позиции придерживается Комитет министров Совета Европы, которым 11 июня 2002 г. были утверждены Руководящие принципы в области прав человека и борьбы с терроризмом, где в общем виде описана ситуация отступления государства от некоторых обязательств в области обеспечения прав человека в случае, если борьба с терроризмом ведется в условиях войны. Однако в любом случае ограничение соответствующих прав человека должно быть законным, оправданным объективными условиями, а также остро необходимым в сложившейся ситуации.

Возвращаясь к вопросу о законности проведения антитеррористической операции властями Украины, необходимо, на наш взгляд, предусмотреть механизм санкционирования подобного рода операций на международном уровне, поскольку в противном случае антитеррористические операции могут использоваться властью как инструмент «политического геноцида». Подобный механизм может включать в себя требование о получении санкции Совета Безопасности ООН на проведение антитеррористической операции, что, как нам кажется, вряд ли реализуемо, поскольку здесь можно усмотреть нарушение суверенитета государств. Также возникает проблема, связанная со своевременностью получения разрешения на проведение соответствующих мероприятий. Альтернативный вариант – создание и подписание универсального международного договора, который содержал бы определение понятий «международный терроризм» и «ан-

титеррористическая операция», а также объективные критерии, согласно которым было бы возможно ее применение (например, наличие на территории государства значительных вооруженных сил, имеющих отношение к террористическим организациям).

В заключение хотелось бы отметить, что борьба с терроризмом и защита прав человека должны рассматриваться не как противоречащие друг другу, а как направленные на борьбу за мир и безопасность.

Список литературы

Вербицкая Т. В. Соотношение понятий международной контртеррористической операции и миротворческой операции // Юрид. наука и правоохранит. практика. 2017. № 2.

Котляров И. И. Вооруженный конфликт в Украине // URL: http://www.ng.ru/ideas/2014-08-08/5_conflict.html.

References

Kotlyarov I. I. Vooruzhennyj konflikt v Ukraine // URL: http://www.ng.ru/ideas/2014-08-08/5_conflict.html.

Verbickaya T. V. Sootnoshenie ponyatij mezhdunarodnoj kontrterroristicheskoy opera-cii i mirotvorcheskoj operacii // Yurid. nauka i pravooxranit. praktika. 2017. № 2.

БИТЬ ИЛИ НЕ БИТЬ – ВОТ В ЧЕМ ВОПРОС

Тиунова Алла Игоревна

Студент Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург),
e-mail: allatiunova19@gmail.com

В статье рассматривается проблема проведения антитеррористических операций и соблюдения при этом норм международного гуманитарного права. Ставится вопрос о правомерности осуществления государствами военно-силового контртерроризма в контексте их права на самооборону. Анализируются статус террористов в международных конфликтах и определения термина «самооборона». Предлагается конкретизировать понятие «терроризм», поскольку оно не определено в нормативных правовых источниках, отнести террористов и их организации к субъектам международных конфликтов, чтобы официально закрепить легитимное основание для применения государствами вооруженной силы в ответ на теракты. Автор полагает, что решить проблему терроризма на глобальном уровне можно путем повышения уровня образования, культуры, духовности населения.

Ключевые слова: антитеррористические операции, международное гуманитарное право, терроризм

TO FIGHT OR NOT TO FIGHT – THAT IS THE QUESTION

Tiunova Alla

Ural State Law University (Yekaterinburg), e-mail: allatiunova19@gmail.com

The article focuses on the problem of antiterrorist operations and the observance of international humanitarian law. The author raises the question of the legitimacy of military-force counterterrorism in accordance with the right to self-defense. The status of terrorists in international conflicts and various definitions of the term «self-defense» are analyzed. The author proposes to specify the concept of «terrorism» since it is not defined in any legal source, as well as to identify terrorists and their organizations as the subjects of international conflicts in order to establish the legitimate basis for states to use armed force in response to terrorist attacks. It is also necessary to improve the educational, cultural and spiritual level of people to solve the terrorism problem at the global level.

Key words: antiterrorist operations, international humanitarian law, terrorism

Мир – это зеркало, которое показывает каждому человеку его собственное отражение.

У. Теккерея

Терроризм – одна из самых злободневных тем и основная проблема человечества. Он проявляется не только в деятельности террористических организаций¹ или одиночных террористических актах, но и в таких новых формах, как телефонный терроризм. Прогрессирование терроризма заставляет мировое сообщество объединять свои силы и принимать активные действия, способные остановить, а в лучшем случае – не допустить совершение терактов. Одной из таких мер противодействия являются антитеррористические операции.

¹ Один из последних терактов совершен 31 октября 2017 г. в Манхэттене (Нью-Йорк, США) уроженцем Узбекистана.

Право и террористическая деятельность – вещи несовместимые, а потому антитеррористическая деятельность должна быть законной и легитимной, основанной на нормах международного права. Террористы осознанно попирают любые правила и нормы как *jus in bello*¹, так и международного права прав человека, однако это не дает государствам права поступать так же.

Одним из основных является вопрос правомерности осуществления государствами военно-силового контртерроризма в контексте их права на самооборону. В соответствии с Уставом ООН (Сан-Франциско, 26 июня 1945 г.) по общему правилу применение военной силы запрещено (п. 4 ст. 2). Однако для *jus ad bellum* предусмотрены два исключения. Самооборона (ст. 51), а также применение военной силы считаются законными, если они осуществляются в соответствии с резолюцией Совета Безопасности ООН (ст. 42–43).

Но что же считается самообороной? Однозначного ответа как у теоретиков, так и у практиков нет.

Существует точка зрения, согласно которой государство должно применять меры по подавлению террористической деятельности, имеющей место на его территории. Однако чтобы теракт был квалифицирован как «вооруженное нападение», он должен достигнуть определенного уровня интенсивности (в противном случае нет права на самооборону). В развитие этой точки зрения появилась доктрина аккумуляции военных действий², которая в некоторых случаях признает серию терактов как целенаправленную атаку, достигшую уровня «вооруженного нападения». Тем не менее она не получила официального признания Совета Безопасности ООН, хотя и была применена Международным судом ООН в некоторых прецедентах³.

Сторонники противоположного мнения считают, что поскольку Совет Безопасности понимает под международным терроризмом угрозу миру, то допустим военный ответ на его вызовы. Но не стоит забывать, что такие ответные действия должны быть авторизованы ООН, тогда как в соответствии с гл. VII Устава возможность авторизации отдельных односторонних и многосторонних военных террористических операций в рамках коллективной системы безопасности пока остается нереализованной⁴.

Очевидно, что корень проблемы кроется в том, что в международных нормативных правовых актах не урегулирован порядок ответа государств на террористические атаки. Более того, международное гуманитарное право не дает определения понятия «терроризм», хотя и запрещает в период вооруженных конфликтов большинство деяний, которые были бы квалифицированы как террористические⁵. В связи с этим возникают путаница и множество коллизий, ставится под вопрос легитимность осуществления государствами антитеррористической деятельности. Решением этой проблемы видятся введение и конкретизация понятия «терроризм» в международных нормативных правовых актах, отнесение террористов и их организаций к субъектам международных конф-

¹ Нормы международного гуманитарного права, регулирующие способы ведения военных действий.

² Kretzmer D. The Inherent Right to Self-Defence and Proportionality in Jus Ad Bellum // European Journal of International Law. 2013. Vol. 24. Is. 1. P. 235–282. URL: <https://academic.oup.com/ejil/article-lookup/doi/10.1093/ejil/chs087>.

³ International Court of Justice, Judgment of 6 November 2003. Oil Platforms case (*Islamic Republic of Iran v. United States of America*).

⁴ Громогласова Е. С. Современные военно-силовой контртерроризм: международно-политический и правовой аспекты // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Международные отношения. 2016. № 3. С. 426–436.

⁵ Международное гуманитарное право и терроризм: вопросы и ответы // Офиц. сайт Междунар. комитета Красного Креста. 2011. 1 янв. URL: <https://www.icrc.org/rus/resources/documents/misc/terrorism-ihl-2011-01-01.htm>.

ликов для того, чтобы официально закрепить легитимное основание для применения государствами вооруженной силы в ответ на теракты.

Рассмотрим также проблему, связанную с применением *jus in bello* к террористическим организациям. Такие организации чаще всего являются неправительственными. Следовательно, они автоматически не попадают под официальное определение сторон вооруженного конфликта и не считаются воюющими, поскольку не удовлетворяют условиям ст. 1 Положения о законах и обычаях сухопутной войны (Приложение к IV Гаагской конвенции о законах и обычаях сухопутной войны от 18 октября 1907 г.), а именно не соблюдают в своих действиях законы и обычаи войны, совершая атаки на мирное население.

Однако несоблюдение террористами правил международного гуманитарного права и международного права прав человека не дает основания государствам и правительствам не соблюдать указанные нормы. Как сказал профессор международного права Университета Глазго и специальный докладчик ООН по проблемам пыток Нильс Мельцер, «международное гуманитарное право – не „кодекс чести“, не наставление, как „хорошо“ или „вежливо“ вести себя в ситуациях вооруженных конфликтов. Это самый минимум того, что мы должны соблюдать, чтобы сохранить нашу человечность в хаосе и разрушениях вооруженного конфликта»¹.

Бесспорно, что государства, проводящие контртеррористические операции, обязаны соблюдать нормы международного права, поскольку они являются важнейшим гарантом поддержания стабильности в мире. Террористов можно сравнить с вирусом, проедающим дыры в полотне международной безопасности, а государства должны своевременно лечить эту «болезнь», применяя только законные средства. Как говорил Сенека, «нельзя уподобляться злым оттого, что их много», поэтому чтобы достичь мира и благополучия, нужно оставаться человечными несмотря ни на что.

Возможно ли неприменение в процессе проведения антитеррористических операций вооруженного насилия? Есть ли другие способы искоренения терроризма, ведь мы живем в прогрессивном, современном мире? К сожалению, нет. В большинстве своем террористы – люди либо необразованные и дикие, либо потерявшие смысл жизнь и окончательно отчаявшиеся. Положение первых связано чаще всего с обстановкой в стране: с отсутствием надлежащего воспитания, образования; не имея правильного представления о морали, гуманности и человечности, эти люди не в состоянии найти других средств к существованию. Вторые, быть может, образованны, но надломлены, поэтому говорить с ними о том, что терроризм есть бич, бесполезно.

На глобальном уровне улучшить ситуацию можно путем проведения различных миротворческих и гуманитарных миссий по повышению уровня образования и культуры в странах, где наблюдается наиболее высокий риск вербовки в ряды террористов. Еще оно решение – проведение встреч непосредственно с участниками террористических организаций с целью пропаганды основных правил ведения войны, принципов международного гуманитарного права, объяснения ценности каждой человеческой жизни. Вместе с тем проведение подобных мероприятий будет представлять опасность для самих добровольцев, поскольку никто не может предугадать истинные намерения террористов.

У государства, столкнувшегося с бесчинствами, хаосом, смертью, к которым ведут теракты, не остается другого выбора, как прибегнуть к оружию. Миллионы невинных жертв стоят ответных вооруженных действий. «Война – варварство, когда нападают на

¹ Международное гуманитарное право – не «кодекс чести» // Официальный сайт Международного комитета Красного Креста. 2017. 4 июля. URL: <https://www.icrc.org/ru/document/mezhdunarodnoe-gumanitarnoe-pravo-ne-kodeks-chesti>.

мирного соседа, но это освященный долг, когда защищают родину»¹. Безусловно, бороться с терроризмом нужно, в первую очередь искореняя его как социальный феномен, не допуская вербовку людей в террористические организации. Однако когда все средства исчерпаны, единственный способ – это ответный удар, который должен проводиться с неукоснительным соблюдением норм международного гуманитарного права и международного права прав человека, максимально гуманно и законно.

Список литературы

Kretzmer D. The Inherent Right to Self-Defence and Proportionality in Jus Ad Bellum // *European Journal of International Law*. 2013. Vol. 24. Is. 1. URL: <https://academic.oup.com/ejil/article-lookup/doi/10.1093/ejil/chs087>.

Громогласова Е. С. Современные военно-силовой контртерроризм: международно-политический и правовой аспекты // *Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Международные отношения*. 2016. № 3.

Международное гуманитарное право – не «кодекс чести» // Официальный сайт Международного комитета Красного Креста. 2017. 4 июля. URL: <https://www.icrc.org/ru/document/mezhdunarodnoe-gumanitarnoe-pravo-ne-kodeks-chesti>.

Международное гуманитарное право и терроризм: вопросы и ответы // Официальный сайт Международного комитета Красного Креста. 2011. 1 янв. URL: <https://www.icrc.org/rus/resources/documents/misc/terrorism-ihl-2011-01-01.htm>.

Мопассан Г. Пышка. М., 2008.

References

Gromoglasova E. S. Sovremennye voenno-silovoj kontrterrorizm: mezhdunarodno-politicheskij i pravovoj aspekty // *Vestn. Ros. un-ta druzhby narodov. Ser.: Mezhdunarodnye otnosheniya*. 2016. № 3.

Kretzmer D. The Inherent Right to Self-Defence and Proportionality in Jus Ad Bellum // *European Journal of International Law*. 2013. Vol. 24. Is. 1. URL: <https://academic.oup.com/ejil/article-lookup/doi/10.1093/ejil/chs087>.

Международное гуманитарное право – не «кодекс чести» // Официальный сайт Международного комитета Красного Креста. 2017. 4 июля. URL: <https://www.icrc.org/ru/document/mezhdunarodnoe-gumanitarnoe-pravo-ne-kodeks-chesti>.

Международное гуманитарное право и терроризм: вопросы и ответы // Официальный сайт Международного комитета Красного Креста. 2011. 1 янв. URL: <https://www.icrc.org/rus/resources/documents/misc/terrorism-ihl-2011-01-01.htm>.

Mopassan G. Pyshka. M., 2008.

¹ Мопассан Г. Пышка. М., 2008.

О ПРИМЕНЕНИИ НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА К ТЕРРОРИСТИЧЕСКИМ АКТАМ И АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКИМ ОПЕРАЦИЯМ

Тупицин Артем Артемович

Студент Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург), e-mail: rosscir@mail.ru

На примере трагедии, произошедшей 1 сентября 2004 г. в г. Беслане, автор показывает невозможность применения норм международного гуманитарного права к террористическим актам и антитеррористическим операциям, в частности потому, что террористические акты не относятся к военным преступлениям. Делается вывод о том, что террористические преступления и, как следствие, антитеррористические операции регулируются нормами международного права прав человека.

Ключевые слова: терроризм, комбатанты, антитеррористическая операция, международное гуманитарное право, военные преступления, международное право прав человека

ON THE APPLICATION OF INTERNATIONAL HUMANITARIAN LAW TO TERRORIST ACTS AND ANTI-TERRORISTIC OPERATIONS

Tupitsin Artem

Ural State Law University (Yekaterinburg), e-mail: rosscir@mail.ru

On the example of the tragedy took place in September 1, 2004 in Beslan the author shows that it is inadmissible to apply international humanitarian law to terrorist acts and anti-terrorist operations since the terrorist acts can't be treated as war crimes. He concludes that terrorist offences and, as a consequence, anti-terrorist operations are governed by international human rights law.

Key words: terrorism, combatants, anti-terrorist operation, international humanitarian law, war crimes, international human rights law

Общепринятого определения понятия «терроризм» не существует. Согласно словарю С. И. Ожегова терроризм – это политика и практика террора. В словаре В. И. Даля терроризм толкуется как устрашение смертными казнями, убийствами и всеми ужасами неистовства, а в словаре Д. Н. Ушакова – как тактика, политика террора.

Если соединим все определения, то получим, на наш взгляд, наиболее оптимальное: терроризм – это политика, основанная на систематическом применении террора, который выражается в устрашении своих политических противников посредством использования различных форм физического насилия. В настоящее время терроризм является одной из самых острых проблем, представляет угрозу для всего человечества, так как террористических акты происходят по всему миру. Например, 11 сентября 2001 г. в США в результате четырех координированных самоубийственных террористических актов погибло 2977 человек, 24 пропали без вести. И таких примеров в последнее время становится все больше и больше. Согласно докладу исполнительного директора Антитеррористического комитета ООН Жана-Поля Лаборда от 23 июля 2016 г., «на данный момент в странах насчитывается около 30 тыс. террористов»¹.

¹ ООН назвала количество террористов во всем мире // URL: <http://gosindex.ru/kolichestvo>.

Какие же бывают способы борьбы с террористическими актами? Первое, что приходит на ум, – антитеррористические операции, в связи с чем встает вопрос: применяются ли нормы международного гуманитарного права при проведении антитеррористических операций?

Для ответа на данный вопрос необходимо обратиться к принципам международного гуманитарного права (МГП), которые обязательны для всех субъектов данного права. Если мы признаем террористические организации (например, ИГИЛ или Аль-Каида) субъектами МГП и тем самым участниками вооруженного конфликта, то возникает необходимость применения норм МГП ко всему спектру отношений, складывающихся вокруг данных организаций. Иными словами, такие организации должны будут придерживаться принципов МГП и спецоперации в отношении них (по сути, военные действия против них) также должны будут соответствовать нормам этого права. Если же субъектами МГП мы их не признаем, то и применять данные нормы не следует.

Назовем общие принципы МГП:

- 1) принцип гуманности (запрещает применение насилия, которое не является необходимым для целей войны);
- 2) принцип недопустимости дискриминации (означает равное отношение ко всем индивидам независимо от пола, расы, цвета кожи, религии и т. д.);
- 3) принцип ответственности за нарушение норм МГП (двойная ответственность государств и физических лиц).

Перечислим также некоторые специальные принципы (закреплены в различных конвенциях, например Женевской конвенции о защите гражданского населения во время войны от 12 августа 1949 г.):

- 1) принцип ограничения воюющих в выборе средств ведения военных действий;
- 2) принцип защиты прав военнопленных;
- 3) принцип неприкосновенности лиц, прекративших принимать участие в вооруженном конфликте;
- 4) принцип ненападения на гражданских лиц (они не должны быть объектом военных преступлений; нападение разрешается только на военные объекты).

Попробуем на конкретном примере разобраться, применимы ли нормы МГП к терактам и антитеррористическим операциям. 1 сентября 2004 г. группа террористов совершила захват заложников в школе № 1 в г. Беслане. По некоторым данным, террористы требовали вывода войск РФ из Чечни и предоставления ей независимости¹.

МГП является составляющим права вооруженных конфликтов, т. е., по сути, это правовые нормы и принципы, регулирующие вопросы, относящиеся к защите жертв войны, жертв вооруженных конфликтов, а также ограничивающие методы и средства ведения войны. Значит, квалификация по данным нормам деяния, которое не относится к вооруженному конфликту, недопустима. Какие же преступления совершаются во время вооруженного конфликта? Полагаем, военные, те, что указаны в ч. 2 ст. 8 Римского статута международного уголовного суда. К. Макили-Алиев указал: «Военное преступление должно совершаться в достаточно тесной связи с вооруженным конфликтом как таковым и не должно быть элементом политики или практики, официально санкционированной или допускаемой одной из сторон конфликта»². Что касается целей террористов в Беслане, то, во-первых, они имели политическую направленность, так как, по сути, они требовали изменения государственного строя Чечни путем вывода российских вооруженных

¹ Басаев рассказал подробности про теракт в Беслане. Они не совпадают с данными Генпрокуратуры // URL: <http://www.newsru.com/russia/17sep2004/basaev.html>.

² Макили-Алиев К. Сравнительное международное гуманитарное право: зверства в ходе конфликтов в Сирии и в Нагорном Карабахе // Кавказ и глобализация. 2012. № 3. С. 40–49.

сил и предоставления ей независимости, во-вторых, первоначально вред был направлен исключительно на гражданских лиц, преимущественно женщин и детей, а уже после, во время проведения спецоперации (штурм здания школы), вред причинялся и военным (бойцам спецподразделений ФСБ «Альфа», «Вымпел» и др.).

Стоит отметить, что ни государства, ни мировое сообщество не признают террористические акты актами вооруженного конфликта, потому что даже если террористические акты совершаются во время вооруженного конфликта, стороны не причастны к данным деяниям, террористические организации не являются сторонами конфликта. Кроме того, состав такого преступления, как терроризм, нашел отражение в уголовных законах многих стран, а следовательно, к террористам применяются нормы национального законодательства, а не нормы МГП. Следовательно, террористические акты нельзя признавать военными преступлениями и отнести к деяниям, совершенным во время вооруженного конфликта (войны).

На наш взгляд, в данном случае следует применять нормы международного права прав человека (МППЧ), потому что именно они обеспечивают защиту прав и свобод человека в мирное время. Напомним, что в Беслане, а именно в Северной Осетии, на момент совершения террористического акта не было вооруженного конфликта.

Таким образом, полагаем, что к террористическим актам и к антитеррористическим операциям необходимо применять нормы МППЧ; нормы МГП в этих случаях неприменимы, так как данные преступления совершаются не во время вооруженного конфликта (а даже если во время, то не субъектом МГП), имеют политическую направленность, их первоначальным объектом выступают гражданские лица, а не комбатанты.

Список литературы

Басаев рассказал подробности про теракт в Беслане. Они не совпадают с данными Генпрокуратуры // URL: <http://www.newsru.com/russia/17sep2004/basaev.html>.

Макили-Алиев К. Сравнительное международное гуманитарное право: зверства в ходе конфликтов в Сирии и в Нагорном Карабахе // Кавказ и глобализация. 2012. № 3.

ООН назвала количество террористов во всем мире // URL: <http://gosindex.ru/kolichestvo>.

References

Basaev rasskazal podrobnosti pro terakt v Beslane. Oni ne sovpadayut s dannymi Genprokuratury // URL: <http://www.newsru.com/russia/17sep2004/basaev.html>.

Makili-Aliev K. Sravnitel'noe mezhdunarodnoe gumanitarnoe pravo: zverstva v xode konfliktov v Sirii i v Nagornom Karabaxe // Kavkaz i globalizaciya. 2012. № 3.

OON nazvala kolichestvo terroristov vo vsem mire // URL: <http://gosindex.ru/kolichestvo>.

ФЕНОМЕН ЮБИЛЕЯ В ПОЗНАНИИ ИСТОРИИ ЮРИДИЧЕСКОГО ВУЗА: ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Калинина Анна Владиславовна

Документовед архива Уральского государственного юридического университета и музея истории
СЮИ – УрГЮА – УрГЮУ (Екатеринбург), e-mail: museum@usla.ru

**Гордик Сергей Андреевич,
Еловигов Никита Александрович,
Катаргин Марк Валерьевич**

Студенты Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург),
e-mail: museum@usla.ru

Работа посвящена осмыслению понятия юбилея, его роли в истории российских высших учебных заведений, где ведется подготовка юридических кадров. Юбилей рассматривается как уникальный социокультурный феномен. Предпринята попытка продемонстрировать юбилейные практики университетов через призму изучения такого достаточно нового для современной научной литературы понятия, как «юбилеемания», а также показать юбилейную историю вузов в контексте развивающегося направления науки – университетологии. Обозначены исследовательские возможности данного направления. Внимание уделено описанию празднования юбилеев крупными российскими вузами. Значительная часть статьи освещает юбилейную культуру УрГЮУ в разные годы.

Ключевые слова: юридическое образование, история, университетология, юбилей, юбилеемания, Свердловский юридический институт, Уральская государственная юридическая академия, Уральский государственный юридический университет

THE PHENOMENON OF JUBILEE IN THE STUDY OF HISTORY OF A HIGHER EDUCATIONAL LAW INSTITUTION: RESEARCH OPPORTUNITIES AND PROSPECTS

Kalinina Anna

Archive and Museum of History of the Ural State Law University (Yekaterinburg), e-mail: museum@usla.ru

**Gordik Sergey,
Elovikov Nikita,
Katargin Mark**

Ural State Law University (Yekaterinburg), e-mail: museum@usla.ru

The work is devoted to understanding the concept of jubilee, its role in history of Russian higher educational law institutions. The jubilee is treated as a unique sociocultural phenomenon. The jubilee traditions of universities are shown through the prism of a rather new scientific concept – «jubileemania». The purpose of the article is to reveal the jubilee history of law universities in the context of a developing field of science – «university science». The authors describe how different Russian universities celebrated their anniversaries. Large part of the article covers the Ural State Law University's jubilee culture in different years.

Key words: law education, history, university science, jubileemania, anniversary, jubilee, Sverdlovsk Law Institute, Ural State Law Academy, Ural State Law University

Юбилей университета как социокультурное явление

Университет всегда играл не последнюю роль в историческом пространстве. Круглые даты в жизни любого вуза дают значительный импульс продвижению университетской среды во внешний мир и усилению ее рефлексии. Поэтому юбилей университета можно рассматривать как самостоятельный и уникальный социокультурный феномен. В данной работе мы попытаемся осмыслить юбилейные практики университетов, в которых ведется подготовка юристов, через призму изучения такого достаточно нового понятия для современной научной литературы, как «юбилеямания», а также показать юбилейную историю вузов в контексте университетологии.

В настоящее время университетология все чаще преподносится как обособленная область знания, которая выделяется из общей социально-политической истории, истории культуры и образования. К тому же можно предположить, что и университетские научные школы – это достаточно обособленные элементы истории науки в целом. Таким образом, рассматривая юбилейную историю университетов через понятие «университетология», мы сразу исходим из того, что это явление, которое имеет свои отличия от общей истории.

В целом феномен «юбилеямания» не нов для российской общественной мысли. Этот термин общеупотребителен в периодической печати, все чаще вводится в научный оборот¹, широко применим к российской общественной жизни рубежа XIX–XX вв. Используя это понятие, мы имеем в виду, что общество пронизано юбилейными настроениями, одна юбилейная волна сменяется другой, а в празднование вовлечены все общественные и политические силы, все слои населения². Одной из характерных черт юбилеямания выступает то, что даже традиционно некруглые даты часто рассматриваются как юбилейные.

Само понятие «юбилей» имеет древние корни. В энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона юбилей трактуется как древнееврейский праздник. По библейскому повествованию, закон о юбилее дан израильтянам Богом на горе Синай. По этому закону, изложенному в книге Левит, 50-е лето должно быть особенно освящено как год «оставления», или юбилея³. В этом же словаре понятие «юбилей» толкуется в традициях римско-католической церкви. Еще у древних римлян через каждые сто лет совершались особого рода «столетние игры», во время которых возносились молитвы богам, давались различные представления. Церковь поддержала этот древний обычай и установила празднование столетнего, или юбилейного, «отпускного» года. Первый случай такого празднования относится к 1300 г. В этот год появилась папская булла «Antiquorumhabet». В последующие годы интервалы празднования юбилеев не раз менялись в сторону уменьшения⁴.

В словаре В. И. Даля сказано, что юбилей – это торжество, празднество по поводу протекшего пятидесятилетия, столетия, тысячелетия. Выделяется юбилей известного лица для чествования исполнившегося известного срока его ученой, артистической, пре-

¹ Евтушенко А. Г. Юбилей как ключ к пониманию духовных устремлений нации // Вестн. Москов. гос. ун-та. 2012. № 1; Зипунникова Н. Н. Юбилейный синдром, «юбилеямания», лаборатория коммеморации или...? Размышления историка права о природе юбилейных изданий // Рос. право: образование, практика, наука. 2016. № 5. С. 28–33; Цимбаев К. Н. Феномен юбилеямания в российской общественной жизни конца XIX – начала XX века // Вопр. истории. 2005. № 11. С. 98–108 и др.

² Цимбаев К. Н. Указ. соч. С. 98–100.

³ Юбилей, древнееврейский праздник // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. URL: <https://ru.wikisource.org> (дата обращения: 11.06.2017).

⁴ Юбилей, в римско-католической церкви // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. URL: <https://ru.wikisource.org> (дата обращения: 11.06.2017).

подавательской, общественной и другой деятельности или в память истекшего срока¹. В толковом словаре Д. Н. Ушакова юбилей определяется как празднование годовщины (выражающейся в круглых и крупных цифрах) деятельности какого-нибудь лица или учреждения².

В современных словарях понятие «юбилей» получает более широкую трактовку: годовщина жизни, деятельности какого-либо лица, учреждения, годовщина какого-либо события, празднование такой годовщины³; празднование годовщины (выражающейся в круглых и крупных цифрах) деятельности какого-нибудь лица или учреждения, торжественное заседание, банкет и т. п., посвященное такому празднованию⁴.

Как видим, понятие «юбилей» в историческом развитии претерпело значительные трансформации. Некоторые исследователи отмечают и существенное сокращение интервалов празднования юбилеев. Можно согласиться с мнением, что юбилеи стали привычным явлением наших дней⁵.

Для государственных ведомств важно было определить, что считать юбилеем. В связи с этим большое значение имеет Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 12 декабря 1958 г. № 1361 «О наведении порядка в праздновании юбилеев». В нем отмечено, что за последнее время допускались многочисленные факты проведения юбилеев в произвольные сроки и часто независимо от заслуг юбиляров. Юбилейные даты отмечались с большой пышностью, что считалось ненормальным и «ненужным самолюбованием и зазнайством», которое «приводит к недопустимому расточительству государственных средств».

ЦК КПСС и Совет Министров СССР постановили обязать ЦК компартий союзных республик, крайкомы, обкомы КПСС, советы министров союзных и автономных республик, обл(край)исполкомы устранить отмеченные недостатки и навести порядок в проведении юбилеев. Отныне памятные даты исторических событий и юбилеи общественных организаций, предприятий, научных учреждений, учебных заведений, а также юбилеи выдающихся партийных, государственных, общественных деятелей, представителей науки, культуры, героев труда и др. должны были отмечаться с разрешения ЦК КПСС и Совета Министров СССР. Были определены сроки празднования юбилеев: для исторических событий и организаций – в дни 50-летия, 100-летия и далее через каждые 50 лет со дня основания или свершения события, а для отдельных лиц – в дни 50-летия или другого последующего 10-летия. Следует отметить, что и до выхода рассмотренного документа предпринимались попытки регламентировать юбилейную сферу: постановлением Совнаркома СССР от 1 декабря 1925 г. «О порядке разрешения празднования юбилеев», постановлением Совнаркома СССР от 20 апреля 1926 г. «О разъяснении постановления СНК СССР от 1 декабря 1925 г. о порядке разрешения празднования юбилеев» и др.

В современной России многие ведомства также пытаются регламентировать порядок и сроки празднования юбилеев⁶, что говорит о важности юбилеев для общества.

¹ Даль В. И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. М., 2006. С. 731.

² Ушаков Д. Н. Толковый словарь. 1935–1940 // URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/1098602/%D0%AE%D0%91%D0%98%D0%9B%D0%95%D0%99> (дата обращения: 11.06.2017).

³ Большой энциклопедический словарь. 2000 // URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/339038/%D0%AE%D0%91%D0%98%D0%9B%D0%95%D0%99> (дата обращения: 06.08.2017).

⁴ Большой словарь иностранных слов. 2007 // URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/1338/%D0%AE%D0%91%D0%98%D0%9B%D0%95%D0%99 (дата обращения: 06.08.2017).

⁵ Цимбаев К. Н. Указ. соч. С. 100; Солдаткин В. Е. Юбилей: исторический аспект праздника // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yubiley-istoricheskiy-aspekt-prazdnika> (дата обращения: 01.07.2017).

⁶ О разъяснениях Минтруда России: письмо Федерального фонда обязательного медицинского страхования от 6 августа 1996 г. № 3323/23; О юбилейных датах: письмо Минкультуры РФ от 25 апреля 2003 г. № 34-01-16/32; О порядке представления к государственным наградам Российской Федерации: письмо Минкуль-

Итак, какие же стороны объекта нашего исследования – университета – предстанут перед нами при рассмотрении юбилея?

Юбилей – это попытка осмысления или переосмысления научного, общественного, культурного наследия юбиляра-университета, его исторического значения и роли, этап подведения итогов¹. Празднование юбилея чаще всего предполагает охват наибольшей аудитории. В этом случае юбилей является прекрасным поводом для продвижения идей, представлений о прошлом университета, о его позиционировании в настоящем, а также о его планах на будущее. Устанавливается диалог с прошлым, который управляется из настоящего. Именно во время празднования памятных дат история – это не просто наука или повествование о событии, это элемент влияния на общество, осязаемая часть текущего момента.

Официальные юбилеи должны способствовать объединению общественности, в нашем случае – университетской, вокруг предлагаемых символов и идей², нарастанию благоприятных впечатлений о событии и об объекте, к которому оно относится.

Постепенно университет формирует собственную юбилейную культуру и уникальные коммеморативные практики. Эта культура создает образ университета в общественном сознании. К тому же современные университеты существуют в конкурентной среде, что подталкивает вузы к освоению маркетинговых технологий, в том числе связанных с построением привлекательного имиджа и конкурентоспособного бренда. Брендинг университета предполагает поиск его отличительных особенностей и является одной из стратегических задач управления вузом³. В настоящее время растет роль специальных событий в продвижении бренда. Под ними понимаются мероприятия, проводимые для привлечения внимания общественности к организации, для формирования ее позитивного имиджа⁴. В качестве такой событийной коммуникации можно рассматривать и празднование юбилея университета, которое ориентировано на внешнюю и внутреннюю аудиторию.

Представление образа университета через его юбилейные практики, то, как университет позиционирует себя, как воспринимают его окружающие, может выступать предметом самостоятельного исследования в области имагологии. Имагология – междисциплинарное направление, сложившееся на стыке литературоведения, социальной, исторической психологии, истории, культурологии, этнологии, в рамках которого исследуются проблемы формирования и бытования национальных и инокультурных образов, образов «Другого» в сознании социальных и этнических общностей, отдельных индивидов и групп. Имагология изучает межгрупповые (социальные) стереотипы, географические образы, этностереотипы, внешнеполитические, инокультурные и другие стереотипы и образы⁵. Университетскую корпорацию можно рассматривать как сформировавшуюся социальную группу, которая заявляет о себе в том числе в праздновании юбилеев.

туры РФ от 14 февраля 2002 г. № 01-17/16-69; Об упорядочении празднования юбилеев и других памятных дат в Вооруженных Силах Российской Федерации: директива министра обороны Российской Федерации от 25 января 2003 г. № Д-5 и др.

¹ Евтушенко А. Г. Указ. соч.

² Цимбаев Н. К. Указ. соч. С. 100.

³ Прохоров А. В. Брендинг университетов: российский опыт // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/brending-universitetov-rossiyskiy-opyt> (дата обращения: 12.06.2017)

⁴ Прохоров А. В. Современная практика брендинга российских университетов // Вестн. Тамбов. ун-та. Сер.: Гуманитар. науки. 2016. № 3–4; Его же. Специальное событие как инструмент продвижения образовательных услуг // Там же. 2014. № 4.

⁵ Поршнева О. С. Историческая имагология в современной российской историографии // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: индустриальная модернизация Урала в XVIII–XXI вв.: материалы XII Всерос. науч. конф., посвящ. 90-летию Заслуженного деятеля науки России, д-ра истор. наук, проф. Александра Васильевича Бакунина. Екатеринбург, 4–5 декабря 2014 г.: в 2 т. Екатеринбург, 2014. Т. 1. С. 126–129.

Таким образом, юбилей играет важную роль в социокультурном пространстве. Его можно рассматривать и как сугубо утилитарное явление, и как нечто более фундаментальное. В целом юбилей – это уникальное культурное явление, изучение которого поможет лучше понять исследуемый объект, в том числе некоторые отличительные черты и развитие университетской культуры.

Юбилейные традиции вузов России

Многие ведущие вузы России, которые готовят юридические кадры, имеют давнюю юбилейную историю. В последнее время внимание к освещению этой стороны жизни учебного заведения возросло. Российские университеты, многие из которых уже давно перешагнули столетний рубеж, накопили большой опыт в подготовке празднования своих крупных и круглых дат.

Богатую историю празднования юбилеев имеет Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова.

История юридического факультета Московского университета началась вместе с историей самого учебного заведения. Университет был открыт 24 января 1755 г. на основании изданного императрицей Елизаветой Петровной именного указа «Об учреждении Московского университета и двух гимназий»¹. В Высочайше утвержденном проекте об учреждении Московского университета от 12 января 1755 г. предусматривалось три факультета: юридический, медицинский и философский². В первые десятилетия существования советской власти высшее образование подверглось значительным преобразованиям, которые коснулись и Московского университета. На основании постановления Народного комиссариата просвещения РСФСР от 12 февраля 1918 г. № 859 «Об упразднении юридических факультетов» до марта 1919 г. факультет должен был быть упразднен. Лишь в 1942 г. в МГУ было воссоздано юридическое отделение (факультет)³.

Празднования круглых дат проходили по-разному. Первый свой юбилей – 25 лет – МГУ встретил без шумихи. Торжество по поводу 50-летия состоялось 30 июня 1805 г. и отмечалось уже на государственном уровне. Император Александр I пожаловал университету Высочайшую грамоту. Широких мероприятий в честь 75-летия в 1830 г. не проводилось: есть мнение, что повлияла политическая обстановка, в частности недавнее восстание декабристов, многие из участников которого были связаны с Московским университетом. Мероприятия были обычными для того времени: торжественные собрания, речи, оды-посвящения университету и многое другое. В 1830 г. отдельной книгой были изданы речи ведущих профессоров.

К своему 100-летию в 1855 г. Московский университет готовился с особой тщательностью. Еще за четыре года до юбилея была создана специальная юбилейная комиссия⁴. В память о событии были изданы «Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета за истекающее столетие учреждения января 12-го 1755 года по день столетнего юбилея января 12-го 1855 г., составленный трудами профессоров и преподавателей, занимавших кафедры в 1854 г., и расположенный по азбучному порядку» (М., 1855), «История Московского университета, написанная к столетнему его юбилею ординарным профессором русской словесности и педагогики

¹ Полн. собр. законов Рос. империи. Собр. 1. СПб, 1830. Т. 14. № 10346. С. 284–287.

² Там же. С. 287–294.

³ Летопись юридического факультета (1755–1918) // URL: <http://letopis.msu.ru/content/letopis-yuridicheskogo-fakulteta-1755-1918>; Летопись юридического факультета (1942 – н. вр.) // URL: <http://letopis.msu.ru/content/letopis-yuridicheskogo-fakulteta-1942-nvr> (дата обращения: 20.08.2017).

⁴ Летопись Московского университета. Наши юбилеи // URL: <http://letopis.msu.ru/content/nashi-yubilei#1> (дата обращения: 20.08.2017).

Степаном Шевыревым: 1755–1855» (М., 1855). Вместе с тем в литературе этот праздник рассматривается как подчеркнуто государственный и чиновничий¹.

В 1905 г. Московский университет должен был встретить свое 150-летие и вел подготовку к юбилейным торжествам. Как обычно, была создана юбилейная комиссия во главе с известным историком профессором В. О. Ключевским. Проведению массовых мероприятий помешала политическая обстановка. Сначала Министерство народного просвещения запретило празднование, сославшись на отсутствие в российском законодательстве нормы, разрешающей отмечать официальные юбилеи некруглых дат. Опасаясь противоправительственных выступлений, «банкетных кампаний», Министерство внутренних дел под предлогом начала русско-японской войны также выступило против больших торжеств, и ректор А. А. Тихомиров запретил все мероприятия.

Следующие юбилеи МГУ встречал уже в новой стране – СССР. 175-летний юбилей прошел без торжеств. В тот период встал вопрос: нужны ли вообще такие структуры, как университет? В 1930 г. появилась статья ректора И. Д. Удальцова в журнале «Красное студенчество» под названием «175-летний старец», в которой были высказаны мнение о необходимости расчленения университета на самостоятельные институты, а также ряд предложений об изменении всей старой системы преподавания.

В 1940 г. Московский университет отмечал 185-летний юбилей. Празднование началось с проведения публичных лекций по истории университета, была издана юбилейная серия ученых записок. Органы власти высоко оценили заслуги университета: Указом Верховного Совета СССР Московский университет был награжден орденом Ленина, ему было присвоено имя М. В. Ломоносова, а многие преподаватели и сотрудники получили заслуженные ордена и медали СССР.

На высоком уровне праздновался 200-летний юбилей в 1955 г. В тот год университет наградили орденом Трудового Красного Знамени, им были получены поздравительные адреса от ЦК КПСС и Совета Министров СССР². В Большом театре прошло торжественное заседание, на котором присутствовало почти все высшее руководство страны, в том числе первый секретарь ЦК КПСС Н. С. Хрущев.

Тщательная подготовка велась к празднованию 225-летия МГУ – с 1977 г. по 1980 г. В соответствии с решением ЦК КПСС была создана правительственная юбилейная комиссия, которую возглавил министр высшего и среднего специального образования СССР В. П. Елютин. Центральным событием стало торжественное заседание в Колонном зале Дома союзов, где МГУ наградили орденом Октябрьской Революции. Была проведена череда интереснейших мероприятий: научные конференции, выставка «Московскому университету – 225» в Государственном историческом музее, в прессе публиковались материалы об университете, улицам присваивались имена в честь МГУ, была издана книга «Мы из МГУ» (в ней предлагалась «модель» студента будущего), традиционно были отмечены наградами преподаватели и сотрудники.

В современной России первым большим юбилеем МГУ стало его 250-летие в 2005 г. Незадолго до юбилея, в 2000 г., вышел Указ Президента РФ В. В. Путина «О праздновании 250-летия Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова». Был сформирован общероссийский организационный комитет по подготовке к празднованию круглой даты. Сам юбилей отмечался 25 января 2005 г. – в Татьянин день. В тот день была открыта Фундаментальная библиотека, мероприятие посетил В. В. Путин. Затем состоялся праздничный концерт в Государственном кремлевском дворце. Полгода в Государственном историческом музее действовала вставка «Первый университет россий-

¹ Зипунникова Н. Н. Указ. соч. С. 28–33.

² Летопись Московского университета. Наши юбилеи // URL: <http://letopis.msu.ru/content/nashi-yubilei#l> (дата обращения: 20.08.2017).

ский. 250 лет Московскому государственному университету». Коллектив университета был награжден почетной грамотой Государственной Думы ФС РФ. Было проведено и множество других массовых мероприятий¹.

Последующие юбилеи МГУ отмечал каждые пять лет: 255 лет в 2010 г. и 260 лет в 2015 г. Кульминационным мероприятиям традиционно отводилось несколько дней января, было задействовано несколько городских площадей².

Казанский университет (с 2010 г. – Казанский (Приволжский) федеральный университет) – один из старейших университетов провинциальной России. Он был основан 5 ноября 1804 г. – именно тогда Александр I подписал Утвердительную грамоту Казанского Императорского университета и его Устав³. Хотя официальное открытие состоялось 14 февраля 1814 г.⁴

История юридического образования в университете началась с момента его основания. По Уставу 1804 г. в составе учебного заведения было нравственно-политическое отделение, где и велось преподавание правовых дисциплин. В 1919 г. появился факультет общественных наук с юридико-политическим отделением, который просуществовал до 1922 г. Лишь в 1928 г. подготовка юристов в Казанском университете возобновилась сначала на факультете советского строительства и права, а с 1931 г. – в самостоятельном Институте советского строительства и права (позднее его переименовывали в Казанский институт советского права, Казанский правовой институт, Казанский юридический институт). Институт недолго оставался самостоятельным: в 1952 г. было принято решение восстановить юридический факультет Казанского государственного университета (далее также – КГУ)⁵.

В течение XIX в. дата празднования основания университета была неопределенной. В 1807 г. собирались отметить вторую его годовщину, директор приурочил ее к 14 февраля – дню посещения университета первым попечителем С. Румовским. Вопрос о смещении даты с 14 февраля на 5 ноября возник в начале 1850-х гг., перед 50-летием учебного заведения. С 1866 г. 5 ноября стало официальным днем Казанского университета⁶.

История первых юбилеев Казанского университета была достаточно сложной. Университет с большим энтузиазмом готовился встретить свое 50-летие. В 1853 г. была создана юбилейная комиссия во главе с Н. И. Лобачевским⁷. Но пышным празднованиям не суждено было состояться: в 1853 г. началась непростая для России Крымская война, от государя последовало указание, что 50 лет – это не юбилей. В историю вошел лишь сборник статей профессоров университета.

В 1904 г. Казанский университет встречал свое 100-летие, которое планировали отметить очень торжественно, даже было подписано Высочайшее повеление. Но началась русско-японская война, празднование юбилея решили отложить. Однако была проделана важная работа по изучению истории университета. В свет вышла «История Импе-

¹ Летопись Московского университета. Наши юбилеи // URL: <http://letopis.msu.ru/content/nashi-yubilei#l> (дата обращения: 20.08.2017).

² Ивойлова И. Юбилею – 255 лет // URL: <https://rg.ru/2010/01/25/tatiana-site.html>; МГУ отмечает 255-летний юбилей // URL: http://www.msu.ru/press/smiaboutmsu_arch/mgu_otmechaet_255_letniy_yubiley.html; МГУ отмечает солидный юбилей – 260 лет // URL: http://www.msu.ru/press/smiaboutmsu_arch/mgu_otmechaet-solidnyy-yubiley-260-let-.html (дата обращения: 19.08.2017).

³ Полн. собр. законов Рос. империи. Собр. 1. СПб, 1830. Т. 28. № 21504. С. 653–656.

⁴ Юридический факультет: 210 лет истории // URL: <http://history-kazan.ru/aktualnaya-tema/yubilej/15307-yuridicheskij-fakultet-210-let-istorii> (дата обращения: 20.08.2017).

⁵ Из истории Юридического факультета // URL: <http://kpfu.ru/law/uznat-bolshe-o-fakultete/istoriya-juridicheskogo-fakulteta-kfu> (дата обращения: 20.08.2017).

⁶ Традиции Казанского университета // URL: <http://kpfu.ru/sveden/istoriya-universiteta/tradicii-kazanskogo-universiteta> (дата обращения: 20.08.2017).

⁷ Казанский университет и его юбилеи // URL: <http://history-kazan.ru/4044-659> (дата обращения: 20.08.2017).

раторского Казанского университета за первые сто лет его существования»¹, созданная под руководством профессора Н. П. Загоскина (хотя эта работа охватила только период с 1804 г. по 1827 г.), был издан также ряд других юбилейных изданий.

18 ноября 1924 г. университет отметил свое 120-летие. В преддверии праздника ему присвоили имя В. И. Ульянова-Ленина.

125-летний юбилей отпраздновали в 1930 г.: открылась приуроченная к нему выставка, состоялся праздничный концерт. Последующие юбилеи ввиду военного времени отмечались достаточно скромно.

Запоминающимися стали празднования 150-летия и 175-летия КГУ. В год 150-летия прошли научные конференции, выставки. Традиционно в свет вышла юбилейная книга «История Казанского государственного университета им. В. И. Ульянова-Ленина (материалы к обсуждению)»², был издан альбом с видами зданий и памятными фотографиями, открыт памятник В. И. Ленину, а вскоре университет наградили орденом Трудового Красного Знамени.

В 1979 г. в честь 175-летнего юбилея КГУ был отмечен орденом Ленина. Кроме того, в Театре оперы и балета состоялось торжественное заседание, во Дворце спорта – студенческий праздник, были организованы научные конференции. Важным событием стало открытие музея истории университета. По традиции в свет вышла новая книга об университете – очерки истории «Казанский университет»³.

В современной России Казанский университет торжественно встретил две круглые даты. В честь 200-летия состоялось торжественное собрание преподавателей и студентов (Следует сказать, что собрание в день рождения вуза – одна из самых старых традиций университета.) Празднование 210-летия КФУ получилось по-настоящему громким. Была разработана юбилейная символика; к этому событию приурочили череду научных мероприятий: конференций, симпозиумов, конкурсов, исследовательских проектов, интеллектуальных игр⁴.

Участвовали в этих мероприятиях и юристы. Была организована международная научно-практическая конференция «Юридическая наука и образование в XXI веке», которую посетили представители российских и зарубежных вузов и другие выдающиеся представители юридического сообщества⁵. В Казанской ратуше состоялся торжественный ужин от имени мэра Казани И. Метшина – председателя попечительского совета юридического факультета Казанского университета. В Колонном зале собралось более 200 преподавателей, выпускников и студентов юридического факультета. В честь 210-летнего юбилея юридического факультета КФУ для гостей был организован фуршет и концерт с живой музыкой и участием известных деятелей культуры Татарстана⁶.

В юбилейных спортивных мероприятиях принимали участие студенты, преподаватели и сотрудники вуза. Прошло множество творческих конкурсов. В ноябре 2014 г. состоялся торжественный бал, а в декабре – праздничный концерт в Ледовом дворце спорта. На официальном сайте университета появилось множество материалов, посвя-

¹ Загоскин Н. П. История Императорского Казанского университета за первые сто лет его существования, 1804–1904. Казань, 1902–1904.

² История Казанского государственного университета им. В. И. Ульянова-Ленина (материалы к обсуждению) / под общ. ред. Д. Я. Мартынова. Казань, 1954.

³ Казанский университет и его юбилеи // URL: <http://history-kazan.ru/4044-659> (дата обращения: 20.08.2017).

⁴ Там же.

⁵ Из истории Юридического факультета // URL: <http://kpfu.ru/law/uznat-bolshe-o-fakultete/istoriya-juridicheskogo-fakulteta-kfu> (дата обращения: 20.08.2017).

⁶ Традициям Казанской школы теории права 210 лет // URL: <http://history-kazan.ru/aktualnaya-tema/yubilej/15306-traditsiyami-kazanskoj-shkoly-teorii-prava-210-let> (дата обращения: 20.08.2017).

щенных истории вуза, деятельности его выдающихся людей, а также воспоминания выпускников¹.

С 1940-х гг. традиционным для Казанского университета стало празднование факультетских юбилеев, а также юбилеев известных ученых и писателей (Н. И. Лобачевского, А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого и др.)².

В настоящее время многие другие высшие учебные заведения России также уделяют пристальное внимание организации юбилейных мероприятий.

В 2016 г. Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина отметил свое 85-летие. Его история началась в 1931 г., когда было принято Положение о Московском институте советского права³. Позднее в его составе были организованы заочные курсы по правовому образованию. После ряда преобразований был создан Всесоюзный заочный юридический институт, который существовал долгие годы: в 1990 г. его переименовали в Московский юридический институт, а с 1993 г. – в Московскую государственную юридическую академию (с 2013 г. – университет)⁴. В честь 85-летнего юбилея были организованы конференции, круглые столы, семинары, выставки, культурно-массовые и спортивные мероприятия; в свет вышла серия юбилейных изданий: учебных, научных трудов. Кульминационным мероприятием стал праздничный вечер с концертом. Университет получил более 70 поздравительных телеграмм и адресов⁵.

Юридический факультет Саратовского государственного университета был открыт 1 июля 1917 г. по решению Временного правительства. В 1920 г. к нему присоединили историческое отделение, и факультет стал называться правовым, а позднее – факультетом общественных наук. В 1922 г. из него было выделено словесно-историческое отделение, осталось лишь правовое, к которому в 1923 г. присоединили экономическое отделение. В 1924 г. факультет стал называться факультетом хозяйства и права с двумя предметными комиссиями: правовой и экономической. В 1929 г. факультет разделили на два: экономический факультет и факультет советского строительства и права⁶. 20 апреля 1931 г. было принято постановление Президиума ВЦИК РСФСР «О мероприятиях по подготовке и переподготовке кадров работников советского строительства», в соответствии с которым факультет был преобразован в самостоятельный Саратовский институт советского права (в настоящее время – Саратовская государственная юридическая академия).

11 октября 2005 г. на заседании Ученого совета Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского было принято решение об открытии юридического факультета⁷. А в 2017 г. отмечали уже 100-летний юбилей юридического образования в СГУ. Этому событию была посвящена Студенческая весна юридического факультета⁸.

¹ Казанскому университету – 210 // URL: <http://kpfu.ru/sveden/kazanskomu-universitetu-210> (дата обращения: 20.08.2017).

² Традиции Казанского университета // URL: <http://kpfu.ru/sveden/istoriya-universiteta/tradicii-kazanskogo-universiteta> (дата обращения: 20.08.2017).

³ Положение о Московском институте советского права // Сов. юстиция. 1931. № 19. С. 11–12.

⁴ Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА). Историческая справка // URL: <http://www.msal.ru/content/ob-universitete/?hash=tab17> (дата обращения: 24.08.2017).

⁵ В 2016 году Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА) отмечает свое 85-летие // URL: http://www.msal.ru/news/v-2016-godu-moskovskiy-gosudarstvennyy-yuridicheskiy-universitet-imeni-o-e-kutafina-mgyua-otmechaet-/?sphrase_id=50166 (дата обращения: 24.08.2017).

⁶ Юридическому факультету Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского 90 лет // URL: <http://www.sgu.ru/structure/jurist/o-fakultete/istoriya> (дата обращения: 24.08.2017).

⁷ Там же.

⁸ Студенческая весна юридического факультета была посвящена 100-летию юридического образования в СГУ // URL: <http://www.sgu.ru/structure/jurist/news/2017-03-22/studencheskaya-vesna-yuridicheskogo-fakulteta-byla> (дата обращения: 24.08.2017).

В 2016 г. 85-летний юбилей праздновала и Саратовская государственная юридическая академия. На торжественном мероприятии присутствовали представители федеральных и областных правоохранительных структур, органов государственной власти, ректоры российских вузов, политики, общественные деятели, преподаватели, студенты и выпускники разных лет¹. Прошли приуроченные к юбилею научные, творческие, культурно-массовые и спортивные мероприятия. В средствах массовой информации было опубликовано множество статей, посвященных юбилею академии².

В 2016 г. 100-летний юбилей широко отмечал Пермский государственный национальный исследовательский университет, где история юридического образования началась с момента основания университета в 1916 г.³ 2014 г. стал юбилейным и для Санкт-Петербургского государственного университета: ему исполнилось 290 лет⁴. Список университетов-юбиляров, которые масштабно праздновали свои «дни рождения» в последние годы, может быть дополнен.

Таким образом, многовековая история празднования юбилеев поддерживается и в настоящее время. На масштаб проводимых мероприятий часто влияли внутре- и внешнеполитическая, экономическая обстановка и многие другие факторы. Но стремление отпраздновать юбилей никогда не ослабевало. Сформировались типичные мероприятия, которые сопровождают это событие. Среди них – научные (конференции, форумы, конкурсы и др.), творческие, культурно-массовые и спортивные мероприятия: танцевальные, музыкальные смотры, соревнования по разным видам спорта, фестивали, флешмобы и др. Во всех учебных заведениях в круглые годы стремятся отметить людей, которые внесли значительный вклад в развитие вуза, науки, образование: преподавателей, сотрудников и студентов. Выпускается сувенирная продукция с символикой вуза, создается логотип празднования. Кульминационным юбилейным мероприятием становится торжественный вечер, который собирает преподавателей, сотрудников и студентов, а также выпускников, представителей власти, бизнеса и др. Празднование юбилея освещается в средствах массовой информации, на сайтах вузов или специальных интернет-страницах.

Юбилей является для учебных заведений хорошим поводом обратиться к своей истории. Нередко юбилейным описаниям вузовской истории присущ такой недостаток, как излишняя парадность. Работы последних лет все чаще стараются избегать такого подхода и представлять «живую историю», где учебное заведение рассматривается комплексно – как часть большого пространства, в центре которого – человек⁵. Все чаще сам юбилей как особый феномен становится объектом самостоятельного исследования⁶.

В последнее время, особенно в юбилейные годы, крупные вузы стараются заявить о себе за пределами своего внутреннего пространства. Юбилей стал элементом продвижения вуза.

¹ 85-летие ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия» // URL: <http://minjust.ru/ru/novosti/85-letie-fgbou-vo-saratovskaya-gosudarstvennaya-yuridicheskaya-akademiya> (дата обращения: 24.08.2017).

² СМИ о нас. Сайт Саратовской государственной юридической академии // URL: <http://xn--80af5bzc.xn--p1ai/pechatnye-izdaniya> (дата обращения: 24.08.2017).

³ Более подробно об этом событии можно узнать на посвященном ему сайте: URL: <https://100.psu.ru/> (дата обращения: 11.08.2017).

⁴ 290-летие СПбГУ // URL: <http://old.spbu.ru/spbgu290let/761-290-letie-spbgu/20077-prazdnichnye-meropriyatiya.html> (дата обращения: 11.08.2017).

⁵ Зипунникова Н. Н. Указ. соч. С. 28–33; Иванова Т. Н., Мягков Г. П. Юбилейные даты как стимул развития «университетологии»: об одном издании к 40-летию Омского государственного университета // Диалог со временем. 2015. Вып. 52. С. 384–389 и др.

⁶ Вишленкова Е. А. Юбилей Казанского университета как общественное явление // Казанский университет как исследовательское и социокультурное пространство: сб. науч. ст. и сообщений. Казань, 2005. С. 9–18; Зипунникова Н. Н. Указ. соч. С. 28–33; Иванова Т. Н., Мягков Г. П. Указ. соч. С. 384–389 и др.

Можно сделать вывод, что изучение юбилейной культуры вузов имеет значительные исследовательские перспективы.

Навстречу 100-летию УрГЮУ: через семь лет после «Юбилея – 80»

История Уральского государственного юридического университета берет свое начало в первой четверти XX столетия. До недавнего времени датой образования учебного заведения называлось 20 апреля 1931 г., когда было принято постановление Президиума Всероссийского центрального исполнительного комитета РСФСР «О мероприятиях по подготовке и переподготовке кадров работников советского строительства». Торжества по поводу юбилея вуза проводились в честь его 5-, 40-, 50-, 60-, 65-, 70-, 75-, 80-летия. Но совсем недавно эта дата изменилась в связи с открытием новых фактов о времени начала существования университета.

УрГЮУ ведет свою историю с момента образования Иркутского государственного университета (далее также – ИГУ), учрежденного 15 сентября 1918 г., что было закреплено постановлением Совета министров Сибирского правительства от 26 апреля 1919 г. В его состав входил юридический факультет¹. Важно отметить, что вопрос о более ранней дате начала истории вуза ставился еще в 1946 г., но тогда эта дата не прижилась².

Юридический факультет, образованный в 1918 г., имел в составе четыре кафедры: гражданского права (профессор В. П. Доманжо), истории русского права (профессор С. П. Покровский), уголовного права и судопроизводства (профессор Г. Ю. Маннс), торгового права (профессор М. М. Агарков). Первым деканом факультета стал профессор В. П. Доманжо.

В 1920-е гг. юридический факультет претерпел ряд радикальных структурных изменений: был образован один гуманитарный факультет, затем факультет общественных наук, в составе которого было создано правовое отделение. Факультет общественных наук в Иркутском университете просуществовал с 1921 по 1924 г. Его преемником стал факультет права и местного хозяйства, открытый осенью 1924 г. По мнению ряда историков юридического образования, в 1928 г. этот факультет реорганизовали: на базе правового отделения был создан факультет советского строительства (в 1930 г. – факультет советского строительства и права)³. Стоит отметить, что реорганизация факультета конца 1920-х – начала 1930-х гг. пока еще мало изучена и нуждается в более детальном рассмотрении.

Упомянутым постановлением Президиума ВЦИК РСФСР от 20 апреля 1931 г. факультет советского строительства и права Иркутского государственного университета был преобразован в Сибирский институт советского права, который приказом Народного комиссариата юстиции РСФСР от 10 июля 1934 г. № 307 и постановлением Совета народных комиссаров РСФСР от 1 августа 1934 г. № 699 был переведен из Иркутска в Свердловск⁴.

Постановлением Центрального исполнительного комитета и Совета народных комиссаров СССР от 5 марта 1935 г. № 2/389 «О мероприятиях по развертыванию и улучшению правового образования» Сибирский институт советского права был переименован в Свердловский правовой институт, который постановлением Народного комиссариата

¹ Государственный архив Иркутской области. Ф. Р-71. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 106–107.

² Архив Уральского государственного юридического университета. Ф. 2143-р. Справка по истории образования института от 19 февраля 1946 г.

³ Казарин В. Н. Юридическое образование в Восточной Сибири (1918–1991 гг.): моногр. / В. Н. Казарин, Ю. П. Лякустина. Иркутск, 2012. С. 80–104.

⁴ УрГЮУ: история и современность // URL: <http://www.usla.ru/ch.php?mid=3898&cid=1&obid=3898> (дата обращения: 06.08.2017).

юстиции РСФСР от 3 июля 1936 г. был переименован в Свердловский юридический институт. Именно бренд СЮИ прославился на весь Советский Союз.

С декабря 1954 г. по январь 1962 г. СЮИ носил имя А. Я. Вышинского¹. В феврале 1981 г. институту присвоено имя Р. А. Руденко². В декабре 1992 г. Свердловский юридический институт был переименован в Уральскую государственную юридическую академию, а 22 апреля 2014 г. получил статус университета³.

Кратко представим этапы становления юридического вуза на Урале:

- 1) юридический факультет ИГУ (1918–1920);
- 2) гуманитарный факультет ИГУ (1920–1921);
- 3) факультет общественных наук ИГУ (1921–1924);
- 4) факультет права и местного хозяйства ИГУ (1924–1928);
- 5) факультет советского строительства ИГУ (1928–1930);
- 6) факультет советского строительства и права ИГУ (1930);
- 7) Сибирский институт советского права (1931–1935);
- 8) Свердловский правовой институт (1935–1936);
- 9) Свердловский юридический институт (1936–1992);
- 10) Уральская государственная юридическая академия (1992–2014);
- 11) Уральский государственный юридический университет (с 2014 г.).

К 5-летию своего существования институт выпустил 190 высококачественных специалистов – членов областных судов, народных судей, прокуроров, следователей и т. д. Выпускники работали в самых разных частях СССР от Урала до Тихого океана, занимали ответственные посты в Бурят-Монгольской АССР, Якутской АССР, Хакасской и Ойротской автономных областях.

Статья, посвященная пятилетию СЮИ в газете «Уральский рабочий» от 11 мая 1936 г.

¹ УрГЮУ: история и современность.

² Там же.

³ Там же.

В 1936 г. в Свердловском правовом институте училось 296 студентов, работало 7 профессоров, 11 доцентов, 3 ассистента и 16 преподавателей. Отмечалось увеличение количества студентов с каждым годом.

В юбилейный год была проведена научная конференция пяти существовавших на тот момент кафедр: государства и права, уголовного права, хозяйственного права, социально-экономических наук, военной дисциплины и физкультуры. На конференции с докладами выступали профессора С. В. Юшков, М. В. Хорохорин, Г. М. Колоножников и др.

Также в институте прошла методическая конференция, на которой было решено уничтожить прежнюю «ученическую систему» и взамен ввести систему исключительно лекционную и новую форму консультаций студентов, семинары повышенного типа и коллоквиумы. Отмечались высокая успеваемость студентов, их большая тяга к общей культуре, участие в школах и кружках политпросвещения. Руководство института по результатам прошедших пяти лет ставило новые «задачи максимального повышения качества учебы, культурности, грамотности студенчества и дальнейшего укрепления профессорского состава с целью поднятия на еще большую высоту подготовки кадров для органов советской юстиции»¹.

В октябре 1971 г. праздновалось 40-летие со дня основания Свердловского юридического института. В честь этого события были отмечены сотрудники, активно участвующие в учебной, научной и хозяйственной работе. 30 октября 1971 г. в здании Государственной филармонии состоялся торжественный вечер, посвященный юбилею, с участием преподавателей, сотрудников и приглашенных лиц, где были вручены почетные грамоты и объявлены благодарности². СЮИ получил множество поздравлений от партийных и профсоюзных организаций, различных трудовых коллективов, научных и учебных заведений: Уральского филиала Московского архитектурного института, Свердловского отделения Высшей школы МВД СССР, Рязанской высшей школы МВД СССР, Свердловского института народного хозяйства, Уральского политехнического института им. С. М. Ки-

Празднование 40-летнего юбилея СЮИ

¹ Позан Ю. Пять лет работы Свердловского института права // Уральский рабочий. 1936. 11 мая. С. 3.

² Архив Уральского государственного юридического университета. Ф. 2143-р. Акты ревизий с 1969 г. по 1972 г. Л. 18–20.

рова, Уральского электромеханического института инженеров железнодорожного транспорта, Свердловской высшей партийной школы, Прокуратуры Новосибирской области и др.

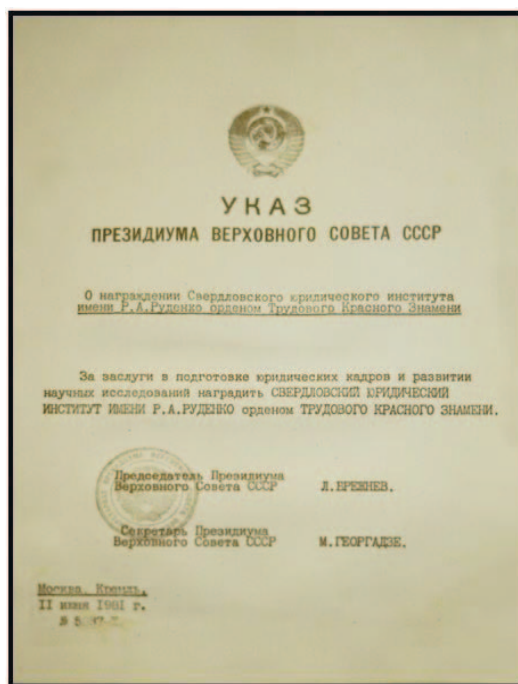

Поздравительный адрес от Свердловской высшей партийной школы в честь 40-летия СЮИ

В декабре 1979 г. Министерство просвещения РСФСР разрешило празднование 50-летия института. Вуз встретил свой юбилей как крупнейший научный и учебный центр по подготовке специалистов в области права для всей страны. Постановлением Совета Министров СССР от 11 февраля 1981 г. № 170 ему было присвоено имя Р. А. Руденко, а Указом Президиума Верховного Совета СССР от 11 июня 1981 г. № 5037-X за заслуги в подготовке юридических кадров и развитие научных исследований институт был награжден орденом Трудового Красного Знамени. На торжественном собрании орден Трудового Красного Знамени институту вручал Б. Н. Ельцин.

Эмблема, созданная к 50-летию СЮИ

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 11 июня 1981 г. № 5037-Х
о награждении Свердловского юридического института орденом Трудового Красного Знамени

В октябре 1981 г. институт в торжественной обстановке отметил свое 50-летие. В честь празднования состоялся концерт, на котором выступили артисты Свердловского академического театра оперы и балета, Свердловской государственной филармонии, вокального ансамбля СЮИ. Кроме того, к 50-летию был приурочен выпуск памятной медали, издана книга «Свердловский юридический институт 1931–1981. 50 лет»¹.

Выступление С. С. Алексеева (слева)
и Первого секретаря Свердловского обкома КПСС Б. Н. Ельцина
на 50-летнем юбилее СЮИ

¹ Свердловский юридический институт 1931–1981. 50 лет / отв. ред. Д. Д. Остапенко. М., 1981.

Медаль, выпущенная к 50-летию юбилею СЮИ

Традиционно свои поздравительные адреса направили представители партийных и профсоюзных организаций, правоохранительных органов, министр высшего и среднего профессионального образования ССР В. Елютин, учебные и научные учреждения: отдел экономико-правовых проблем Института экономики и промышленности АН Украинской ССР, Свердловский институт народного хозяйства, Свердловский горный институт, юридические факультеты Воронежского, Киевского, Ереванского университетов, Московской высшей школы милиции МВД ССР и многие другие.

60-летний юбилей СЮИ проходил два дня: 19 и 20 апреля 1991 г. – в Доме офицеров.

В первый день празднования был проведен торжественный вечер. Ректор института профессор Михаил Иванович Кукушкин (1933–2017) открыл торжественное заседание, после выноса Знамени начались праздничный концерт и конкурсы для студентов. Также в эти дни была организована работа выставок (фотовыставка, выставка художественных работ, прикладного искусства, редких изданий юридической литературы, фотоальбомов и документальных материалов музея СЮИ), кафе, бильярда, фотографа, затем состоялся праздничный вечер с концертом, по завершении которого была проведена дискотека.

Михаил Иванович Кукушкин (ректор СЮИ – УрГЮА в 1986–2001 гг.)

Торжественное заседание в честь 60-летия СЮИ

На имя вуза поступило множество поздравлений от органов власти, учреждений науки и образования, выпускников вуза¹. Кроме того, в честь 60-летнего юбилея были выпущены значки.

Значки, выпущенные к 60-летию института

¹ Архив Уральского государственного юридического университета. Ф. 2143-р. Документы (сценарий, мероприятия, списки участников и др.) по подготовке и проведению юбилея, посвященного 60-летию СЮИ.

На 65-летие академия получила традиционные поздравления от гимназий, вузов, организаций и учреждений, а также от своего выпускника – прокурора Кемеровской области В. В. Семученкова.

18 апреля 2001 г. УрГЮА праздновала 70-летний юбилей. Под звуки военного оркестра был открыт обелиск памяти студентов и сотрудников, погибших при исполнении служебных обязанностей. Затем во Дворце культуры «Урал» состоялись встреча выпускников Академии и общее собрание Межрегиональной ассоциации юридических вузов России. В рамках юбилейных мероприятий были проведены Всероссийская научно-практическая конференция «Юрист XXI века: реальность и перспективы» и III Всероссийский конкурс «Мисс юридическая Россия».

Фрагмент календаря, выпущенного к 70-летию УрГЮА

В дни юбилея в УрГЮА работала выставка-ярмарка «Юридическая карьера» для выпускников, студентов и работодателей. Завершился юбилейный марафон торжественным собранием преподавателей и сотрудников академии, которое прошло в Театре драмы. Преподавателям академии вручили подарки¹.

Подарки к 70-летию УрГЮА

¹ Архив Уральского государственного юридического университета. Ф. 2143-Р. Оп. 2. Ед. хр. 2073.

Торжественное собрание преподавателей и сотрудников академии в честь 70-летнего юбилея

Также в честь юбилея был выпущен календарь, напечатана статья с поздравлениями в журнале «Юридический вестник», издан буклет «Уральская государственная юридическая академия 70 лет. 1931–2001», вышла в свет книга «Свердловский юридический институт – Уральская государственная юридическая академия. 70 лет»¹.

В честь 75-летнего юбилея свои поздравления в адрес академии направили министр юстиции РФ Ю. Я. Чайка, председатель Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькин, начальник отдела Генеральной прокуратуры РФ в Уральском федеральном округе Н. Н. Короткова и многие другие. К празднику была выпущена книга «История и современность. 75 лет Уральской государственной юридической академии»².

22 апреля 2011 г. состоялось расширенное заседание Ученого совета УрГЮА, посвященное 80-летию Академии³. На заседание были приглашены преподаватели и сотрудники, внесшие заметный вклад в развитие науки, совершенствование образовательного процесса и инфраструктуры академии. В торжественном мероприятии также приняли

¹ Свердловский юридический институт – Уральская государственная юридическая Академия 70 лет / отв. ред. М. И. Кондрашева, А. С. Смыкалин. Екатеринбург, 2001.

² История и современность. 75 лет Уральской государственной юридической академии. Екатеринбург, 2006.

³ 22 апреля 2011 года состоялось расширенное заседание Ученого совета УрГЮА, посвященное 80-летию Академии // URL: <http://www.usla.ru/ch.php?mid=1&cid=1&obid=2502> (дата обращения: 06.08.2017).

участие представители Законодательного собрания Свердловской области, Главного управления МВД по УрФО, Прокуратуры Свердловской области, Уральской транспортной прокуратуры, Уставного суда Свердловской области, главы Екатеринбурга и многие другие¹.

Основной составляющей заседания Ученого совета стала церемония награждения². Было вручено 56 почетных знаков «За особые заслуги». В числе награжденных оказались ветераны Великой Отечественной войны, бывшие и действующий ректоры, профессора, заведующие кафедрами академии и выдающиеся выпускники УрГЮА, внесшие значительный личный вклад в развитие *alma mater*.

Медаль «За особые заслуги» к 80-летию УрГЮА

Официальное мероприятие по случаю 80-летия Академии завершилось торжественным фуршетом, где 46 работникам УрГЮА и труженикам тыла были вручены почетные грамоты Ученого совета УрГЮА.

Кульминацией юбилейных мероприятий УрГЮА, посвященных 80-летию академии, стал торжественный вечер, состоявшийся в ЦК «Урал» 27 мая 2011 г.³ На вечере выступили выпускники СЮИ П. В. Крашенинников (депутат Государственной Думы Федерального Собрания РФ, председатель Комитета Государственной Думы по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству, председатель Ассоциации юристов России); В. Ф. Яковлев (советник Президента РФ по правовым вопросам); С. А. Аристов (заместитель министра транспорта РФ). Также на вечере было вручено множество подарков. Выпускник СЮИ Ю. И. Скуратов, президент фонда «Правовые технологии XXI века», оригинально выразил свое отношение к родному вузу: преподнес в подарок космическую звезду под именем «Свердловский юридический институт – Уральская государственная юридическая академия – 80 лет».

¹ 22 апреля 2011 года состоялось расширенное заседание Ученого совета УрГЮА, посвященное 80-летию Академии.

² Там же.

³ Кульминацией юбилейных мероприятий УрГЮА, посвященных 80-летию Академии, стал торжественный вечер, состоявшийся в ЦК «Урал» 27 мая 2011 года // URL: <http://www.usla.ru/ch.php?mid=1&cid=1&obid=2557> (дата обращения: 06.08.2017).

Торжественный вечер в ЦК «Урал», посвященный 80-летию академии

Поздравления в адрес академии направили Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев, ректор Южно-Уральского государственного университета А. Л. Шестаков и доктор юридических наук, профессор и почетный работник прокуратуры Л. Я. Драпкин. Также Конституционный Суд РФ вручил вузу почетную грамоту. По традиции была выпущена книга, посвященная 80-летию УрГЮА¹.

Почетная грамота от Конституционного Суда РФ

¹ История, настоящее, будущее: 80 лет СЮИ – УрГЮА / отв. ред. В. А. Бублик, В. Д. Первалов. Екатеринбург, 2011.

Следующей важной страницей в истории УрГЮУ станет 100-летний юбилей: в 2018 г. вуз вступит в новый век своего существования и развития. Активная подготовка к празднику идет еще с 2016/2017 учебного года.

Студенты-исследователи Института юстиции УрГЮУ, занимающиеся в кружке СНО по истории государства и права с элементами музейного и архивного дела, проявили живой интерес к юбилейной теме. Музей истории СЮИ – УрГЮА – УрГЮУ совместно со студентами-исследователями подготовил выставки к наиболее значимым событиям 2016/2017 учебного года: 40-летию Института юстиции¹, Института прокуратуры², Института права и предпринимательства³, к 25-летию Института государственного и международного права⁴, к 15-летию факультета дополнительного образования⁵ и 80-летию кафедры истории государства и права и кафедры русского, иностранных языков и культуры речи⁶. Персональные выставки были подготовлены к юбилеям выдающихся профессоров университета П. Г. Щекочихина⁷, П. И. Савицкого⁸, В. Д. Перевалова⁹, В. С. Белых, А. С. Шабурова¹⁰, Р. К. Русинова¹¹, К. М. Левитана¹².

Результаты своего труда студенты-исследователи презентовали 18 мая 2017 г. на круглом столе «„Юбилеямания“, познание традиций юридического образования и развитие юридической университетологии: навстречу 100-летию УрГЮУ»¹³.

Круглый стол начался с выступления кандидата юридических наук, доцента кафедры истории государства и права, директора музея истории университета и научного руководителя кружка Н. Н. Зипунниковой, которая поприветствовала участников и пояснила тему круглого стола, подробно остановилась на недавно появившемся в науке понятии

¹ Выставка к 40-летию Следственно-криминалистического факультета – Института юстиции СЮИ – УрГЮА – УрГЮУ // URL: <http://www.usla.ru/ch.php?mid=403&cid=139&obid=6587> (дата обращения: 06.08.2017).

² Выставка к 40-летию СПФ – ИП СЮИ – УрГЮА – УрГЮУ (главная экспозиция, переход между учебными корпусами на ул. Комсомольской) // URL: <http://www.usla.ru/ch.php?mid=403&cid=139&obid=6477> (дата обращения: 06.08.2017).

³ Выставка к 40-летию Института права и предпринимательства (Факультета правовой службы в народном хозяйстве) и юбилею профессора Владимира Сергеевича Белых // URL: <http://www.usla.ru/ch.php?mid=403&cid=139&obid=6585> (дата обращения: 06.08.2017).

⁴ Выставка к 25-летию Института государственного и международного права // URL: <http://www.usla.ru/ch.php?mid=403&cid=139&obid=6584> (дата обращения: 06.08.2017).

⁵ Факультету дополнительного образования – 15 лет! К юбилею ФДО Музей истории СЮИ – УрГЮА – УрГЮУ подготовил новую выставку // URL: <http://www.usla.ru/ch.php?mid=403&cid=139&obid=6478> (дата обращения: 06.08.2017).

⁶ Выставка в честь 80-летия кафедры русского, иностранных языков и культуры речи и юбилея профессора Константина Михайловича Левитана // URL: <http://www.usla.ru/ch.php?mid=403&cid=139&obid=6609> (дата обращения: 06.08.2017).

⁷ Выставка к юбилею профессора П. Г. Щекочихина // URL: <http://www.usla.ru/ch.php?obid=6318> (дата обращения: 06.08.2017).

⁸ Выставка в честь профессора П. И. Савицкого // URL: <http://www.usla.ru/ch.php?obid=6319> (дата обращения: 06.08.2017).

⁹ Выставка к юбилею профессора Виктора Дмитриевича Перевалова // URL: <http://www.usla.ru/ch.php?obid=6393> (дата обращения: 06.08.2017).

¹⁰ Выставка в честь профессора Анатолия Степановича Шабурова // URL: <http://www.usla.ru/ch.php?mid=403&cid=139&obid=6832> (дата обращения: 06.08.2017).

¹¹ Выставка к 80-летию профессора Рудольфа Константиновича Русинова // URL: <http://www.usla.ru/ch.php?mid=403&cid=139&obid=6845> (дата обращения: 06.08.2017).

¹² Выставка в честь 80-летия кафедры русского, иностранных языков и культуры речи и юбилея профессора Константина Михайловича Левитана // URL: <http://www.usla.ru/ch.php?mid=403&cid=139&obid=6609> (дата обращения: 06.08.2017).

¹³ «Юбилеямания», познание традиций юридического образования и развитие юридической университетологии: навстречу 100-летию УрГЮУ (студенческий исследовательский проект) // URL: <http://www.usla.ru/ch.php?mid=139&cid=139&obid=7266> (дата обращения: 06.08.2017).

«юбилеемания», рассказала о новом и развивающемся направлении в науке – университетологии, в том числе юридической¹. После со словами приветствия выступил директор Института юстиции, кандидат юридических наук, доцент М. В. Гончаров. Он обратил особое внимание на важность изучения истории своего государства и родного вуза².

Далее слово было предоставлено группам студентов. Свои выступления они посвятили следующим темам: «Юбилей 2017 года в государственно-правовой системе России», «Юбилейные традиции ведущих центров юридического образования и науки в России», «Юбилейные традиции региональных центров юридического образования и науки в России», «Alma mater: истоки, иркутский период», «Юбилейные традиции УрГЮУ». Завершил заседание круглого стола обобщающий видеоролик о юбилейных традициях российских юридических вузов.

Уникальным можно назвать выступление кандидата исторических наук, доцента кафедры русского, иностранных языков и культуры речи В. М. Пряхина. Он как непосредственный свидетель и участник событий тех лет рассказал об институте, о студентах конца 1970-х – 1980-х гг., о подготовке и праздновании 50-летнего юбилея СЮИ³. Стоит отметить, что зачастую именно устные воспоминания – ценный источник для изучения культурной истории вуза. Это направление необходимо развивать.

Не менее интересной была речь заведующего архивом УрГЮУ Н. С. Елисовой, которая подчеркнула важность исследования архивных документов при изучении истории вуза или его подразделений. Она указала, что в последнее время число обращений к документам архива значительно возросло, а с момента воссоздания в 2012 г. университетского музея УрГЮУ архивные документы начали полноценно использоваться. В заключение Н. С. Елисова поблагодарила всех тех, кто так бережно относится к истории своего университета, сохраняет память о нем для новых поколений юристов⁴.

Выступления В. М. Пряхина и Н. С. Елисовой на круглом столе

¹ «Юбилеемания», познание традиций юридического образования и развитие юридической университетологии: навстречу 100-летию УрГЮУ (студенческий исследовательский проект).

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

Круглый стол позволил студентам-исследователям, гостям форума под новым углом увидеть историю юридического образования и УрГЮУ. Он актуализировал юбилейную историю университета, которая стала самостоятельным объектом исследования.

Выставка в рамках круглого стола

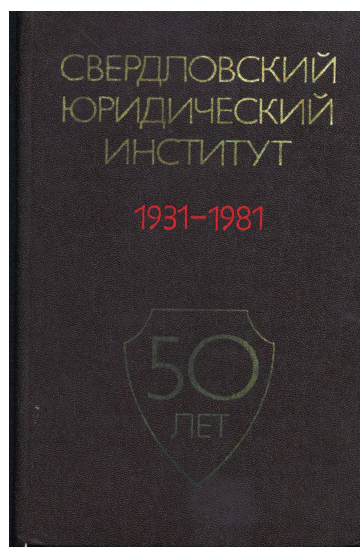
Студенты-исследователи и сотрудники музея и архива УрГЮУ на круглом столе. 2017 г.

Таким образом, УрГЮУ с большим трепетом относится к своим круглым датам. Проводимые в нем мероприятия вполне традиционны для празднования вузовских юбилеев.

Памятные даты всегда пробуждают сильнейший интерес к истории родного вуза. Юбилейное описание истории УрГЮУ и его подразделений представлено большой подборкой книг¹. В преддверии 100-летнего юбилея вуза интерес к его историописанию еще больше возрос. Перспективным является комплексное описание «живой истории» с использованием институционального, социокультурного и антропологического подходов². Университет – это цельный организм, его нужно рассматривать не только по частям, но и как единую корпорацию, что очень ценно для развития учебного заведения. К тому же нельзя, чтобы полноценное изучение истории вуза велось лишь в юбилейные годы:

¹ Подробнее см.: Зипунникова Н. Н. Указ. соч. С. 28–33.

² Иванова Т. Н., Мягков Г. П. Указ. соч. С. 384–389.

Юбилейные издания СЮИ – УрГЮА

нужно организовать постоянную планомерную работу с освещением не только парадных страниц.

В целом можно заключить, что юбилеи играют важную роль в нашем настоящем, а перспективы их исследования обширны. Юбилейная история УрГЮУ еще нуждается в тщательном и детальном изучении.

Список литературы

22 апреля 2011 года состоялось расширенное заседание Ученого совета УрГЮА, посвященное 80-летию Академии // URL: <http://www.usla.ru/ch.php?mid=1&cid=1&obid=2502>.

290-летие СПбГУ // URL: <http://old.spbu.ru/spbgu290let/761-290-letie-spbgu/20077-prazdnichnye-mero-priyatiya.html>.

85-летие ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия» // URL: <http://minjust.ru/ru/novosti/85-letie-fgbou-vo-saratovskaya-gosudarstvennaya-yuridicheskaya-akademiya>.

Архив Уральского государственного юридического университета. Ф. 2143-р. Справка по истории образования института от 19 февраля 1946 г.

Архив Уральского государственного юридического университета. Ф. 2143-р. Акты ревизий с 1969 г. по 1972 г. Л. 18–20.

Архив Уральского государственного юридического университета. Ф. 2143-р. Документы (сценарий, мероприятия, списки участников и др.) по подготовке и проведению юбилея, посвященного 60-летию СЮИ.

Архив Уральского государственного юридического университета. Ф. 2143-Р. Оп. 2. Ед. хр. 2073.

Большой словарь иностранных слов. 2007 // URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/1338/%D0%AE%D0%91%D0%98%D0%9B%D0%95%D0%99.

Большой энциклопедический словарь. 2000 // URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/339038/%D0%AE%D0%91%D0%98%D0%9B%D0%95%D0%99>.

В 2016 году Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА) отмечает свое 85-летие // URL: http://www.msal.ru/news/v-2016-godu-moskovskiy-gosudarstvennyy-yuridicheskiy-universitet-imeni-o-e-kutafina-mgyua-otmechaet-/?sphrase_id=50166.

Вишленкова Е. А. Юбилей Казанского университета как общественное явление // Казанский университет как исследовательское и социокультурное пространство: сб. науч. ст. и сообщений. Казань, 2005.

Выставка в честь 80-летия кафедры русского, иностранных языков и культуры речи и юбилея профессора Константина Михайловича Левитана // URL: <http://www.usla.ru/ch.php?mid=403&cid=139&obid=6609>.

Выставка в честь 80-летия кафедры русского, иностранных языков и культуры речи и юбилея профессора Константина Михайловича Левитана // URL: <http://www.usla.ru/ch.php?mid=403&cid=139&obid=6609>.

Выставка в честь профессора Анатолия Степановича Шабурова // URL: <http://www.usla.ru/ch.php?mid=403&cid=139&obid=6832>.

Выставка в честь профессора П. И. Савицкого // URL: <http://www.usla.ru/ch.php?obid=6319>.

Выставка к 25-летию Института государственного и международного права // URL: <http://www.usla.ru/ch.php?mid=403&cid=139&obid=6584>.

Выставка к 40-летию Института права и предпринимательства (Факультета правовой службы в народном хозяйстве) и юбилею профессора Владимира Сергеевича Бельх // URL: <http://www.usla.ru/ch.php?mid=403&cid=139&obid=6585>.

Выставка к 40-летию Следственно-криминалистического факультета – Института юстиции СЮИ – УрГЮА – УрГЮУ // URL: <http://www.usla.ru/ch.php?mid=403&cid=139&obid=6587>.

Выставка к 40-летию СПФ – ИП СЮИ – УрГЮА – УрГЮУ (главная экспозиция, переход между учебными корпусами на ул. Комсомольской) // URL: <http://www.usla.ru/ch.php?mid=403&cid=139&obid=6477>.

Выставка к 80-летию профессора Рудольфа Константиновича Русинова // URL: <http://www.usla.ru/ch.php?mid=403&cid=139&obid=6845>.

Выставка к юбилею профессора Виктора Дмитриевича Первалова // URL: <http://www.usla.ru/ch.php?obid=6393>.

Выставка к юбилею профессора П. Г. Щекочихина // URL: <http://www.usla.ru/ch.php?obid=6318>.

Государственный архив Иркутской области. Ф. Р-71. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 106–107.

Даль В. И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. М., 2006.

Евтушенко А. Г. Юбилей как ключ к пониманию духовных устремлений нации // Вестн. Москов. гос. ун-та. 2012. № 1.

Загоскин Н. П. История Императорского Казанского университета за первые сто лет его существования, 1804–1904. Казань, 1902–1904.

Зипунникова Н. Н. Юбилейный синдром, «юбилеямания», лаборатория коммеморации или..? Размышления историка права о природе юбилейных изданий // Рос. право: образование, практика, наука. 2016. № 5.

Иванова Т. Н., Мягков Г. П. Юбилейные даты как стимул развития «университетологии»: об одном издании к 40-летию Омского государственного университета // Диалог со временем. 2015. Вып. 52.

Ивойлова И. Юбиляру – 255 лет // URL: <https://rg.ru/2010/01/25/tatiana-site.html>.

Из истории Юридического факультета // URL: <http://kpfu.ru/law/uznat-bolshe-o-fakultete/istoriya-juridicheskogo-fakulteta-kfu>.

История и современность. 75 лет Уральской государственной юридической академии. Екатеринбург, 2006.

История Казанского государственного университета им. В. И. Ульянова-Ленина (материалы к обсуждению) / под общ. ред. Д. Я. Мартынова. Казань, 1954.

История, настоящее, будущее: 80 лет СЮИ – УрГЮА / отв. ред. В. А. Бублик, В. Д. Первалов. Екатеринбург, 2011.

Казанский университет и его юбилеи // URL: <http://history-kazan.ru/4044-659>.

- Казанскому университету – 210 // URL: <http://kpfu.ru/sveden/kazanskomu-universitetu-210>.
- Казарин В. Н. Юридическое образование в Восточной Сибири (1918–1991 гг.): моногр. / В. Н. Казарин, Ю. П. Лякутина. Иркутск, 2012.
- Кульминацией юбилейных мероприятий УрГЮА, посвященных 80-летию Академии, стал Торжественный вечер, состоявшийся в ЦК «Урал» 27 мая 2011 года // URL: <http://www.usla.ru/ch.php?mid=1&cid=1&obid=2557>.
- Летопись Московского университета. Наши юбилеи // URL: <http://letopis.msu.ru/content/nashi-yubilei#l>.
- Летопись юридического факультета (1755–1918) // URL: <http://letopis.msu.ru/content/letopis-yuridicheskogo-fakulteta-1755-1918>.
- Летопись юридического факультета (1942 – н. вр.) // URL: <http://letopis.msu.ru/content/letopis-yuridicheskogo-fakulteta-1942-nvr>.
- МГУ отмечает 255-летний юбилей // URL: http://www.msu.ru/press/smiaboutmsu_arch/mgu_otmechaet_255_letniy_yubiley.html.
- МГУ отмечает солидный юбилей – 260 лет // URL: http://www.msu.ru/press/smiaboutmsu_arch/mgu_otmechaet-solidnyy-yubiley-260-let.html.
- Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА). Историческая справка // URL: <http://www.msal.ru/content/ob-universitete/?hash=tab17>.
- На все сто: сайт, посвященный юбилею Пермского государственного национального исследовательского университета. URL: <https://100.psu.ru>.
- Позан Ю. Пять лет работы Свердловского института права // Уральский рабочий. 1936. 11 мая.
- Положение о Московском институте советского права // Сов. юстиция. 1931. № 19.
- Поршнева О. С. Историческая имагология в современной российской историографии // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: индустриальная модернизация Урала в XVIII–XXI вв.: материалы XII Всерос. науч. конф., посвящ. 90-летию Заслуженного деятеля науки России, д-ра истор. наук, проф. Александра Васильевича Бакунина. Екатеринбург, 4–5 декабря 2014 г.: в 2 т. Екатеринбург, 2014. Т. 1.
- Прохоров А. В. Брендинг университетов: российский опыт // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/brending-universitetov-rossiyskiy-opyt>.
- Прохоров А. В. Современная практика брендинга российских университетов // Вестн. Тамбов. ун-та. Сер.: Гуманитар. науки. 2016. № 3–4.
- Прохоров А. В. Специальное событие как инструмент продвижения образовательных услуг // Вестн. Тамбов. ун-та. Сер.: Гуманитар. науки. 2014. № 4.
- Свердловский юридический институт – Уральская государственная юридическая академия 70 лет / отв. ред. М. И. Кондрашева, А. С. Смыкалин. Екатеринбург, 2001.
- Свердловский юридический институт 1931–1981. 50 лет / отв. ред. Д. Д. Остапенко. М., 1981.
- СМИ о нас. Сайт Саратовской государственной юридической академии // URL: <http://xn--80af5bzc.xn--p1ai/pechatnye-izdaniya>.
- Солдаткин В. Е. Юбилей: исторический аспект праздника // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yubiley-istoricheskiy-aspekt-prazdnika>.
- Студенческая весна юридического факультета была посвящена 100-летию юридического образования в СГУ // URL: <http://www.sgu.ru/structure/jurist/news/2017-03-22/studencheskaya-vesna-yuridicheskogo-fakulteta-byla>.
- Традиции Казанского университета // URL: <http://kpfu.ru/sveden/istoriya-universiteta/tradicii-kazanskogo-universiteta>.
- Традициям Казанской школы теории права 210 лет // URL: <http://history-kazan.ru/aktualnaya-tema/yubilej/15306-traditsiyami-kazanskoj-shkoly-teorii-prava-210-let>.
- Уральская государственная юридическая академия 70 лет. 1931–2001. Екатеринбург, 2001.
- УрГЮУ: история и современность // URL: <http://www.usla.ru/ch.php?mid=3898&cid=1&obid=3898>.
- Ушаков Д. Н. Толковый словарь. 1935–1940 // URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/1098602/%D0%AE%D0%91%D0%98%D0%9B%D0%95%D0%99>.
- Факультету дополнительного образования – 15 лет! К юбилею ФДО Музей истории СЮИ – УРГЮА – УРГЮУ подготовил новую выставку // URL: <http://www.usla.ru/ch.php?mid=403&cid=139&obid=6478>.
- Цимбаев К. Н. Феномен юбилеизации в российской общественной жизни конца XIX – начала XX века // Вопр. истории. 2005. № 11.
- «Юбилеизация», познание традиций юридического образования и развитие юридической университетологии: навстречу 100-летию УрГЮУ (студенческий исследовательский проект) // URL: <http://www.usla.ru/ch.php?mid=139&cid=139&obid=7266>.

Юбилей, в римско-католической церкви // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. URL: <https://ru.wikisource.org>.

Юбилей, древнееврейский праздник // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. URL: <https://ru.wikisource.org>.

Юридический факультет: 210 лет истории // URL: <http://history-kazan.ru/aktualnaya-tema/yubilej/15307-yuridicheskij-fakultet-210-let-istorii>.

Юридическому факультету Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского 90 лет // URL: <http://www.sgu.ru/structure/jurist/o-fakultete/istoriya>.

References

22 aprelya 2011 goda sostoyalos' rasshirennoe zasedanie Uchenogo soveta UrGYuA, posvyashhennoe 80-letiyu Akademii // URL: <http://www.usla.ru/ch.php?mid=1&cid=1&obid=2502>.

290-letie SPbGU // URL: <http://old.spbu.ru/spbgu290let/761-290-letie-spbgu/20077-prazdnichnye-meropriyatiya.html>.

85-letie FGBOU VO «Saratovskaya gosudarstvennaya yuridicheskaya akademiya» // URL: <http://minjust.ru/novosti/85-letie-fgbou-vo-saratovskaya-gosudarstvennaya-yuridicheskaya-akademiya>.

Arxiv Ural'skogo gosudarstvennogo yuridicheskogo universiteta. F. 2143-r. Spravka po istorii obrazovaniya instituta ot 19 fevralya 1946 g.

Arxiv Ural'skogo gosudarstvennogo yuridicheskogo universiteta. F. 2143-r. Akty revizij s 1969 g. po 1972 g. L. 18–20.

Arxiv Ural'skogo gosudarstvennogo yuridicheskogo universiteta. F. 2143-r. Dokumenty (scenarij, meropriyatiya, spiski uchastnikov i dr.) po podgotovke i provedeniyu yubileya, posvyashhennoe 60-letiyu SYuI.

Arxiv Ural'skogo gosudarstvennogo yuridicheskogo universiteta. F. 2143-R. Op. 2. Ed. xr. 2073.

Bol'shoj ehnciklopedicheskij slovar'. 2000 // URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/339038/%D0%AE%D0%91%D0%98%D0%9B%D0%95%D0%99>.

Bol'shoj slovar' inostrannyx slov. 2007 // URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/1338/%D0%AE%D0%91%D0%98%D0%9B%D0%95%D0%99.

Cimbaev K. N. Fenomen yubilemanii v rossijskoj obshhestvennoj zhizni konca XIX – nachala XX veka // Vopr. istorii. 2005. # 11.

Dal' V. I. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka. Sovremennaya versiya. M., 2006.

Evtushenko A. G. Yubilej kak klyuch k ponimaniyu duxovnyx ustremenij natsii // Vestn. Moskov. gos. un-ta. 2012. № 1.

Fakul'tetu dopolnitel'nogo obrazovaniya – 15 let! K yubileyu FDO Muzej istorii SYuI – UrGYuA – UrGYuU podgotovil novuyu vystavku // URL: <http://www.usla.ru/ch.php?mid=403&cid=139&obid=6478>.

Gosudarstvennyj arxiv Irkutskoj oblasti. F. R-71. Op. 1. Ed. xr. 1. L. 106–107.

Istoriya i sovremennost'. 75 let Ural'skoj gosudarstvennoj yuridicheskoy akademii. Ekaterinburg, 2006.

Istoriya Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta im. V. I. Ul'yanova-Lenina (materialy k obsuzhdeniyu) / pod obshh. red. D. Ya. Martynova. Kazan', 1954.

Istoriya, nastoyashhee, budushhee: 80 let SYuI – UrGYuA / otv. red. V. A. Bublik, V. D. Perevalov. Ekaterinburg, 2011.

Ivanova T. N., Myagkov G. P. Yubilejnye daty kak stimul razvitiya «universitetologii»: ob odnom izdanii k 40-letiyu Omskogo gosudarstvennogo universiteta // Dialog so vremenem. 2015. Vyp. 52.

Ivojlova I. Yubilyaru – 255 let // URL: <https://rg.ru/2010/01/25/tatiana-site.html>.

Iz istorii Yuridicheskogo fakul'teta // URL: <http://kpfu.ru/law/uznat-bolshe-o-fakultete/istoriya-juridicheskogo-fakulteta-kfu>.

Kazanskij universitet i ego yubilei // URL: <http://history-kazan.ru/4044-659>.

Kazanskomu universitetu – 210 // URL: <http://kpfu.ru/sveden/kazanskomu-universitetu-210>.

Kazarin V. N. Yuridicheskoe obrazovanie v Vostochnoj Sibiri (1918–1991 gg.): monogr. / V. N. Kazarin, Yu. P. Lyakustina. Irkutsk, 2012.

Kul'minacij yubilejnyx meropriyatij UrGYuA, posvyashhennyx 80-letiyu Akademii, stal torzhestvennyj vecher, sostoyavshijsya v CK «Ural» 27 maya 2011 goda // URL: <http://www.usla.ru/ch.php?mid=1&cid=1&obid=2557>.

Letopis' Moskovskogo universiteta. Nashi yubilei // URL: <http://letopis.msu.ru/content/nashi-yubilei#l>.

Letopis' yuridicheskogo fakul'teta (1755–1918) // URL: <http://letopis.msu.ru/content/letopis-yuridicheskogo-fakulteta-1755-1918>.

Letopis' yuridicheskogo fakul'teta (1942 – n. vr.) // URL: <http://letopis.msu.ru/content/letopis-yuridicheskogo-fakulteta-1942-nvr>.

MGU otmechaet 255-letnij yubiley // URL: http://www.msu.ru/press/smiaboutmsu_arch/mgu_otmechaet_255_letnij_yubiley.html.

MGU otmechaet solidnyj yubiley – 260 let // URL: http://www.msu.ru/press/smiaboutmsu_arch/mgu-otmechaet-solidnyy-yubiley-260-let-.html.

Moskovskij gosudarstvennyj yuridicheskij universitet imeni O. E. Kutafina (MGYuA). Istoricheskaya spravka // URL: <http://www.msal.ru/content/ob-universitete/?hash=tab17>.

Na vse sto: sayt, posvyashhennyj yubileyu Permskogo gosudarstvennogo nacional'nogo issledovatel'skogo universiteta. URL: <https://100.psu.ru>.

Polozhenie o Moskovskom institute sovetskogo prava // Sov. yusticiya. 1931. № 19.

Porshneva O. S. Istoricheskaya imagologiya v sovremennoj rossijskoj istoriografii // Ural industrial'nyj. Bakuninskie chteniya: industrial'naya modernizaciya Urala v XVIII–XXI vv.: materialy XII Vseros. nauch. konf., posvyashh. 90-letiyu Zasluzhennogo deyatelya nauki Rossii, d-ra istor. nauk, prof. Aleksandra Vasil'evicha Bakunina. Ekaterinburg, 4–5 dekabrya 2014 g.: v 2 t. Ekaterinburg, 2014. T. 1.

Pozan Yu. Pyat' let raboty Sverdlovskogo instituta prava // Ural'skij rabochij. 1936. 11 maya.

Proxorov A. V. Brending universitetov: rossijskij opyt // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/brending-universitetov-rossijskiy-opyt>.

Proxorov A. V. Sovremennaya praktika brendirovaniya rossijskix universitetov // Vestn. Tambov. un-ta. Ser.: Gumanitar. nauki. 2016. № 3–4.

Proxorov A. V. Special'noe sobytie kak instrument prodvizheniya obrazovatel'nyx uslug // Vestn. Tambov. un-ta. Ser.: Gumanitar. nauki. 2014. № 4.

SMI o nas. Sayt Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoy akademii // URL: <http://xn--80af5bzc.xn--p1ai/pechatnye-izdaniya>.

Soldatkin V. E. Yubiley: istoricheskij aspekt prazdnika // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yubiley-istoricheskij-aspekt-prazdnika>.

Studencheskaya vesna yuridicheskogo fakul'teta byla posvyashhena 100-letiyu yuridicheskogo obrazovaniya v SGU // URL: <http://www.sgu.ru/structure/jurist/news/2017-03-22/studencheskaya-vesna-yuridicheskogo-fakulteta-byla>.

Sverdlovskij yuridicheskij institut – Ural'skaya gosudarstvennaya yuridicheskaya akademiya 70 let / otv. red. M. I. Kondrasheva, A. S. Smykalin. Ekaterinburg, 2001.

Sverdlovskij yuridicheskij institut 1931–1981. 50 let / otv. red. D. D. Ostapenko. M., 1981.

Tradicii Kazanskogo universiteta // URL: <http://kpfu.ru/sveden/istoriya-universiteta/tradicii-kazanskogo-universiteta>.

Tradiciyam Kazanskoy shkoly teorii prava 210 let // URL: <http://history-kazan.ru/aktualnaya-tema/yubiley/15306-traditsiyami-kazanskoy-shkoly-teorii-prava-210-let>.

Ural'skaya gosudarstvennaya yuridicheskaya akademiya 70 let. 1931–2001. Ekaterinburg, 2001.

UrGYuU: istoriya i sovremennost' // URL: <http://www.usla.ru/ch.php?mid=3898&cid=1&obid=3898>.

Ushakov D. N. Tolkovyj slovar'. 1935–1940 // URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/1098602/%D0%AE%D0%91%D0%98%D0%9B%D0%95%D0%99>.

V 2016 godu Moskovskij gosudarstvennyj yuridicheskij universitet imeni O. E. Kutafina (MGYuA) otmechaet svoe 85-letie // URL: http://www.msal.ru/news/v-2016-godu-moskovskiy-gosudarstvennyy-yuridicheskij-universitet-imeni-o-e-kutafina-mgyua-otmechaet-/?sphrase_id=50166.

Vishlenkova E. A. Yubiley Kazanskogo universiteta kak obshchestvennoe yavlenie // Kazanskij universitet kak issledovatel'skoe i sociokul'turnoe prostranstvo: sb. nauch. st. i soobshhenij. Kazan', 2005.

Vystavka k 25-letiyu Instituta gosudarstvennogo i mezhdunarodnogo prava // URL: <http://www.usla.ru/ch.php?mid=403&cid=139&obid=6584>.

Vystavka k 40-letiyu Instituta prava i predprinimatel'stva (Fakul'teta pravovoj sluzhby v narodnom xozyajstve) i yubileyu professora Vladimira Sergeevicha Belyx // URL: <http://www.usla.ru/ch.php?mid=403&cid=139&obid=6585>.

Vystavka k 40-letiyu Sledstvenno-kriminalisticheskogo fakul'teta – Instituta yusticii SYuI – UrGYuA – UrGYuU // URL: <http://www.usla.ru/ch.php?mid=403&cid=139&obid=6587>.

Vystavka k 40-letiyu SPF – IP SYuI – UrGYuA – UrGYuU (glavnaya ehkspoziciya, perexod mezhdru uchebnymi korpusami na ul. Komsomol'skoj) // URL: <http://www.usla.ru/ch.php?mid=403&cid=139&obid=6477>.

Vystavka k 80-letiyu professora Rudol'fa Konstantinovicha Rusinova // URL: <http://www.usla.ru/ch.php?mid=403&cid=139&obid=6845>.

Vystavka k yubileyu professora P. G. Shhekochixina // URL: <http://www.usla.ru/ch.php?obid=6318>.

Vystavka k yubileyu professora Viktora Dmitrievicha Perevalova // URL: <http://www.usla.ru/ch.php?obid=6393>.

Vystavka v chest' 80-letiya kafedry russkogo, inostrannyx yazykov i kul'tury rechi i yubileya professora Konstantina Mixajlovicha Levitana // URL: <http://www.usla.ru/ch.php?mid=403&cid=139&obid=6609>.

Vystavka v chest' 80-letiya kafedry russkogo, inostrannyx yazykov i kul'tury rechi i yubileya professora Konstantina Mixajlovicha Levitana // URL: <http://www.usla.ru/ch.php?mid=403&cid=139&obid=6609>.

Vystavka v chest' professora Anatoliya Stepanovicha Shaburova // URL: <http://www.usla.ru/ch.php?mid=403&cid=139&obid=6832>.

Vystavka v chest' professora P. I. Savickogo // URL: <http://www.usla.ru/ch.php?obid=6319>.

«Yubilemaniya», poznanie traditsij yuridicheskogo obrazovaniya i razvitie yuridicheskoy universitetologii: navstrechu 100-letiyu UrGYuU (studentcheskiy issledovatel'skiy proekt) // URL: <http://www.usla.ru/ch.php?mid=139&cid=139&obid=7266>.

Yubilej, drevneevrejskiy prazdnik // Ehnciklopedicheskij slovar' Brokgauza i Efrona. URL: <https://ru.wikisource.org>.

Yubilej, v rimsko-katolicheskoy cerkvi // Ehnciklopedicheskij slovar' Brokgauza i Efrona. URL: <https://ru.wikisource.org>.

Yuridicheskij fakul'tet: 210 let istorii // URL: <http://history-kazan.ru/aktualnaya-tema/yubilej/15307-yuridicheskij-fakultet-210-let-istorii>.

Yuridicheskomu fakul'tetu Saratovskogo gosudarstvennogo universiteta imeni N. G. Chernyshevskogo 90 let // URL: <http://www.sgu.ru/structure/jurist/o-fakultete/istoriya>.

Zagoskin N. P. Istoriya Imperatorskogo Kazanskogo universiteta za pervye sto let ego sushhestvovaniya, 1804–1904. Kazan', 1902–1904.

Zipunnikova N. N. Yubilejnyj sindrom, «yubilemaniya», laboratoriya kommemoracii ili...? Razmyshleniya istorika prava o prirode yubilejnyx izdanij // Ros. pravo: obrazovanie, praktika, nauka. 2016. № 5.

**ЭЛЕКТРОННОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ
К «РОССИЙСКОМУ ЮРИДИЧЕСКОМУ ЖУРНАЛУ»**

Редактор *Н. Н. Рассохина*
Дизайн обложки *И. М. Митрофанова*
Компьютерная вёрстка *Н. Н. Рассохина*

Подписано к использованию 15.03.18.
Уч.-изд. л. 16,05. Объем 8,58 МВ.

Согласно п. 1 ч. 2 ст. 1, п. 1 ч. 4 ст. 11
Федерального закона от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ
маркировке не подлежит